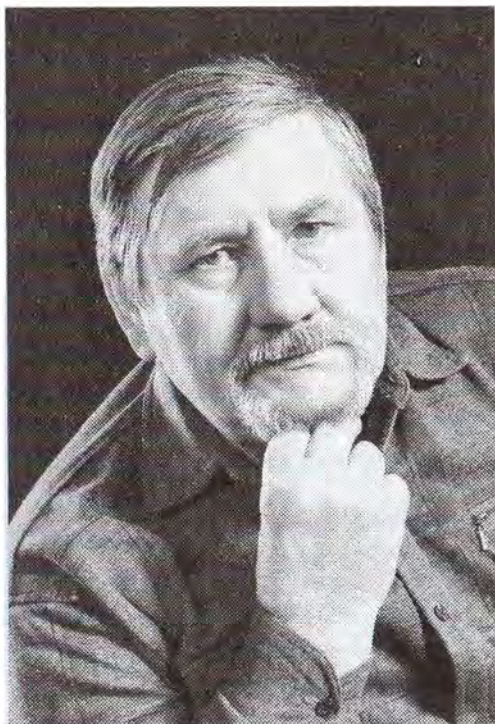

В.В. Дударенко

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

**Владимир
Васильевич
ДУДАРЕНКО**

Караганда 2014

УДК 821(574)
ББК 84 (5 Каз)
Д 81

ISBN 978-601-7449-47-6

Д 81

**«Время и судьбы»/В. Дударенко. Караганда: «Tengri LTD»,
2014.- 164.**

ISBN 978-601-7449-47-6

УДК 821(574)
ББК 84(5 Каз)

© В. Дударенко, 2014

ВРЕМЯ И СУДЬБЫ

**«Ужасный век,
ужасные сердца!»**
(Пушкин «Скупой рыцарь»)

**«Се бо, в беззакониих зачат есмь,
и во гресех роди мя мати моя!»**
(50 й псалом)

**«Вам жить –
Этот воздух степной пить,
И по светлым морям плыть,
И счастливыми быть!»**
(Из советской песни)

Слово о книге

Владимир Васильевич Дударенко – человек удивительной судьбы, большого оптимизма и жизнестойкости. И таким его сделала любовь к литературе, матери и отцу, природе родного края. Уже выйдя на пенсию, бывший помощник машиниста паровоза и тепловоза взялся за перо, чтобы рассказать людям о родословной семьи Дударенко. И это у него получилось, ибо у нашего автора оказался дар писателя, который проявился, к сожалению, только в зрелом возрасте. До этого у него была дружба с редакцией республиканской газеты «Ленинская смена», в которой он печатал свои первые эссе и стихи, литературные пробы писать сказки, рассказы. И вот, наконец, Владимир Васильевич решился – взялся за большой труд – книгу мемуаров «Время и судьбы».

Я прочитал ее на одном дыхании, ведь Дударенко – почти мой ровесник, он пишет о тех годах, в кои и мне довелось жить. Трудные это были времена, ведь даже хлеба не хватало, обуви, одежды. Но пример старших Дударенко вел по жизни любознательного юношу, мечтавшего стать литератором, но угодившего в рабочие на веки вечные. Тогда это было почетно и не так сильно ранило его.

Читая книгу, понимаешь, что автор гордится прежде всего своим отцом, участником Великой Отечественной войны, кузнецом Василием Дударенко, который прошел сквозь огонь и воду, но остался верным гражданином великой страны по имени СССР. Он не только воевал, но и целину в Казахстане поднимал. Увы, с сожалением пишет Владимир Дударенко, в последние годы о героизме людей того времени, первоцелинниках стали необоснованно редко вспоминать. А ведь это был великий подвиг народа! «Целина дала столько хлеба, столько зерна, что его не успевали перерабатывать». Добавим: она подняла с колен нищий Казахстан, и если раньше куска хлеба не было в рабочих семьях, то теперь в столовых его стали давать бесплатно, как горчицу, как соль, вспоминает автор.

Однако не все шло к лучшему. В.В. Дударенко пишет: «Отец рассказывал, что за свою медаль «За боевые заслуги» он после войны получал рубля 3 в месяц, но потом года через два эти выплаты прекратили. Объяснение этому он при жизни так и не услышал». Поэтому престиж награды стал падать, утверждают люди. И мальчишки во дворах, на огородах играли в медали, как будто это пустые костяшки.

Не раз и не два вспоминает автор и своего деда — Трофима Николаевича Дударенко, которого признали кулаком из-за десятка свиней, имевшихся у него на подворье, и уехали в далекий сибирский край под Тайшет. Туда ссылали не только кулаков, но и представителей интеллигенции за антисоветскую пропаганду и агитацию. Там позже отбывала свой срок, скажем, знаменитая русская певица, певица Победы Лидия Русланова...

Книга В.В. Дударенко полна размышлений о корнях своей большой семьи, о том, что только трудолюбие красит человека и не должен он страдать за свои праведные труды, как дед Трофим, отец Василий, многочисленная родня.

Большую часть жизни наш автор прожил в селе Ашанино Кокчетавской области. «Там было цивилизованнее, чем на других участках Целины, - рядом находились железнодорожная станция Пески-Целинная, паровозное депо, нефтебаза, и, главное, красивая река Ишим». Любовь к Казахстану В.В. Дударенко передает через любовь к этой реке жизни.

«Ишим. Ишим — река степная.

Дружу с тобой я много лет.

Ты — ласковый, как мать родная,

Ты в сердце оставляешь след...»

Прочитав книгу Владимира Дударенко, я подумал: «Молодец!» В свое время Максим Горький всячески поощрял тех писателей, кто создавал книги об истории фабрик и заводов, колхозов и совхозов... А сегодня не мешало бы поддерживать тех, кто пишет об истории своей родословной, своих больших и малых семьях. Все-таки, признаемся, любая семья — это основа государства, это родник наших настоящих и будущих дел.

Я охотно рекомендую почитать книгу Владимира Дударенко. Думаю, его тема о наших семьях, его поиск будут поддержаны и подхвачены моими коллегами — литераторами.

Валерий Могильницкий,
член Союза журналистов СССР и РК,
академик МАИИ, лауреат международных наград
«Святая София», «Интеллект нации»

От автора

Если уважаемый читатель ожидает встретить здесь крутой сюжет или детективную интригу, то сразу предупреждаю – он в этой книге ничего подобного не найдет. Эта книга - история моего рода, и я пытался рассказать о ней по прошествии ста лет. Через историю жизни отца соединиться с временем деда, которого никогда не видел, и если кто думает, что это легко и просто – пусть попробует!

Эта книга – история нашей семьи с 1946 по 1966 годы, которая, естественно, излагается и отражает только мою точку зрения.

А, мемуары, - скажет другой, и будет не прав! Да, воспоминания, но так получилось, что некоторые моменты приходилось пропускать через свое сердце и душу, чтобы ощутить в полной мере дыхание того времени. Приходилось домысливать за своих персонажей, чтобы понять их поступки. В этой книге есть элементы художественного произведения и, безусловно, придирчивый критик найдет спорные моменты. Книга досталась очень тяжело. Открывались и начинали кровоточить старые, давно забытые душевные раны.

Одновременно, с написанием книги вел активные поиски в архивах. Я узнал о своей семье много нового, вот почему послесловие книги очень большое. Основной текст был уже готов, а становились известны новые факты и их надо было обязательно осветить, поэтому и разрасталось. Но, может быть, это и к лучшему, и книга от этого только выиграла.

Я чрезвычайно благодарен Ольге Федоровне Альшаковой, моей двоюродной сестре, за ценнейшую информацию которую она мне сообщила, а также Ольге Викторовне и Елене Викторовне – дочерям Виктора Яковлевича Дударенко, за их неравнодушное отношении к истории семьи.

Работая над книгой, я пришел к мысли, что было бы неплохо, чтобы в истории каждой семьи был свой, так сказать, летописец, потому что в процессе написания книги в полной мере ощутил, как время разрушает человеческую память и родственные связи, и что моя судьба перестает быть только моей, потому что она — лишь одно кольцо в длинной цепи рода.

Мы связываем Прошлое и Будущее!

С уважением: автор.

Украина

Всё, что осталось мне от предков - это фамилия и фотография деда: Дударенко Трофима Николаевича.

Когда мой отец, Дударенко Василий Трофимович, привез нас на целину (как тогда говорили), где-то в году 1965-1966, я уже заканчивал школу, он пришел с работы, выпил и сказал: «Вашему деду исполнилось бы 100 лет». Так что, дед мой, чуть-чуть не родился при крепостном праве.

Детство отца ничем не отличалось от детства миллионов пацанов того времени. Сопливая, босоногая пора, рубаха до пят. Научившись бегать, уже пас гусей, потом свиней. Таскали табак и самогонку у взрослых, и пробовали.

Обычная крестьянская жизнь, работа. Как отец шутил: «Простые гречкосеи». Семья у деда была большая и крепкая даже по крестьянским меркам: пятеро сыновей и дочка, а сколько рождалось, отец и не говорил.

Все, что я пишу об украинском периоде жизни деда и отца - это лишь то, что осталось в моей памяти из рассказов отца и иногда, мамы.

Отец вообще разговорчивостью не отличался, особенно на общественно-политические темы, вот на философско – моральные – это да, тут он мог рассуждать часами.

Надо хорошо знать и представлять себе Россию и Украину того времени. Теперь это стало историей, ее учат в школе, сдают экзамены, и... успешно забывают, а для деда и отца - это была их жизнь, их время. Время революций, больших переломов, войн, время новых моральных ценностей и новых законов. Время научило отца молчать.

Так вот, продолжаю про деда. Февраль 1917 года, отречение царя от власти. В деревне Писаревка, Житомирской обла-

сти, это известие, выражаясь по-современному, вызвало шок. Многие бабы плакали, а мужики, собирались группами, качали головами и спрашивали друг друга: «Как это – жить без царя? Как можно? Что будет? Без царя нельзя, царь – это власть!» И посоветовавшись, приходили к одному: кому-кому, а мужику достанется крепко.

Отцу было тогда 8 лет, и это он хорошо запомнил. Также он рассказывал, что был еще один брат, как произносил отец, «Есып», и я думаю, что правильно «Осип», так вот он, в начале гражданской войны сбежал из дома, и след его пропал навсегда для всей семьи. Ходили слухи потом, что какой-то Дударенко дослужился до высоких чинов. Так ли, не так ли, но с его стороны попыток установить связь с семьей не было никогда.

Где-то в эти года отец начал ходить в школу. Учился с большой охотой и интересом. Особенно полюбилась ему арифметика. Эту любовь к вычислениям, к арифметике, он сохранит на всю жизнь. Уже после войны он помогает племянницам, Оле и Кате – дочерям дяди Феди, а потом и нам с сестрой, пока не началась алгебра. Причем, помогал не просто так, а заставлял думать, подсказывал не конечный результат, а путь к нему, ставил нас в такие тупики, что мы почти всегда сами находили зерно истины, что было для нас радостью. Решив задачку, я говорил ему: «А что ты мне помог, только вот здесь чуть-чуть поправил и все, а так я сам», на что отец довольно усмехался. Причем, все задачки в уме решал.

Учиться ему довелось всего три года – дальше учиться не позволил Трофим Николаевич. Отец рассказывал, что приходил школьный учитель, уговаривал деда, чтобы Василь продолжил учебу, но дед был упрям и стоял на своем: «Читать, писать умеет и хватит, а от ваших наук хлеба на столе не до-

бавится, а будет работать – будет все!» Так, с тремя классами он прожил всю жизнь, хотя голову имел светлую, любил логические задачки, мог порассуждать и на философские темы, опираясь на житейский опыт.

До 17 лет помогал отцу в тяжелой крестьянской жизни: косил, убирал, пахал, сеял и т.д.

Четко помню рассказ отца о случае происшедшем с ним в ночном.

Ватага подростков, человек 5-6, пасла в ночном лошадей. Набрали из дома еды, пекли в костре картошку, рассказывали разные истории, которые слышали от взрослых. Я расскажу сначала одну из таких историй, а потом, что произошло с отцом.

Во времена крепостного права, в деревне был еще крепкий старик, дед Довбня. Лечил людей, помогал скотине, но был у него еще один дар, по словам отца, его называли «даньё». Этот дар Довбня применял только для помощи людям. Все о нем знали и втихаря побаивались деда. Поп не заходил в его дом, хотя у него, как и у всех, висели иконы и в церковь ходил, и крестился, но поп его не привечал.

А у помещика был здоровенный управляющий, сущий деспот. Сёк и мужиков и баб за всякую провинность, мог и дитя хлестануть. И вот однажды он избил мужика так, что тот стал инвалидом, а раз стал немощен, то станешь нищим.

Мужики, собравшись втихаря, решили проучить управляющего, но нападать на него в открытую – это значит, загреметь в Сибирь, и кто-то предложил попросить Довбню.

Тот долго не соглашался, но мужики сумели убедить его, что дело это не богопротивное, а защита от супостата и изверга. Подпоили его, дали денег, и дед Довбня согласился.

Но кто-то донес управляющему, что ему собираются дать дань, на что он открыто обозвал мужиков дикарями без мозгов, дураками и т.д., и что никакой дед и колдун не смогут с ним ничего сделать. Был брошен вызов уже самому Довбне.

И вот, как-то раз, мужики, под каким-то предлогом, пригласили управляющего в корчму, усадили спиной к окну, и давай угощать его. Довбня уже был на месте. Подпоив хорошо управляющего, его отвлекли от выпивки и Довбня через стекло посмотрел на стакан с водкой, что-то пошептал, махнул рукой, как будто что-то бросил в стакан, и сразу же ушел.

Мужики, внимательно за всем следившие, рассказывали, что в стакане водки появилось великое множество черных червячков, которые своими движениями мгновенно как-бы вспенили его, и пропали.

Несколько секунд, и все было кончено, водка стала чистой.

Управляющий выпил ее, закусил и продолжал разговоры. А мужики следили и ждали.

Внезапно он замолчал, как-бы поперхнулся, и обвел всех долгим взглядом, потом попросил воды. Недопив воду, он упал на пол и начал кричать, и рвать на себе одежду, порвав ее, он начал рвать свою грудь, пошла кровь, потом появилась пена изо рта.

Его связали и отвезли в усадьбу к помещику, где был лекарь.

Потом управляющий долго лечился аж в самом Киеве и в деревне появился месяца через три, и еще месяца три приходил в себя. Поздоровев и придя в силу, он пошел к Довбне.

Рассказывают, что Довбню из хаты он вынес на кулаках и ногах, и так нес до изгороди, где тот и коснулся земли. Управляющий продолжал бить ногами и кричал: «Это тебе за дань! А это вот мое дань!».

После такого избиения у Довбни пропала сила и вскорости он и умер.

Вот такие истории рассказывали ребята в ночном.

За полночь, устав от еды и разговоров, ребята благополучно уснули. Проснувшись, то-ли от ночной свежести, то-ли от чувства ответственности (лошадей, все-таки, смотреть надо), Василий вдруг увидел, что находится совсем в незнакомой местности.

Его окружали горы, которых он в жизни не видел, и густой кустарник, растворяющийся в черноте ночи. Ни костра, ни ребят, ни луны – ничего этого не было!

Исчезли знакомый лес и луг, на котором паслись лошади. Страх мгновенно прогнал остатки сна и Василий закричал.

На его истошные крики никто не отзывался. Поняв, что криком не поможешь, он взял себя в руки и стал ходить кругами, постепенно увеличивая радиус, спотыкаясь о какие-то коряги и камни, которых раньше и в помине не было.

Сколько он так бродил, Василий и не помнит, но вот до его слуха донесся еле уловимый крик петуха, и произошло то, что он называет чудом: на его глазах горы и тучи стали сворачиваться с востока на запад, исчезли кустарник, коряги и камни, появилась луна.

Он стоял недалеко от потухшего костра, спали ребята, вдалеке паслись лошади.

Когда он растолкал пацанов и рассказал им, что произошло, все сначала развеселились и начали подшучивать над Васькой, но когда увидели порванные штаны, все притихли. В те времена порвать их, означало получить серьезную взбучку дома. А дома все обошлось, тем более стали приходить матери ребят и спрашивать Катерину про сына. Все сошлись на том, что Васыля водил нечистый.

В первое же воскресенье отец с матерью взяли его с собой, и поехали в Малин на службу в церковь. Тем все и кончилось.

Вот такие истории отец рассказывал нам с Зоей.

Это сейчас все знают, что такое экстрасенсорика, парапсихология, телекинез, гипноз и т.д., а в наше время подобные факты были из области метафизики, и нам, пионерам, такие вещи казались не просто невозможными, но и дремучим суеверием, которое надо было разоблачить и решительно отвергнуть.

Пройдет всего сорок лет и тогдашняя «ересь» станет чистой правдой, и существование души и Бога будет подтверждаться такими же учеными, какими оно яростно отвергалось.

Ленинские слова: «Религия - это опиум для народа», станут знаменем в руках воинствующих атеистов-материалистов. Марксистско-ленинская философия и коммунистическая идеология станут новой религией, в которую поверят миллионы простых людей, поверят так же искренне и глубоко, как верили их деды и отцы в Бога.

Несогласные и инакомыслящие будут выявляться, преследоваться, объявляться врагами народа, лишаться свободы и уничтожаться.

Исполнится предвидение Зинаиды Гиппиус, написанное сразу же после революции 1917 года:

«Смеются дьяволы и псы над рабьей свалкой,
Смеются пушки, разевая рты,
И скоро в старый хлев ты будешь загнан палкой,
Народ, не уважающий святынь!»

Вся история человечества не знает такого, чтобы в мирное время народ терял 20 миллионов человек. Великой кровью, на протяжении почти 80 лет, смывался грех богоотступничества и братоубийства.

В 1927 году, дед Трофим решил отдать Васыля в ученье кузнецу, как отец говорил, «к еврейчику», в райцентр Малин. По-

сле случая в ночном прошло 5-6 лет и память моя не сохранила ничего значительного, что происходило в семье деда и лично с отцом за это время.

Все рассказы отца о прежней жизни происходили в моем детстве, и моя детская память сохранило лишь то, что поразило меня своей необычностью, да и отец, переживший сталинское время, был не очень словоохотлив.

Отдавая Васыля в учение, дед Трофим смотрел далеко вперед.

Кузнецы на деревне всегда были в почете и уважении, поэтому отец пошел с радостью и надеждой.

На третий день радости прошли, осталась надежда, что когда-нибудь учение это кончится. Отец, вспоминая учение, всегда качал головой: « Ох, и попал я тогда в переплет! ».

Хочу напомнить немного историю СССР.

Еще при жизни Ленина была принята новая экономическая политика – НЭП. Чтобы быстрее ликвидировать страшную разруху, результат четырёхлетней гражданской войны, Ленин на X съезде партии предложил разрешить частную собственность, концессии, т.е. разрешить мелкие товарно-денежные капиталистические отношения, запрещенные победившей социалистической революцией 1917 года. Вот таким мелким нэпманом и был хозяин, у которого начал работать и учиться отец.

Учение началось с работы молотобойцем. На третий день ученик Васыль уже не хотел и не мог встать с постели. Но хозяин был непреклонен, и требовал работу, несмотря ни на что, - скидок на молодость не было.

Отец всегда с гордостью вспоминал, как получив первые деньги, купил себе хромовые сапоги, в которых можно было сутки стоять в воде и они не промокали, и приехал домой на побывку.

Дед мял сапоги в руках и довольно хмыкал, а мать со слезами смотрела на руки Васи: кровавые мозоли не успевали зарастать, лопались, появлялись новые.

За праздничным столом собралась вся семья, все хвалили Васю, а мать подавала ему ложку, падающую из его кровото-чащих ладоней, которых он не мог согнуть, и шептала: «Ты уж, Васылёк потерпи, привыкнешь, дальше легче будет, авось в жизни сгодится».

А дед Трофим только крикнул и сказал: «Крепко же тебя учат».

Моя бабка, Екатерина Терентьевна, оказалась пророчицей - кузнечное дело стало единственным и главным делом его жизни, да и в живых он остался, может быть, лишь потому, что был кузнецом.

Время стерло все обиды и тяготы обучения. Через год мозолей уже не было, окрепли руки и спина, появилось мастерство, молот перестал пугать своей тяжестью, а еще через год Василия стали учить кузнечному делу, хотя глазами он видел уже все работы, но видеть глазами и делать руками – это большая разница.

Научили отца и профессиональным приколам и шуткам кузнецов. Один из таких приколов называется «поцелуй молот», а вторую шутку я бы назвал «поцелуй подкову». Последняя шутка известна еще, наверное, со времен Екатерины. Отец рассказывал, что однажды он ее продемонстрировал, уже работая на целине, в Кустанайской области.

За период жизни в Малине отец стал посещать церковь, учился играть на балалайке, гитаре, трубе. Больше всего отец жалел о том, что за всю жизнь не смог позволить купить себе трубу. В церкви заметили, что у отца есть слух и голос и попросили его петь в церковном хоре, на клиросе.

Особой набожностью отец не отличался, я не помню, чтобы он крестился, но молитвы знал и, постоянно слушая «Голос Америки», часто подпевал тихонько церковному хору на службах.

Голос имел приятный баритон, который к старости перешел баритональный тенор. Его музыкальный слух и вокальные данные могли бы сделать из него певца. Он был душой любого застолья, и люди часто приглашали его в гости, и сами любили приходить к нам, чтобы послушать дядю Васю.

Пел украинские песни, русские народные. В старости очень любил петь есенинское «Не жалею, не зову, не плачу». Эти слова я написал и на его могильном памятнике. Мама тоже любила петь и всегда подпевала отцу.

«Бродяга», «Из-за острова на стрежень», « По Дону гуляет», потом целинные песни, потом «Оренбургский платок» - эти и другие песни мама пела не только в компаниях, но и сама себе, занимаясь вязанием или вышивкой.

В этой связи не могу не отметить одну особенность в своей родословной: моя бабка по матери носила фамилию «Дударева». Моя доченька Оля связала свою жизнь с музыкой и пением. А Зоя как начала со школы петь, так и поет до сих пор. В общем, то, что мы дудари, сомневаться не приходится!

Свое умение игры на балалайке и гитаре отец старался передать и нам, тем более, что его природный дар передан нам с сестрой по наследству – это факт.

У него была мечта создать семейный ансамбль, для этого отец учил нас всему, что он умел играть. Вероятно, в это же время, время жизни в Малине, отец научился играть и в шахматы, и играл неплохо, по крайней мере, я выиграл у него только один раз, чисто случайно. Готовясь к самостоятельной работе, отец собирает постепенно рабочий инструмент и материалы.

К 1930 году закончилась новая экономическая политика, началась масштабная ликвидация нэпманов, единоличников-хозяев, зарубежных концессий и т.д. Началась ликвидация кулака как класса, насильственная коллективизация крестьян в колхозы.

Хозяйство у деда Трофима было крепкое: были лошади, коровы, овцы, куры, гуси, свиньи и т.д. В деревне все старались иметь все свое. Батраков и работников никогда дед Трофим не брал – обходились собственными силами.

Согласно законам деревенской общины, каждой семье выделялась земля под пахоту, покос, леса, а так как число ртов в семье было много, то, соответственно и земли было побольше. В деревне, как и в любом коллективе, люди были всякие, были и такие, которые последнее несли в корчму.

Вот с такими людьми у деда произошел конфликт.

Когда-то давно, в Писаревке назрел вопрос со школой. На строительство нужен был лес. Решили с каждого рта дать по дубу. Дед Трофим дает без всяких разговоров, а вот те, которые профукали не только свой лес, но и землю и хозяйство, те стали требовать, чтобы он дал больше – у тебя, мол, леса больше, ты больше и должен дать.

Я только могу догадываться, какой характер был у деда Трофима, глядя на своего сыночка Олега, который очень внешне похож на прадеда, наверное, они и характерами схожи. Короче, дед больше, чем надо было, не дал.

Когда появились комбеды, туда вошли все те, кто спорил с дедом, который категорически отказался вступать в колхоз. И вот тридцатый год подвел черту навсегда и всем. Деда записали в кулаки, хотя он по определению не соответствовал ему, был простой середняк, но бесхозяйственная, безлошадная, пропившаяся нищета, которой дали власть и права, припомнила Трофиму Николаевичу все.

Комбедовцы в сопровождении милиционеров и уполномоченного зашли в дом и дали 15 минут на сборы. Отец успел собрать одежду и свой ящик с инструментом. Слезы взрослых,

плач детей Павла и Сони – этот кошмар потрясал своей обыденностью и простотой: пришли люди и просто выгнали из родного гнезда.

Что там те дубы из рощи, когда сейчас по всей стране десятками тысяч рубились такие родовые дубы, которые держали всю страну. Крепкое крестьянство, бывшее основой основ, рубилось под корень!

Сибирь

Я долго не мог понять, в каком месте оказалась семья деда: то ли в Бурятии, то ли в Читинской области или Иркутской. Когда строился БАМ, отец, слушая сводки о строительстве, сказал как-то: «По нашим костям прошла эта дорога».

На войну он призывался Клехтинским РВК, так было записано в военном билете, а где он находится, я не мог долго найти и только сейчас с помощью Интернета и племянника Димы нашел, что запись в военном билете неправильная, что призывался он Кяхтинским РВК Бурятии, а вот почему дядя Павел призывался Тайшетским военкоматом Иркутской области – это непонятно, но ясно одно – семья попала в район Байкала.

По рассказу отца, выгрузили их прямо в тайге. Сразу начали лесоповал, сначала строили временки, грелись возле костров. Охрана жила в палатках. Стали прибывать новые составы. Счет людей пошел на тысячи. Стали строить капитальные лагерные бараки. Отец валил лес, потом начальство узнало, что он кузнец, и он стал работать в кузнице.

Все припасы, что успели взять из дома и припрятать от охраны, быстро закончились. Тяжко было без соли, которая стала деньгами. Ящик с инструментом и материалами очень даже пригодился. Из консервных банок, которые выбрасывала охрана, отец стал мастерить миски, кружки, кастрюли, из обручей делал ножи – все, что просили люди. Расплачивались, кто чем может: кто вещами, кто сахаром, но главной ценностью была соль.

И потянулись мрачные и страшные года. Года через два дед мой умер в возрасте 68-69 лет.

Нервные потрясения, голод, болезни и непосильный труд сделали свое дело. Лагерная баланда и отсутствие какой-либо медицины, так же помогали ликвидации кулака, как класса. Об этом периоде отец не хотел и не любил рассказывать.

У нас в семье хранится старая, пожелтевшая фотография какой-то семьи и на ней какая-то здоровая молодуха. Мама как-то сказала, что с этой женщиной жил отец там. Она была местная. Жизнь брала свое, несмотря ни на что.

А на родной Украине в это время свирепствовал голодомор. Некоторые, доведенные голодом до отчаяния и крайности, убивали своих детей и ели их. В 1937 году репрессии достигли максимума. Настоящие кулаки в Писаревке, откупившиеся от комбедовцев в 30м году, были расстреляны. На смену патриархальности деревенской общины пришло крепостное право колхозов, поставившее крест на тысячелетнем крестьянстве.

А потом была война.

Война

В ноябре 1943 года отца и дядю Павла мобилизуют на фронт. Дядька попал на западный, а отца направили на Японию, на восток. Отец рассказывал, как новобранцев готовили к переходу через монгольские пустыни и горы. Подготовка была короткой и жестокой: накормили селедкой до отвала, дали фляжку воды и сказали: « На неделю». Сухой поек был. Инструктора-офицеры учили и предупреждали, чтобы не пили сразу, но некоторые не послушались, не выдержали и закончили карантин с распухшими языками.

Закончив краткосрочные курсы шоферов, отец получил права военного водителя и был направлен в часть.

После Сталинградской битвы война с Японией стала очевидной и неизбежной, несмотря на все договора. Марш через монгольские степи, знаменитый переход через Большой Хинган. Воду берегли как боезапас. Степные колодцы были или завалены или отравлены. Воду пополняли в основном при форсировании рек и в аулах, после проверки.

В моей памяти остались лишь два эпизода этого перехода, о которых рассказывал отец.

Однажды колонна машин обогнала монгольскую семью, бредущую вдоль дороги. Через некоторое время в машине отца забарахлил мотор, и командир разрешил остановиться, отремонтироваться и потом догнать их. Колонна ушла, отец занялся ремонтом, и тут подошла эта семья. Они начали просить подвести их, но был приказ – никого не брать, а тут детей целая куча, один меньше другого. В общем, уговорили отца, и он подвез их как раз до того аула, где остановилась колонна. На окраине отец остановил машину, монгол долго благодарил и пригласил отца в гости.

Разговор происходил большей частью на пальцах, знаками, но обе стороны поняли друг друга.

Поставив машину и доложившись начальству, отец вечером, предупредив только близких друзей, пошел в гости, в общем, в самоволку, что по законам военного времени грозило трибуналом.

А в юрте его уже ждали: в котле варилось мясо, стояла выпивка и закуска. Хлопнули по первой, закусили. Монгол достал из котла кусок мяса и надрезал его ножом, мясо было полусырым, из надреза закапала красная жидкость. Хозяин протянул этот кусок отцу, на что отец начал руками показывать, что мясо должно еще кипеть и вариться, тогда оно будет «санбайно» т.е. «хорошо», а сейчас оно «мубайно», то есть «плохо».

Когда до монголов дошло, что отец отказывается от этого угощения, они в один голос закричали: «Рус мубайно!», «Рус мубайно!». Хозяин вытащил из-под подушки, на которой сидел, кинжал, а хозяйка, тоже из-под подушки – топорик. Отец не стал дожидаться чем все это закончится, выскочил из юрты и побежал со всех ног в часть, а монголы, потрясая оружием, все кричали ему в след: «Рус мубайно!». Так и не получилось у отца научить их, как мясо надо варить. Позже ему объяснили, что по законам гостеприимства, отказ от угощения, тем более, назвать его «мубайно» - это смертельно оскорбить монгола.

Второй случай произошел при преодолении хребта Большой Хинган.

Удобные горные перевалы японцы превратили в хорошо укрепленные районы, и чтобы перевалить на другую сторону, сначала надо было выбить японцев. Работала авиация, артиллерия, танки. Это отнимало много сил и времени. Были менее удобные, но крутые перевалы, там дорога шла серпантином.

Отец рассказывал, как иногда, по полдня поднимались на гору, а потом полдня спускались. В таких местах японцы часто оставляли смертников с пулеметами, с запасом воды, еды и боеприпасами. На крутой, горной дороге, они представляли серьезную опасность: гибли люди, горели и взрывались машины и другая военная техника. В одной из таких стычек шальная пуля зацепила шею отца по касательной. Еще бы сантиметр в сторону, и этих строк никто бы не написал. Санитарка наложила повязку и вперед: за Родину, за Сталина! Чтобы не задерживать движение, подбитые машины сбрасывали с дороги.

И вот однажды, поднимаясь по такой крутой дороге отец вдруг увидел, как «виллис» командира медленно покатился вниз на его машину, постепенно набирая скорость. Между машинами держалась дистанция и у отца были секунды, чтобы принять решение.

Потерявшая тормоза, машина командира почти вплотную приблизилась к автомобилю отца, и в это время он резко сдает назад, удар получился мягким. Отец нажал на все тормоза, слава Богу, они выдержали.

У шофера «виллисса» лицо было белым, как бумага, а командир поблагодарил отца. Позже отец получил медаль «За боевые заслуги».

В общем, солдат, военный шофер, рядовой Дударенко Василий был на хорошем счету и у начальства и у друзей-солдат, и воевал в составе 1704 армейского полевого автосклада. Хватало трудностей, и зимой и летом. В сильнейшие морозы машины плохо заводились. Бывалые шофера выкручивали одну свечу с двигателя, мочили вату эфиром и бросали в отверстие, потом быстро закручивали, и мотор заводился, как миленький. Приходилось ездить и на спирту. Пехота, узнав про это, выпрашивала хоть по 50 грамм. Конечно, делились.

Вспомнил еще один эпизод из рассказов отца о военном времени.

В одном из монгольских городков, где произошла очередная остановка колонны, солдаты обратили внимание на необычную похоронную процессию; большая толпа людей провожала в последний путь глубокого старика, лежащего на арбе с большими колесами, покрытой коврами. Арбу тащила красивая белая лошадь. То, что это была траурная церемония – это было без сомнения: многие утирали глаза, а некоторые что-то кричали, воздевая руки к небу.

Но самое поразительное было в том, что покойник... курил!

Время от времени, он поднимал руку и брал в рот трубку.

Ничего не понимающие солдаты обратились к офицерам, а те, с помощью переводчика, объяснились с провожающими. Оказывается, старик очень долго живет, а последнее время стал сильно болеть, местные знахари и лекари не смогли ему помочь в лечении, тогда внуки-правнуки три раза возили его к шаману, три раза тот проводил обряд исцеления, но и это не помогло, и шаман сказал, чтобы его отвезли в Долину Смерти, так как духи сказали ему, что старика давно ждут в стране предков, а шаман всего лишь объясняет людям волю богов!

Для советского человека слышать и понимать это было невозможно! И сделать ничего нельзя было – это была другая культура, другой народ, чужой образ жизни...

Виню себя, что не запомнил, где и как отец встретил Победу. Помню рассказывал, что стрельба была сплошная: и офицеры, и рядовые, кто только мог – стреляли в воздух. После победы над Германией на восточный фронт пошли части с западных фронтов. Победители, все в орденах и медалях, были настроены разбить Японию одним ударом и быстрее оказаться

дома, но они не представляли себе, что противник окажется совсем не таким как раньше.

Фашистский солдат в 1945 году, был совсем другим, как в начале войны. Два года отступлений сломали не только хребет всему вермахту, но они сломали моральный дух нацистов и веру в Гитлера, как в вождя.

А советский солдат, поднявший над рейхстагом, ставшим могилой для Гитлера, Знамя Победы, был полон веры добить врага в его логове.

Да, надо признать, что от той Красной Армии, что была в 1941 году, мало что осталось.

Из сотни начинавших войну, до Победы дожили только трое.

Новая авиация, новые танки, орудия, новые генералы и маршалы – все было другим.

Японская же армия, японский солдат, тем более офицер – это не слепые фанатики, нет. Это, скорее всего, люди преданные до мозга костей своему императору и стране, люди, в подсознании которых жив был дух самураев и их кодекс чести – бусидо. В роду многих японцев были самураи, и эта война пробудила в них не только историческую память о предках, но и их невероятную сверхдисциплинированность, их готовность к самопожертвованию. Японские солдаты и офицеры делали себе харакири не потому, что это требовали уставы и командиры, а потому, что это требовала историческая связь с прошлым и гордость за своих предков. Японских смертников не надо было приковывать цепями. В японской армии не было штрафбатов и заградительных отрядов.

Японские летчики-камикадзе взлетали на боевое задание без парашютов, имея топливо только в один конец. Они летели в последний полет, зная, что их детям, близким будет оказана большая государственная поддержка, и их имена будут занесены в списки героев и т.д.

Многие, закаленные в боях против Гитлера, советские солдаты сложили свои головы именно потому, что недооценили противника.

Но, как бы не был высок боевой дух японцев, остановить Красную Армию уже было невозможно, и поражение Японии было лишь вопросом времени.

Вспоминая скупые отцовские рассказы о войне, изучая историю второй мировой войны и читая мемуары военачальников, не могу не привести одну короткую цитату из книги Маршала А.М. Василевского «Дело всей жизни».

«Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшем себе равных в современной войне».

Конечно же, сравнивать напряжение, накал, высочайший героизм и ярость сражений под Москвой, Сталинградом, Курскую битву, форсирование Днепра и другие крупнейшие операции Великой Отечественной войны с масштабом и историческим значением разгрома Японии нельзя, и я не имею права.

Возможно, будущие историки по-новому оценят разгром Японии и появятся новые архивные факты, характеризующие степень героизма, но как мне кажется, что в истории Великой Отечественной войны не было более масштабного преодоления горного хребта такими большими армиями и группировками, и в такие сроки, чем преодоление Большого Хингана. Вероятно, это и имел в виду Главнокомандующий, давая такую высокую оценку.

Почему я пишу в своих мемуарах об этом, не имеющим никакого отношения к семье?

Просто я хочу, чтобы мои правнуки и следующие потомки имели представление о наших отцах и их времени, так сказать, из первых уст, чтобы они не путали Ленина и Сталина с Наполеоном и фараонами, чтобы они знали, что было великое, могучее государство Союз Советских Социалистических Республик – СССР, в котором я родился и прожил лучшую часть своей жизни, страна, где не знали, что такое безработица, что такое бомжи, где можно было смело и безбоязненно ходить по улицам ночного города, страна, где рабочий класс имел реальные права, где люди с уверенностью смотрели в будущее, где я, простой рабочий, бесплатно получил 3-х комнатную квартиру, в которой прожил 25 лет, а когда Союз развалился, из-за предательства Горбачева, я вынужден был продать ее за 300 долларов.

А какое прекрасное образование мог получить каждый, кто хотел учиться! Бесплатно!

Советский Союз победил во второй мировой войне и проиграл «холодную» войну Западу и Америке, проиграл не потому, что идеологически был слабее, а из-за предательства на самом высоком уровне.

Я совсем не хочу идеализировать Союз, далеко нет.

Издавательство Хрущева над сельским хозяйством страны сменилось застойным правлением Брежнева, который втянул страну в бездарную афганскую авантюру. И только при Ю.В. Андропове народ почувствовал порядок и заботу, и если бы Андропов продержался бы хоть 5 лет, может быть, все было по другому, но здоровье его подвело. В общем, в Союзе были и негативы, но как всегда, истинную правду узнаете вы, мои правнуки, лет через пятьдесят.

Теперь хочу вернуться к своей основной теме. В ноябре 1945 года отец был демобилизован и приехал в Белоруссию.

Белоруссия

Отец приехал в Белоруссию к своему старшему брату Федору, который уже давно жил там, в с. Гатище Городищенского района, Барановической области, потом дядя Федя построил дом в поселке «Новая Мышь», этого же района. Теперь это поселок «Новый», Брестской области, Барановического района.

Когда раскулачивали деда, дядя Федя уже был женат на тётё Лизе и жил отдельно от отца. Когда к дому деда подъехали милиционеры, они быстро собрали документы, деньги и убежали не только с деревни, но и с Украины.

После войны вся семья приехала к дяде Феде, а уже потом разъехались:

т. Соня – в Борисов, дядя Яков – в Тульскую область, на шахту, потом он жил в Богородицком районе, деревня Суходол. Дядя Паша стал жить и работать в Городищах, заведующим райторгом, а потом занимал различные управленческие посты.

А отцу место понравилось, да и кузнец требовался, и он так и прижился на «Новой Мыши». Начался белорусский период жизни.

В 1946 году отец познакомился с мамой. Мама с улыбкой рассказывала об этом. Она жила с братьями Николаем и Виктором и с трехлетним моим братом Николаем в маленькой комнатухе.

Нужда, нищета, полуголодное существование. Клопы и вши одолевали, и приходилось часто стирать и проглаживать белье. И вот, как-то ей срочно понадобилось гладить, а углей в утюг ни у кого не оказалось, и она побежала в кузницу.

Мама рассказывала: «Прибежала, а в кузнице черный мужик, страшный, глазищами сверкает. Дядька, - говорю,- дай жару!».

Страшный дядька усмехнулся и спросил: «А тебе какого жару – холодного или горячего?».

Я, - мать говорит, - и рот открыла: как это – холодного или горячего жару? Вот так и познакомились.

В 1947 году родилась девочка, но скоро умерла, а в 1949 году родился я, в 1951 году родилась Зоя.

Так началась моя жизнь.

Помню длинный, двухэтажный, деревянный барак. Говорили, что во время войны, здесь была немецкая казарма. Мы жили на втором этаже. Хорошо помню, однажды отец вынес меня на руках на лестницу, а вокруг все гудело. Барановичи были недалеко, километрах в 3 - 4, и все заводы, фабрики и паровозы – все гудели. Да и на «Новой Мыши» гудел торф-завод. Это меня испугало, поэтому я и запомнил хорошо. Потом, когда подрос и спросил отца, он удивился, что я запомнил этот момент.

Это были похороны Сталина. Мама говорила, что она плакала тогда. Это сейчас Сталина превратили в пугало, а тогда абсолютное большинство людей верило вождю, и горе было поистине всенародным и слезы были искренними.

Никаких детских садов и яслей не было. Не помню, чтобы кто-то смотрел за мной. К этому времени дядя Витя и дядя Коля уехали в г. Сталино, теперешний Донецк, а брат Николай ходил в школу.

Одним из развлечений для сопливой детворы было выковыривание из деревянных стен барака пуль, оставшихся со времен войны. А Николай с друзьями тайком ходили по лесам, и находили много военных вещей: немецкие фонарики, ножи. Много было случаев подрыва подростков. Мама даже иногда привязывала Николая к кровати, чтобы не бегал и учил уроки.

Дядя Федя жил, примерно, в километре от нас на хуторке, рядом с еще одним хорошим соседом. Меня всегда тянуло туда и не только потому, что они жили сытнее нашего, а просто я видел там настоящий дом, сарай с лошастью и коровой, огород, садик и т.д.

А тётя Лиза – это была сама доброта. Совсем неграмотная, она всю жизнь знала бесконечную крестьянскую работу. Ее чистые, удивительные, голубые глаза излучали такую детскую искренность, какую я не видел у других женщин, которые могли заматериться, многие курили, пили наравне с мужиками, в общем, тётя Лиза была как-бы из другого века. Она безгранично доверяла своему Федьку во всех вопросах. У нее всегда находилось для меня угощение.

У них было две дочки: Оля и Катя, и сын – Володя. Он был старше и уже был женат.

Однажды дядя Федя повез на лошади отца и мать в гости к Володе, и взяли меня. Я понял так, что он жил в доме тестя, так как нас встретили совсем незнакомые люди, которые крестились и кланялись иконам, что для меня тогда было удивительно. Надо сказать, что д. Федя и т. Лиза тоже крестились и икона у них висела. Я, разинув рот, смотрел, как до еды д. Федя становился к иконе, крестился и что-то шептал, а если я начинал шуметь или мешал ему – он, не прерывая молитвы, делал мне страшные глаза и грозил пальцем. Этот процесс происходил и после еды.

В нашей семье этого не было, и это было для меня в диковинку.

Так вот, в этих гостях, я впервые попробовал, что такое настоящий мед. Этот божественный аромат я сохранил в памяти до сего дня. Майский, липовый, золотисто-прозрачный, сладкий до умопомрачения, я набросился на него так, что все хохотали, глядя, как

я его ем. А я ел его сначала как все: макал хлеб в тарелку с медом. Хлеб тоже для меня был открытием: настоящий домашний хлеб, куда там магазинным буханкам!

Потом я сообразил, что меда можно съесть больше и быстрее, если есть ложкой. Мне дали чайную ложечку, но зачерпнув несколько раз, я поменял ее, уже сам, на большую столовую, которая не входила мне в рот, и лицо мое скоро стало все в мед.

Старые, подвыпившие белорусы, смотрели на меня как на маленького папуаса, и хохотали до слез. Моя бедная мама тоже улыбалась, но, как она потом рассказывала, ей хотелось заплакать.

У этих людей была своя жизнь, а у нас своя.

Бедные, мои любимые дядя Федя и тётя Лиза! Им пришлось увидеть своего Володю в гробу.

Мы уже жили на целине, когда отец распечатал письмо от дяди Феди, и прочитал эту страшную новость. Все письмо было в расплывчатых пятнах – дядя Федя плакал, когда его писал.

Не сложилась семейная жизнь у Володи, и он покончил с собой на чердаке дома. Было ему тогда где-то 33 года. Мои двоюродные сестры Оля и Катя были непохожи характерами. Катя – веселая, боевитая, свойская, стала медсестрой и всю жизнь проработала в больнице. Она была младше Оли, но умерла первой! Оля – молчаливая, серьезная, целеустремленная, стала учительницей, и пережила мужа, дядю Мишу, умницу и красавца. Сейчас живет в Минске у дочери, Лены Синица, а старшая дочь Галина, живет в Краснодаре.

Оля и Катя уговорили отца с матерью назвать родившуюся девочку Зоей, в честь или в память о Зое Космодемьянской, маме имя понравилось, так у меня и появилась сестра Зоя.

Еще один запомнившийся факт о д. Феде.

Отец рассказывал, как однажды, выпив с братом, он советовал д. Феде продать лошадь, за которой убирать надо по-

стоянно и сарай лошадиным потом пропах, да и содержание дорого обходится. Дядя Федя ему ответил, что с лошадьми он всю жизнь и к работе этой привык, как ты, Васька, к своим молоткам, а то что воняет, так это для него не вонь. Ты, Васька, как побреешься, одеколоном мажешься? Так вот, этот запах конский для меня как одеколон или духи. Такой вот получился интересный разговор.

Продолжаю о сестре. Мама рассказывала, что когда она пришла из роддома домой, то, где-то, на второй или третий день, ей пришлось отлупить меня.

Она услышала сильный плач ребенка и, вбежав в комнату, увидела, что я залез в люльку, сел на сестренку сверху и пытаюсь раскрыть ей глаза.

Надавав мне шлепков, мама рассказала все пришедшему с работы отцу, и они вдвоем допрашивали меня, зачем я это делал? Оказывается, Зоя все спит и спит и на меня не смотрит, вот я и решил помочь ей проснуться. Вот почему у Зои Васильевны на всю жизнь такие большие глаза.

Как-бы не были загружены работой, папа и мама всегда находили время, чтобы развивать нас. Буквы я выучил по газетам с помощью отца, и до школы уже мог читать. Отец мастерил нам игрушки. Помню сделал деревянную трещотку, какими пользовались сторожа, самолетики, деревянные самокаты и оружие, из мочевого пузыря поросенка сделал шар, положил внутрь несколько горошин, надул, высушил, и мы бегали довольные, гремя, по улице. Мама для Зои делала самодельные тряпичные куклы и химическим карандашом рисовала лицо.

Как-бы бедно не жили, но на Новый год всегда ставили ёлочку. Игрушки хранились всю жизнь. Мама учила делать гирлянды, клея не было, и она делала клейстер. К Новому году учили стихотворения.

Начало одного из стихов, на белорусском языке, конечно, я помню до сих пор, так как мечта стать летчиком, была высшей мечтой любого пацана того времени:

Мой милый, таварыш мой лётчык,
Вазьми ты с сабою мяне,
Я, ведай, балышый уже хлопчык,
И лётаю толькі ва сне.

Отец и мама, довольные, рассказывали, как повели нас с Зоей на ёлку в клуб. Ёлка была большая, вся в конфетах и печенках и сверкающих игрушках. Каждому, кто рассказывал стих или пел, Дед Мороз снимал с ёлки или игрушку или угощение. Когда мы это поняли, то наперебой давай рассказывать стихи. Дед Мороз только успевал снимать что-нибудь с ёлки. Потом к родителям подошел завклубом и попросил увести детей домой: праздник только начался, а ёлка стояла полупустая...

Так что считаю, что нам с родителями повезло. Они делали все, что в их силах, чтобы мы выросли здоровыми, получили образование и были не хуже других. Только благодаря самоотверженности мамы я остался жив. Дважды она спасала меня от смерти. В этом году ей исполнилось бы 90 лет. Спасибо тебе, дорогая, за все, и прости меня за все!

Из далеких детских воспоминаний о том времени, сохранился в моей памяти как отдельный кадр приезд в гости к братьям в Белоруссию их дядьки, моего двоюродного деда, Андрея Николаевича Дударенко.

Было это в 1953-1955 годах.

Запомнился невысокий, коренастый старик с белоснежной, длинной бородой, который, поднимаясь в дом к дяде Феде, остановился передохнуть на высоком крыльце, и вот тут, он бросил взгляд на меня, а я стоял внизу, и, разинув рот, во все

глаза, смотрел на этого сказочного деда. Взгляд его – суровый и уставший, слегка испугал меня, и я спрятался за угол дома.

Потом я расспрашивал отца о нем и называл его Дедом Морозом, за его бороду, а отец смеялся, что я дал ему такое прозвище.

Это была последняя ниточка, связывавшая их с Украиной. Больше к братьям с родины никто не приезжал.

Но, чудны дела Твои, Господи, и неисповедимы пути Твои!

Через 57 лет я снова встречаюсь с Андреем Николаевичем Дударенко – теперь это будет мой двоюродный внук, внук брата Николая, родившийся у его дочери Оксаны в Кургане, в 2011 году, и имеющим кавказские корни!

Где-то в 1955 году торф-завод с «Новой Мыши» перевели в другой поселок – Колпиницу. Это примерно в 10 километрах от старого места. Отец продолжал работать в кузнице, а мама устроилась истопником-уборщицей в контору.

Нам дали настоящую квартиру в кирпичном 2-х этажном доме. Помню, что приезжал даже корреспондент с радио, делал об этом репортаж. Передовик производства, кузнец, получил от государства квартиру – это должны были знать все.

Его приезд развеселил всех. Мы уже давно жили, а он давай организовывать новоселье. Перед микрофоном лили из бутылки воду в стаканы, гремели посудой, ложками, вилками. Мы с Зоей рассказывали стихи, соседи произносили тосты, произнес речь директор, даже спели песню, ну уж, здесь отец показал класс. В общем, когда начальство и корреспондент уехали, новоселье продолжалось, только по-настоящему.

Соседи хорошие оказались, появились друзья-пацаны. Жить стали лучше: купили корову – Ляльку, сарай, поросят, курочки, огородик. Конечно, родителям работы прибавилось. Брат Николай помогал всю – и отцу, и маме.

У мамы работа была тяжелая: надо было встать часов в 5 утра, почистить 8 или 10 печек, наносить дров, вытопить их, убрать везде, чтобы к 9 часам утра нигде пылинки не было. А директор был еврей с несносным характером.

Однажды он пришел на работу раньше и, проведя белым платком, обнаружил, где-то пыль. И тут такое началось! Мама оправдывалась, что время еще есть, она успеет, а директор, войдя в раж, перешел на мат и хотел даже ударить маму, но она эти слова знала не хуже, да и силы в руках было больше, и когда он замахнулся, она просто сказала: «Пошел ты на х..., а то сейчас дипломом как нае...!».

Директор остолбенел и с выпученными глазами, смотря на маму, спросил: «Каким дипломом?».

А мама взяла стоявшую у стены швабру и показала директору: «Вот этим!».

Днем директор вызвал в кабинет отца и, улыбаясь, сказал ему, что хоть жена у него и дипломированный специалист, но директора должна уважать. Смех смехом, но дело он мог пришить.

Однажды мама взяла меня помощником. Отец и Николай часто ей помогали, но на этот раз она взяла меня. Когда печки разгорелись, мама показала на большую кучу книг, лежавшую в коридоре, и сказала: «Рви и бросай в печки». Для меня уже тогда книги были святыней, а тут вдруг такое. Оказывается, сжигать надо было не только собрание сочинений И.В. Сталина, но и любые книги с его портретом. Под ликвидацию попала даже книга «Партизанское движение в Белоруссии в годы войны». Абсурд? Конечно! Но с каким же упоением Хрущев хотел уничтожить не только само имя Сталина, но и свой собственный страх, который он испытал за годы службы ему.

Пройдет еще пятьдесят лет и имя самого Хрущева останется, наверно, только в энциклопедиях, а портреты Сталина никогда не исчезнут из памяти народной.

Книга эта долго была у нас, мы ее открыто не ставили, и где-то на целине кто-то взял почитать и не вернул.

В Колпинице произошло первое в моей жизни полное солнечное затмение. Отец, Николай и я пошли носить сено с болота. Внезапно стало быстро темнеть и за пять минут стало совершенно темно. Стали видны звезды. Я был в ужасе, а отец кричал в темноте, чтобы я стоял на месте. Кудохтали куры, мычали коровы, выли собаки – весь мир возмущался этим нарушением в Природе! Николай тоже стоял, как вкопанный.

Так же быстро темнота стала исчезать, и солнечный свет снова вернул нас к жизни, но что-то изменилось в этот день, что-то стало не так: как-то быстро наступили сумерки, да и люди все старались закончить дела и спрятаться в домах. Это сейчас за год сообщают, когда, где, и что произойдет, а тогда это было все внезапным и ужасным.

На новом месте имелся детский садик, и мама решила отдать меня туда. И вот я впервые переступил его порог. Сначала мне очень понравилось: много игрушек, хорошо кормят, какие-то интересные занятия в группе и на улице. Потом хорошо пообедали и тут оказалось, что надо ложиться спать, что для меня было дикостью: как это – днем спать?!

Воспитательницей была женщина пожилая, пережившая войну и мое сопротивление пресекалось жестко и решительно, без лишних слов. Несколько раз бросала она меня в кроватку, но я вылезал и шел к игрушкам. Наконец, ее запас педагогической прочности кончился и она начала трясти меня и кричать на меня, что, по моему убеждению, было дозволено только отцу и маме, а не ей, чужой тетке, которую я вижу всего несколько часов.

Обозвав ее самыми страшными ругательными словами, которые я тогда знал – это «фашистка» и «гадина», я рванул из ее рук, и новенькая рубаша разорвалась до пупа, но ничто меня уже не могло остановить. Я вылетел в двери по коридору, на улицу, через забор и, вот она – сладкая свобода!

И я бежал, бежал к моей маме, домой!

Дома я, конечно, сказал, что рубашу порвала воспитательница, и мама пошла разбираться в садик. А так как мама тоже была женщиной пережившей войну, то я могу только представить, что там происходило. Пробыв полдня в детском учреждении, я в жизни больше туда не ходил.

Запомнилось, как отец ходил рано утром на огород ловить кротов, потом их шкурки сдавал, все какая-то копейка в дом.

Хорошо помню, как однажды недалеко от поселка проходили военные учения. Даже потом в жизни никогда не видел такого. Сначала высоко в небе пронеслись истребители, потом большие самолеты выбросили десантников, в небе сразу появилось много парашютистов, с высоты, сверкая на солнце, опускались длинные ленты алюминиевой фольги, а мы, пацанята, бегали и собирали их, потом бежали к приземлившимся парашютистам и просили кто звездочку, кто пилотку.

В то время не было даже слова такого «космонавт», и все мальчишки мечтали стать летчиками, в крайнем случае, танкистами. От войны нас отделяли каких-то 10 лет.

Еще доживали свой век израненные, искалеченные, больные победители.

Я своими глазами видел, как на базаре в Барановичах, сидели прямо на земле, в пыли, вдоль проходов, инвалиды в гимнастерках с орденами и медалями во всю грудь, без ног, без рук, обожженные, слепые – они все хотели жить дальше, и после Победы, и просили милостыню!!

Все это было!

И не дай Бог, чтобы мои потомки забыли это.

Конечно, позже появится лозунг: «Ничто не забыто, никто не забыт», но тогда, в первые послевоенные годы, эти победители портили красивое лицо государства, которое бросило их после войны на выживание.

Эти победители благодарили не только за копейки, которые им бросали, но и за кусок хлеба, за бутылку молока, за папиросы, за табак, и я не видел, чтобы они плакали.

Только один раз, рядом с пивной, куда постоянно заходили отец и мать и дядя Федя, видел я безногого гармониста в выгоревшей, белой от времени гимнастерке, который плакал, но он был сильно выпивший, потому что мужики с пивной угощали его водкой за великолепную игру и пение. Только один раз!

Это потом начнут ставить многочисленные, величественные памятники в их честь. Все это будет, но потом, а они хотели жить, пока они живы, а не в будущем!

Отец рассказывал, что за свою медаль «За боевые заслуги», он после войны получал рубля 3 в месяц, но потом, года через два, эти выплаты прекратили. Объяснение этому он при жизни так и не услышал.

Меньше всего они думали тогда об этом. Они просто радовались, что кончилось это кровавое время, что они остались живы, что им повезло.

В 1946 году отец получил медаль «За победу над Японией», но я ее уже не увидел: Николай игрался с его медалями и где-то потерял в песке.

Получив медаль, отец с дядей Федей пошли обмывать ее в Барановичи, в ту пивную, куда они всегда любили заходить. Само собой разумеется, что пивом медали не обмывают.

Выйдя из пивной подышать, они стали свидетелями кар-

тины, рассказывая про которую, отец, вспоминая говорил, что она потрясла их.

К пивной подъехал военный «виллис», из которого вышел молодой, красивый летчик, в звании полковника. Он зашел в пивную, наверное, купить папирос, а следом из машины вышла красавица-женщина, вся в золоте, с соболями на обнаженных плечах.

Она закурила, но увидев, что полковник уже возвращается к машине, она быстро затянулась пару раз и бросила почти целую папиросу на землю, рядом с безногим, в гимнастерке, инвалидом, с обожженным красным лицом, на котором живыми были только глаза.

У инвалида на шее висела коробка, куда ему ложили все, кто что мог, в том числе лежало куска три хлеба.

И когда полковник подошел к ней, она громко сказала, не думая, что все всё слышат:

- Ваня, смотри, а я и не знала, что есть еще люди, которые в хлебе нуждаются!

А инвалид поднял недокуренную папиросу и жадно затянулся.

Летчик мгновенно оценил ситуацию по угрюмым лицам находившихся вокруг инвалидов-победителей.

Положив пачку папирос в коробку инвалиду, он подтолкнул красавицу к машине, захлопнул за ней дверцу, и они быстро уехали.

- А мы – рассказывает отец, - еще долго с братом возмущались, что только год прошел после войны, а такие уже все забыли, и живут как в другом мире, и даже не знают, как кусок хлеба людям достается!

Вернусь опять к Колпинице. Здесь, в 1956 году, я пошел в школу.

В 2012 году, при переезде в Сарань, я выбросил весь свой школьный архив, где хранились мои первые табеля успеваемости, из которых видно, что учебу я начал средне.

В первом классе произошел один курьезный эпизод. Мне купили что-то типа детских кальсон. Как сейчас помню – синего цвета. Возможно, этот цвет и сыграл свою роль. В моем представлении, эта обновка выглядела как трико, а то, что была ширинка – так это мелочи, на которые не стоит обращать внимания. Они мне очень понравились. Обновками магазинными нас тогда сильно не баловали, старались пошить у портних, если мама сама не могла чего-то.

Купили мне их к зиме, в школу, но до морозов было еще далеко, а похвастаться хотелось невыносимо. И я одеваю их утром – и в школу. Гордый тем, что на меня все по дороге смотрят и улыбаются, я пришел и сел за парту.

По-моему, девчонки сообщили учительнице про меня, потому что, войдя в класс, она сразу же осмотрела меня и отправила домой, сказав, чтобы пришел с родителями. Поняв, что случилось что-то непонятное и страшное, я заревел и пошел домой. Моей бедной маме опять досталось из-за меня.

Первый класс я закончил в Белоруссии, и в 1957 году отец решил переехать на целину, по переселенческой программе. Государство давало подъемные деньги на каждого члена семьи, помогало с транспортом и переездом. Отец и мама приняли такое решение не от хорошей жизни.

Что такое чужие края они испытали, как говорится, на своей шкуре.

Мама рассказывала, что стала находить иголки, булавки, воткнутые в косяки дверей сарая и дома. Стала болеть живность в сарае, корова была лучшая в стаде, сбросила удои. По

ее мнению, кто-то стал заниматься колдовством. А надо помнить, что это происходило в Белоруссии, где колдовство сохранилось в силе еще с языческих времен.

Для отца главное было в том, что целина была хлебным краем. Да и налоги уже достали. Корова есть – сдай каждый месяц килограмма три масла, поросенка зарезал – сдай шкуру. Отец каждый месяц покупал в магазине сливочное масло и сдавал в заготконтору, чтобы молока оставалось больше в семье.

Для нас, детей, предстоящий переезд выглядел как интересное путешествие или приключение, но родители понимали, что назад дороги не будет, и новое местожительство неизбежно будет означать новые трудности, преодолевать которые нужно только им двоим.

4 октября 1957 года в Советском Союзе произошло событие мирового значения и наше поколение этому свидетели – это запуск первого искусственного спутника Земли.

И взрослые, и мы, дети, испытывали какую-то непонятную радость и жадно слушали пиканье из космоса, которое транслировалось по радиосети, а динамики представляли собой черную, большую тарелку, с винтом посередине, для регулировки громкости. Такие сейчас часто показывают в фильмах о тех временах.

Помню прощальный обед.

Приехали все: дядя Федя с тетей Лизой, дядя Паша с тетей Шурой и с девочками. Старшая из них, Галина, пугала нас страшными рассказами.

Отец приготовил зажаренного поросенка – это было невиданное чудо, которое я видел в первый и в последний раз в жизни.

Закончился наш белорусский период жизни. Впереди была неведомая, загадочная целина. Радио, телевидение, кино, газеты – все средства информации только и говорили тогда о целине.

Целинные песни мы уже с Зоей выучили на слух.

Сотни тысяч людей приехали на целину кто зачем: кто за длинным рублем, кому приказала партия и комсомол, кто за романтикой, кто-то в надежде на лучшую жизнь, но все целинники надеялись и верили, что будет лучше.

И вот мы уже поздней осенью, в товарном вагоне, со всем своим нехитрым скарбом, едем на целину. Половину вагона заняла другая семья. Везли все, что можно было: бочки, лопаты, вилы, грабли – все, что было в хозяйстве.

Отец долго потом, на целине, смеялся над мамой, которую напугали, что целина – это степь, где ничего нет, и она забрала даже белый круглый камень, который использовала в качестве гнёта в бочке с капустой. Этот бульжник долго потом лежал во дворе нашего дома.

В вагоне мы с Зоей сразу же залезли поближе к окошку, и от избытка чувств стали горланить песни, все какие знали. Московку объехали стороной, ночью видели только большое зарево. Отец сказал, что это – Москва.

Основной тягой тогда на железных дорогах были паровозы, и мы с Зоей, от постоянного глядения в окно, были чумазыми как кочегары. Одетые во взрослые фуфайки, мы выглядели как беспризорники времен гражданской войны. «Жабраки» - как говорила мама, т.е. «нищета», «побирушки».

А паровозы оставались на железке еще долгое время. После службы в армии, в 1971-1972 годах, я окончил 6-месячные курсы помощников машиниста тепловоза и паровоза, и успел поработать и на паровозе и на тепловозе. Как-кому, а мне больше понравилось работать на паровозе. Мне он казался живым, сильным, разумным существом, и паровозная бригада только помогала ему в его работе. Ну, вот я опять отвлекся.

Целина

Конечным пунктом нашего переезда был Кустанай. Здесь мы впервые познакомились с настоящими морозами и впервые услышали новое слово «буран».

Отец получил направление в деревню Степановку, Федоровского района. Немного там поработав и насмотревшись на колхозную нищету, он нашел работу в соседнем, Мендыгаринском районе, в селе Михайловке, которое было конечно побольше и цивилизованнее, чем Степановка, но ему и тут не понравилось.

Николаю в это время было 14 лет, и он категорически отказался от учебы, которая давалась ему с большим трудом. И вот отец и Николай поехали искать новое место.

В марте 1958 года мы переехали в село Ашанино, Рузаевского района Кокчетавской области.

Рядом находились железнодорожная станция Пески-Целинные, паровозное депо, нефтебаза, поселок СМП, поселок железнодорожников и, главное, была красивая река Ишим.

Здесь и прошла вся моя жизнь, 54 года.

Отец и мама устроились на работу в Пескинское заготзерно, потом оно было переименовано в Пескинское ХПП, а когда построили элеватор, предприятие стало называться Пескинский элеватор.

Жить было негде, и нас устроили в ленинскую комнату. Ленкомнаты были тогда на всех предприятиях, в них находились газеты, журналы, флаги и портреты вождей. Николай стал работать вместе с отцом в кузнице, хотя ему еще не было и 15 лет. Долго он там не выдержал и пошел в электрики, но и там не прижился. Скоро образование стало обязательным восьмилетним и он ходил в вечернюю школу ШРМ (школа рабочей молодежи), начал курить, материться.

Начались скандалы с отцом.

Получив свидетельство о восьмилетнем образовании, Николай закончил курсы шоферов и работал водителем на разных машинах всю жизнь. С баранкой он не расставался до самой пенсии.

Мама была разнорабочей, потом дежурила в охране, потом в прачечной детского сада, даже одно время и воспитателем. Постоянный Дед Мороз на новогодних праздниках, она обладала не то чтобы остроумием, но находчивостью и решительностью. В ситуациях, когда отец безмолвствовал и безнадежно махал рукой, она действовала и словом и делом, и находила выход из положения. О маме я буду писать еще не раз.

Первое, что бросилось в глаза, запомнилось на новом месте — это изобилие продуктов и товаров в магазинах, вернее в одном магазине. Селедка стояла бочками, настоящая, атлантическая, а не иваси, тогда такого слова и не знали. Ароматное подсолнечное масло стояло бочками, треска, красная рыба, горы тушенки и сгущенки. Запомнились кубики какао. Они были уже с сахаром и растворялись в стакане кипятка, получалось какао, но я их ел так, благо они были дешевыми. Страна бросила на целину все. К нашему приезду водка и спирт были свободно, но приехавшие раньше нас рассказывали, что первые года водкой целинников не баловали, и тогда отчаянные головы, собрав деньги со всех жаждущих этого напитка, на тракторах с прицепом, отправлялись за ней в Кустанай, а это 270 километров в один конец.

Запомнилось еще, как кормили в столовой. Хлеб к еде был бесплатным, и мы, пацанва, заходили в столовую, брали стакан или два чая, садились за стол, выпивали его, а на три куска хлеба, что давали, намазывали горчицу и посыпали солью, которые всегда стояли на столе, и также были бесплатными. И никто нас не ругал и не выгонял.

До сих пор вкус этого невероятного хлеба у меня во рту. Сегодняшний хлеб не такой.

Хочу сказать, что магазин, столовая и клуб находились в то время рядом с нашим домом, половину которого занимала ленкомната, где мы проживали сначала. Мы жили, так сказать, в культурно-торговом центре Ашанино. Сегодня на месте длинного магазина, построенного из ишимского камня, стоит пятиэтажка, а от столовой осталась часть здания, где потом размещался военкомат, а сейчас находится ветлечебница, также из ишимского камня, как и забор вокруг заготзерно. Дом, где мы жили, уже снесли, деревья спилили, пока там пустое место. Примечательной особенностью был клуб.

Это было длинное, довольно высокое и широкое, но брезентовое сооружение, скорее всего, построили деревянный каркас, а потом обтянули брезентом, так было, наверное, быстрее. Сегодня на том месте стоит двухэтажка. Позже, элеваторским клубом стало другое, более капитальное здание, в начале улицы Элеваторной, которая была центральной в те времена. Сейчас эта улица Аблай-хана.

Так вот, этот длинный, брезентовый клуб был центром наших мальчишеских устремлений. Сидели в клубе на длинных скамьях. Клуб был неотапливаемым, в дождь и буран все было слышно внутри. В клуб все ходили, в основном, посмотреть кино, которое привозили довольно регулярно. Клуб был без фундамента, и брезентовые стены были просто обсыпаны землей. Пацаны, как мыши, нашли все-таки, небольшой лаз, через который, проползая под сценой можно было попасть в зал, но в зале почти всегда не было мест и мы бесплатно смотрели фильмы, высунувшись из-под сцены, готовые при появлении сторожа или завклубом, юркнуть туда обратно, куда они, конечно, не полезут. Мы были их головной болью.

Вот таким способом я впервые увидел «Тихий Дон». Он мне запомнился по, как мне тогда казалось, ужасно страшной сцене гибели Дарьи Мелеховой. Никаких ужасиков и триллеров тогда и в помине не было, а самым зарубежным кино было индийское, особенно «Господин 420» и «Бродяга», где играл Радж Капур. Потом, гуляя по улицам, мы копировали его походку и пели его песни.

Когда на афише, рядом с названием фильма киномеханик писал «До 16 лет», на нас это действовало как красная тряпка на быка. Новость мгновенно передавалась от одного пацана к другому, всем хотелось нелегально попасть в клуб, и на это время наступало перемирие, потому что поселок был негласно разделен, так сказать, на зоны влияния: заготзерновские, ашанинские и автобазовские, а так как клуб был на нашей зоне, то это нас частенько выручало, когда нас ловили на «чужой» зоне, особенно когда надо было пройти к Ишиму купаться или в березовую рощу.

Потом, после кино мы собирались и обсуждали: кто, кого, как и сколько раз поцеловал, потому что тогда поцелуй на экране был самой откровенной сценой, а слов «секс и порно» вообще не было не только в нашем лексиконе, их не было и у уголовников.

В горбачевские времена, в эпоху перестройки и разрядки, на первых телемостах между США и СССР, девушка со стороны СССР сказала, что «секса в Советском Союзе нет», тогда в шоке был весь мир, это правда!

Единственное слово, которое мы знали из этой темы, было слово «проститутка», но оно употреблялось взрослыми как ругательное и изначального смысла оно не несло, а мы его вообще не употребляли, так как оно было длинное и интереса

для нас не представляло, мы выражались более короче, более весомее и понятнее, и более по-русски!

В марте 1958 года я пошел учиться в Ашанинскую школу, заканчивать второй класс. От других школ она отличалась сильно. Школа, вернее, два больших класса, располагались в длинном деревянном бараке, где нашлось место больнице и аптеке. Однажды даже нашли за школой ампутированные пальцы. Напротив школьного барака находился точно такой же, под общежитием. Оба барака находились в сегодняшнем микрорайоне ЖБК.

Первыми моими учительницами на целине были Евдокия Ивановна Гаврилова (Подгорная) и Валентина Николаевна Брехун.

Евдокия Ивановна сейчас живет в России, а Валентину Николаевну знают все в Новошимке, так как всю свою жизнь она отдала учительскому труду в Ашанино, Трудовом, Куйбышевском – всю свою жизнь на одном месте!

Половину большой классной комнаты занимал ряд парт с пятиклассниками, а вторую половину – третьеклассники. Первоклашки и вторые классы занимались в соседней комнате.

Рядом со мной за одной партой, сидела Рая Щукина, а ее брат – Толик, учился в 5-м классе.

Отец у них был инвалид войны, танкист, Герой Советского Союза, его искалеченное лицо сохранилось в моей памяти до сего времени. Рая была красивая девочка, отличница, и я часто списывал у нее, что она страшно не любила, и однажды прочила меня...

Уже не помню, по какому предмету, но была контрольная работа, по-моему, по русскому языку. Я спокойно и уверенно «сдувал» у нее абсолютно все, а она, на удивление, не прятала и не закрывалась, как обычно.

В конце урока начали сдавать тетрадки. Положив работу на стол учительнице, я выбежал из класса, а Рая продолжала что-то проверять в своей. Я был уверен, что у меня будет пятерка, так как я списал все точно, как у нее, до единой запятой.

Когда учительница сообщила результаты контрольной, я не поверил свои ушам: Дударенко – 2, а Шукина – 5! А Рая смотрела на меня и хитро улыбалась, а я ведь никак не мог возмутиться вслух – это означало открыто признаться в списывании!

Учительница, глядя на меня и на Раю, тоже улыбалась...

Оказывается, когда я сдал работу и вышел, Рая успела все исправить и написать учительнице, зачем и почему она делала ошибки.

Больше в ее сторону я не смотрел, а вскоре они уехали или в Кокчетав, или в Боровое.

Рассказывая об этих далеких школьных годах, хочу вспомнить некоторых старшеклассников, с которыми довелось учиться вместе и фамилии которых могут знать, кроме меня, еще много человек в Новоишимке.

Кроме Анатолия Шукина, помню Алика Майстренко, у которых мы купили землянку, Витю Ляшко, потом он будет служить старшиной в военкомате, Тамара Игаева станет учителем и работает до сего времени; теперь она Жилина Тамара Николаевна. Сопко Галя живет под Карагандой, Славка Брехун живет в Германии, Маша Слуцкая, теперь Петриченко, так и живет в Новоишимке, Володя Топрин уедет в Россию, и там закончится его жизнь. А как не вспомнить Сашу Родненко – лучшего спортсмена школы.

Директором Пескинского ХПП был в то время Марк Абрамович Цимбер, о котором мои родители отзывались с уважением, как об очень порядочном человеке.

Его сын Саша также учился с этими ребятами, и мы с ним были потом в одном пионерлагере. Впоследствии Саша продолжит дело отца и станет руководить Пескинским элеватором и будет его последним советским директором. Сейчас живет в Омске.

Это все ребята и девушки первого выпуска Ашанинской средней школы, а наш выпуск, 1966 года, был вторым.

Почему я пишу об этом? Просто хочу, чтобы вы имели хоть немного представления о том времени не из книжек и Интернета, а от еще живых свидетелей.

В то время обязательный уровень образования был семилетним, народнохозяйственный план был также семилетним, а не пятилетним, как до и после. Писали тогда металлическими перьями и авторучками с жидкими чернилами, которые часто текли, но авторучками пользоваться ученикам не разрешали, потому что авторучка писала без нажима. Помню еще некоторые названия этих перьев: «лягушка», «семечко» и самое ученическое перо – «звездочка». Уже с первого класса был предмет «чистописание», где учили писать по прописям и с нажимом. Это чистописание постоянно доставало меня.

Ученическая ручка представляло собой круглую, деревянную палочку с металлической трубочкой на конце, в которую вставлялось перышко, как тогда мы говорили.

На конец ручки, где находилось перышко, еще надевался металлический наконечник, чтобы перо не сломалось. В портфеле каждого ученика имелась чернильница, которая помещалась в мешочек похожий на кисет. Приходя в класс и садясь за парту, ученик доставал ручку, чернильницу и ложил их в специальные места на парте. Чернильницы были пластмассовые и керамические, имеющие такую конструкцию, чтобы при переворачивании ее чернила не выливались, их так и называли

– «непроливайки». В магазинах продавался специальный чернильный порошок в пакетиках, который затем дома разводили водой и получались чернила. В третьем классе я точно ходил в школьной форме, напоминающей военную или дореволюционную гимназическую: форменная фуражка с кокардой, гимнастерка с ремнем, брюки. Потом я уже не помню формы.

В памяти от того времени остались и студенческие отряды. Московские, ленинградские, прибалтийские – они располагались отдельно, в своем палаточном городке. Особо с населением они не контактировали, может быть, потому, что работали на стройках с раннего утра и до вечера, а может, такие были указания.

Высокие, загорелые, красивые, часто говорящие с сильным акцентом – они казались людьми другого мира. Меня сразу поразила одна деталь их одежды – это плавки. Я ж их раньше не видел, мы то бегали в трусах до колена, а тут, вдруг, такая, довольно откровенная вещь, да еще без резинки, а на завязках, часто с маленьким кармашком.

Мы часто видели их купающимися в Ишиме, они и плавали не так, как все люди, и вот тут мы, пацаны, завидовали им: когда они ныряли с высоты или с разбега, то у них было все нормально, а у нас же при нырянии трусы часто оставались сверху на воде.

Назначение же маленького карманчика нам объяснили более старшие ребята, те, которые открыто курили, ходили на танцы и выпивали. Это для изделия №2, они даже нам его показали. Студенческие отряды долгое время еще приезжали в наши края, но уже больше по совхозам, а в Ашанино после 1962-1963 года я их уже не помню, строить все больше начали разные строительные организации: СМУ, ПМК и другие.

С четвертого класса учеба проходила в другом здании уже Ашанинской средней школы: теперь там находится санэпидемстанция. Школа была очень хорошая: теплая, чистая, светлая.

Имелось все, что надо: и мастерские, и спортплощадка, потом построили спортзал, где имелись все снаряды. Каждый класс занимался в своей комнате. Зимой ходили и бегали на лыжах. Я опять забежал в будущее – вернусь назад, в 1958 год.

Заработав первые «большие» деньги, родители решили купить свое жилье. Взяли ссуду в конторе, и летом купили землянку на Луначарской улице. Землянка наполовину находилась в земле, а крыша была на уровне моего роста. Зимой она заметалась снегом полностью, и приходилось откапываться, поэтому двери обязательно открывались внутрь.

Один год мы прожили в ней, а в 1959 году за полгода построили свой дом, пусть саманный, но свой. Пятидесятилетний юбилей отца мы отмечали в недостроенном доме. Отец очень гордился, что хоть в 50 лет он, наконец, имеет свой дом, усадьбу, о чем мечтал все жизнь!

Саман – это соломенно-глиняные блоки, размерами, примерно, как современные шлакоблоки. Изготавливался он просто: из глины насыпался бассейн, метра 3-4 в диаметре, в середину насыпалась глина и наливалась вода, и все, кто может, месили ногами эту глину.

В хорошо приготовленную жидкую глину постепенно подсыпалась солома, и продолжалось хождение. Потом, в деревянных формах формовались собственно блоки, которые постепенно должны были высохнуть. Таким методом были изготовлены около двух тысяч блоков.

Конечно, все основные трудности легли на плечи отца, мамы и Николая. Мы с Зоей только помогали. Помогали и соседи, и квартиранты. Квартиранты – это особая тема в моих рассказах.

Оглядываясь на пятидесятилетнее прошлое, оценивая и понимая то время другим умом, видишь, что слова «целина»,

«целинники» - это особое состояние, это какая-то другая общность людей, людей с открытыми сердцами, доброжелательными. Сегодня мало таких встречается. Целина — это мое детство, и сегодня хочу сказать честно — это было прекрасное время!

Люди поднимали целину, а целина поднимала людей — так тогда говорили. Целина дала такой мощный толчок Казахстану, что он ощущается даже спустя столько лет, и это нельзя отрицать, преуменьшать и замалчивать.

Но была и другая целина — криминальная, с убийствами, драками и поножовщиной. Люди, приехавшие раньше, рассказывали, как на почве национальных столкновений, шофера давили автомобилями палаточный лагерь армян, стоявший на берегу Ишима. Спаслись те, кто успел выскочить и прыгнуть в реку с 20-метровой высоты.

Один человек, занимавший в те годы довольно высокие посты, Гавриленко Алексей Максимович, перед отъездом в Россию, уже в наши дни, рассказывал мне, как строилась железная дорога и мост через Ишим: «Если бы ты, Володя знал, сколько там, в насыпи людей закопано!».

Целина — это людской водоворот и, как во всяком водовороте, неизбежно появлялась пена.

Рассказывая о целине криминальной, хочу привести, как подтверждение моих слов, воспоминания Николая Васильевича Сопко, который был первым директором Пескинской автобазы и который хорошо знает эту тему.

После полугодичных курсов повышения в Алма-Ате, ему поручили в 1957 году организацию Пескинской автобазы.

Автобаза начиналась с 4-х бортовых автомобилей ГАЗ-51 и одного самосвала. Землеустроитель отвел место недалеко от Ишима. Поставили палатку, где разместилась контора.

На следующий день поставили еще 2 палатки: одну на 50 мест, а другую для семейных.

Потом постепенно, машин и людей становилось больше, началась закладка фундаментов конторы, гаража, стен ограды из ишимского камня. Взрывной карьер находился километров в 3-х от поселка.

За время его руководства парк автомобилей вырос до 462. Автобаза была известна не только своими трудовыми победами, но и спортивная слава ее футбольной команды гремела на всю Кокчетавскую область.

Мы, пацаны, не пропускали ни одного матча этой команды, если он проходил в поселке. Любимцем был, конечно, вратарь Саша Чабан. Для нас он был живым воплощением Льва Яшина. Между собой мы называли его «вратарь-кошка».

Николай Васильевич вспоминает, что не пропустил ни одного матча на выезде. На обратном пути останавливались на берегу Ишима и отмечали победу или делали разбор поражения.

А коллектив складывался очень не просто. Люди были разные, единственно, что было общего у них — это молодость. Основная часть коллектива — это люди от 20 до 35 лет. Участникам войны было в те времена по 32-35 лет, но с ними молодой директор находил общий язык быстро, так как сам прошел дорогами войны и имел награды.

А вот с уголовными элементами приходилось сталкиваться лицом к лицу, но уверенность в том, что основная часть коллектива за него, помогала ему в этом противостоянии.

Обстановка напоминала дивизию Чапая во время формирования.

Финки, кастеты, да и огнестрельного оружия хватало, отдаленность от райцентра (район был в Рузаевке, в 70 километрах

от Песок), все это требовало от директора не просто смелости, но и крепости характера, благо, ему, Бог дал и рост, и силу!

Однажды директор как всегда допоздна задержался в кабинете и когда на минуту вышел, в конторе раздался выстрел. Все, кто находился поблизости побежали внутрь и увидели, что дверь кабинета директора пробита прямым выстрелом, и дробь разбила все, что было на столе.

Выстрел предназначался ему.

А сколько головной боли доставляли картежники!

Берега Ишима были в густых зарослях, и в этой чаще находили себе укромные места картежники. Играли, конечно, не в дурачка: ставками были деньги, вещи, а нередко и кровь людей. Собирались обычно в темноте, разводили небольшой костер и начиналась игра с выпивкой, часто переходящая в драки и поножовщину. И вот такие компании директор ходил и разгонял.

Когда контора перешла в капитальное здание, директора предупредили, что готовится ограбление кассы. Он организовал коммунистов и комсомольцев, и устроили засаду.

Надо сказать, что в то время, все предприятия и организации имели свои дизель-генераторные станции и свет был, где до 22, где до 23 часов.

И вот вся автобаза погрузилась в темноту. Кто не хотел спать, сидели на улице и наслаждались теплым, летним вечером. Наконец и они уgomонились и все затихло.

Часа в 2-3 ночи тихонько заскрипела форточка в одном из окон конторы. Подождав еще некоторое время, сидевшие в засаде бросились к дверям, но дверь оказалась запертой изнутри. Пока ломали дверь и ворвались внутрь, вор ускользнул в форточку назад, в которую не каждый и ребенок залезет. Но наружная охрана уже бежала вслед за убежавшим, а он бежал в дизельную. Когда догонявшие забежали туда, они увидели,

что моторист мирно спит. Худенький, невысокого роста, уже в годах, он притворился спящим, но его выдала сумка с воровскими отмычками, которую он не успел спрятать. Утром его сдали в милицию.

Однажды в кабинет директора забежал запыхавшийся водитель, молодой парень, и сообщил, что у него угнали автомобиль, когда он зашел в магазин купить курить, а мотор не заглушил. Взяв с собой человек пять, директор на машине поехал по поселку искать автомобиль. А искать было где: одних СМП было шесть организаций, ХПП, нефтебаза, станция и т.д. После долгих поисков, подъезжая к вагончикам и палаткам мостопоезда, они увидели свой автомобиль. Большая организация мостопоезд занималась строительством моста через Ишим и располагалась рядом со стройкой. Она имела свой собственный парк автомобилей и, вполне возможно, что к утру от угнанного автомобиля ничего бы не осталось, и только оперативность директора Сопко спасла машину.

Когда группа направилась к своей технике, она вдруг была обстреляна. Дробь со свистом пронеслась над головами. Все как по команде очутились на земле, и дробь следующего выстрела пронеслась еще ниже. Ползком они вернулись к своей машине и уехали. Потом директор позвонил в райотдел милиции и через день автомобиль вернули.

Подтверждает Николай Васильевич и факт, когда ночью, с включенными фарами, на палаточный лагерь армян поехали несколько машин. Утром милиция на машинах увезла всех участников конфликта, и чем все закончилось, неизвестно. В те годы конфликтов на национальной почве не должно было быть, и поэтому, вероятно, на высоком уровне решили не предавать огласке это дело, и разогнали всех участников по разным углам

страны. В те года такие методы применялись быстро и решительно, без суда и следствия.

Целина – детство мое, время моего становления на крыло. Я благодарен родителям и судьбе, что в моей жизни был этот период. Жалко, что слово это больше стараются не вспоминать, но из истории Казахстана и России его просто невозможно выкинуть, это слово вечно будет парить над бескрайними степными просторами, над могилами тех, кто забивал первые колышки в седую, ковыльную степь, и принес славу новому Казахстану!

К осени 1959 года мы перешли жить в новый дом. Отец и мама были очень рады, что имеют свою крышу, землю, огород. Сразу развели хозяйство. Жизнь пошла совсем другая, чем в Белоруссии. Да и заработки были гораздо больше. Купили даже велосипед, «веломашина», как тогда говорили. Николай сразу же начал украшать его катафотами и всякими зеркалами, и другими ненужными, блестящими прибабасами. А я то ездить на велосипеде не умел. И вот, Николай и отец учили меня, каждый по-своему. В процессе обучения были и разбитые колёнки и руки, и поломанные педали, так как учиться я начал ездить под рамой, потому что через раму ноги не доставали. Тогда многие пацаны так катались.

Купили прекрасную радиолу «Даугава». Начали собирать пластинки. Первые были толстыми и очень хрупкими. Стоило пластинку уронить, и она разлеталась на кусочки. Это потом они станут гибкими.

Собственно, с 1959 года, я буду вспоминать все больше о своей прожитой жизни, потому что в 1964 году отец выйдет на пенсию, по достижении 55-летнего возраста, и вся его оставшаяся жизнь пройдет на улице Луначарского 28, в своем доме.

Не могу не рассказать о людях, с которыми подружился и общались родители на новом месте, о наших соседях, и о моих друзьях.

Соседями называли не только тех, кто жил рядом, но и всех кого знали по улице. Улица носила неофициальное название – «ляпинская», так как ее начали строить от грейдера дед Ляпин со своими сыновьями и зятьями.

В то время через центр поселка проходила грейдерная трасса на Петропавловск. Сейчас в центре грейдерную насыпь убрали, но дорога так и осталась. Ляпинские были хорошими плотниками и помогали отцу строить дом. Но тесной дружбы не получилось. Первое время мама с отцом еще ходили к ним в гости, но потом потихоньку перестали. Они любили много выпить, курили, часто дрались между собой и, самое неприятное для отца было то, что они страшно матерились, собственно – это был их разговорный язык. Отец, конечно, и сам мог выразиться, но для этого его надо было вывести из себя.

Другом семьи стал и дядя Саша Абылкасов, он работал шофером на самосвальнике и часто выручал отца. Он жил с русской женщиной, и она вместо Шапакбай звала его Сашкой.

Через многие годы мы стали с д. Сашей соседями, уже на улице Ленина, в пятиэтажке, где он и умер.

Недалеко от нас жил и дядя Володя Осипов. У него дом был покрасивее и баня была. Мы часто ходили к ним. У них было двое детей: мальчишка – озорник и девочка. Потом они уедут, а через много лет, я чисто случайно узнаю, что мой напарник по работе женат на этой девочке. Я встречаюсь с ней, она меня не узнает, я ее тоже. Она расскажет мне, что дядя Володя к тому времени уже умер. И буквально, года через два-три после нашей встречи она с мужем умрут друг за другом.

Я часто бывал в гостях у моего друга Скутина Сережки. Его дед поразил меня своей богатырской фигурой – это был еще царский солдат. Он носил деревянный крест на черной,

суровой нитке и имел килу. Мне было уже за пятьдесят, когда однажды на базаре, сосед Игорь Комень, подведет меня к плотному мужику и спросит – знаю ли я его. Я отвечу отрицательно, и тогда мужик спросит: «А Серегу Скутина помнишь?». Это было, как встреча с детством! Они проживали во Фрунзе, столица Киргизии, теперь он Бишкек. Дед давно умер, а Серега занимается торговлей.

Напротив нас жили Хамзины. Алик Хамзин – это мой школьный друг и друг детства. Потом они уедут. Однажды, на Ленина, в дверь позвонят, и я открою. На пороге будет стоять невысокий мужик и улыбаться. Спрашиваю – кого надо?

- Тебя – говорит мужик, - ты что, меня не знаешь? Нет, говорю, по-моему, мы не пересекались.

- А Хамзина не забыл?! Ой, как мы тогда добре посидели! Потом, я заходил к нему домой в Червонном совхозе. Немного там пожив, он, говорят, перебрался в Кокчетав.

Через год-два появятся еще друзья: Саша Стрельников, Славка Горин, Миша Буйских, а школьный друг Коля Гуменюк, хоть и не жил рядом, но остался другом до сего дня. Он дважды спасал меня, когда я тонул на Ишиме.

Как только появилось свое жилье, так сразу же появились квартиранты. Жили в землянке, в тесноте, а людей на квартиру пускали. Так тогда делали многие. Жилья было мало, а нуждающихся было много. Не припомню, чтобы мама жаловалась на квартирантов, а среди них были разные: и украинцы, и русские, и литовцы, и мужчины, и женщины, были и семейные с детьми, и по три человека жили. Среди наших знакомых был и ссыльный, бендеровец.

Молодые квартиранты, особенно девчата, часто просили включить пластинки, открывали окно и устраивали молодежные посиделки. Мама под окном дома сразу развела цветы,

посадили акацию, клены, во дворе хорошо принялся карагач, который не боялся ни морозов, ни жары.

Землянку разрушили весной следующего года, а на освободившемся месте сделали огород. Интересно сажали картошку первый раз, в непаханую землю, под лом.

Ломиком выдалбливали лунку и затем лопатой засыпалась. Удобрения не было никакого. Потом отец всю жизнь вспоминал, какая осенью была уборка: картошка уродилась в два кулака и больше. Мы с Зоей выбирали самую большую и носили на руках, хвастаясь перед родителями, а они довольные, подхваливали нас.

Последующие годы показали, что это не белорусская земля, если не польешь, можешь и без урожая остаться. Первые годы и колорадского жука не было.

Когда покупали землянку, то заборов между соседями не было. С одной стороны жила семья старых казахов с двумя внуками, маленькими погодками, вечно чумазыми и сопливыми, а с другой стороны жила семья Шаурманов. Отец был немец, а мать – хохлушка, родившаяся в Казахстане от украинцев, приехавших по столыпинской реформе в начале века.

Для нас, никогда не живших с казахами, образ их жизни был очень любопытен. Дед-казах, был могучий, здоровенный старик, метра 2 ростом, а бабка маленькая, с белой чалмой на голове. Для нас, детей, сначала было непонятно, почему дед и бабка постоянно ходят с чайником за дом, потом нам объяснили. Они часто в хорошую погоду сидели на завалинке и давили вшей. Бабка разматывала свою чалму и внимательно осматривала ее, зрение было слабым, она была без очков, а на белом их было лучше заметно. Наверное, их было много, потому что движения ее были быстрыми и частыми. Дед же просто вытряхивал свой малахай, и потом осматривал его. Все это происходило, примерно, в обеденный

перерыв, когда солнце было высоко. Окно нашей кухни выходило на их сторону и отец с матерью часто наблюдали эту картину в обед. Когда отец спрашивал: «Что к чаю есть?» - мама кивала на окно: «А этого тебе к чаю мало, что-ли?!».

Потом вши появились и у нас. Это такая зараза, стоит только одному где-то подхватить, и мгновенно все будут иметь. Отец сделал самодельный частый гребешок из коровьего рога, и мама каждый вечер чесала и осматривала нас с Зоей. Отец грешил на квартирантку, которая могла нас этим «наградить». У нас тогда жили две литовские девушки, и одна из них, Данута, была не очень, где-то подхватила, а признаться стеснялась, вот они и пошли. Потом, когда девчата эти ушли, все прекратилось навсегда. Но один раз эта Данута пригодилась.

У наших соседей Шаурманов жили на квартире четыре украинца. Где-то в эти годы начался обратный отток людей с целины. И вот трое из них собрались уезжать. И самому пожилому из них, по прозвищу «Амбразура», (так он сам себя называл за выдающихся размеров лицо) не повезло - он заболел желтухой. Лицо пожелтело, белки глаз желтые, в общем, его сняли бы с поезда при первой же проверке, а они не хотели расставаться. Он пришел к маме и начал слезно просить помочь ему. Мама сначала отказывалась, потом согласилась, но предупредила, что ему придется, есть вещи не очень приятные, на что он живо согласился, сказав, что готов жрать хоть говно, лишь бы уехать.

Мама взяла белый платок, гребешок и подошла к Дануте. Та смущенно отказывалась, но мама сказала, что нужно для лечения, и она тогда согласилась.

Потом мама рассказывала, что вши сыпалась как песок. Закапав их в хлебный мякиш, она положила в ложку и понесла

«Амбразуре». Не разжёвывая, он проглотил эту, довольно внушительную пилюлю, и запил водой. Дня через два все прошло и он счастливый, благодарил маму, предлагал деньги. На третий день они уехали.

Жил еще у нас на квартире Ваня – литовец; тракторист, хороший, добрый парень, не очень хорошо говоривший по-русски. Он любил петь себе под нос литовские песни и, заметив, что мы с Зоей внимательно слушаем его, начинал петь погромче, некоторые фразы до сих пор у меня в памяти.

Мама всегда добрым словом вспоминала Катю с Украины – красивую, работающую, чистюлю, которая помогала ей во всем без лишних слов. С нее почти не брали денег. Уезжая, тетя Катя подарила мне «Войну и мир» Толстого, которую потом зачитали.

Я благодарен дяде Володе Горбатюк, который с женой и ребенком также жили у нас. Где он работал, я уж и не помню, но, по-моему, основная его работа начиналась после работы. Он был фотограф и был большим мастером своего дела, по тому времени. Отец разрешил ему отгородить угол в комнате, и он сделал там фотолaborаторию, где работал и днем и ночью. Люди шли к нему фотографироваться постоянно, сколько он у нас жил, до самого отъезда. Именно он научил меня снимать, и я снимал до самого развала СССР, когда исчезли реактивы, бумага и пленка. Он подарил мне мой первый фотоаппарат «Смена» и детский кортик, из-за которого у меня осталась память на правой руке.

Я страшно был горд, что у меня есть фотоаппарат, и снимал всех друзей, дома, панорамы с железнодорожного моста, отца и маму, когда они этого не ожидали. Даже сегодня я считаю лучшим фото мамы – это когда я, спрятавшись за столом на кухне, сфоткал ее, когда она лепила пельмени, она получилась

такой, какой она и была почти всегда. Потом Николай забудет мою «Смену» на Украине.

Еще жила у нас хорошая портниха и рукодельница Тимшина Мария с сыном. Тетя Маша была с Вятки, как тогда говорили – «кировская», с очень своеобразным говорком. Из проволоки и цветных ниток она мастерила цветы, из открыток сшивала шкатулки, и надо сказать, вещи получались неплохие, люди покупали охотно. Когда она купила себе землянку и ушла от нас, мы еще долго-долго дружили и ходили в гости, пока она не уехала в Курган. Вот такие люди встречались в те целинные годы.

Не могу не написать несколько слов и об Ишиме.

Приехали мы в марте, а в апреле все ходили смотреть ледоход на Ишиме. В то время это было потрясающее и завораживающее зрелище, не то, что сейчас. Ишим разливался на километр, а может и больше, а грохот лопающегося льда и сталкивающихся льдин слышался далеко в округе. Летом он становился спокойным, но коварным, много утонуло в нем, на моей памяти, и взрослых, и детей. Тонул и я два раза, но дома никому не говорил. Купальное место тогда было за автобазой, где на самом берегу стояла заправка, а ниже находится родник. Там был перекат, его использовали как брод, машины там переезжали речку. Берега были сильно заросшими, купальных мест было немного. Ишим был сильным, глубоким, чистым. Воду пили прямо с речки. Рыбы было море. Сети, насколько я знаю, ставили один-два человека, потому что сетей не было в продаже, да и лодок стояло на цепях штуки две. О надувных лодках тогда и не слышали, а мы, мальчишки, старались иметь обычную автомобильную камеру, с которой и купаться было безопаснее, да и нырять можно было с нее.

Пескари тогда ходили тучами по дну, и мы часто, найдя старую тюль, ловили их этой тюлью как бреднем. Ловили на

перекатах на банки плотву. Крышек полиэтиленовых тогда не было, банку закрывали старой жестяной крышкой, в которой прорезывали небольшое отверстие, в банку набрасывали немного хлеба и рыба шла как в мордушку.

Хорошо ловилась рыба и на удочку. Удилище делали из талы, которая росла по берегу. Можно было найти хорошие удилища метров до 4-х. Взрослые рыбаки имели 3-х или 4-х бамбуковые удилища, или из легкого сухого дерева делалась основная часть метра три, потом бамбуковая вставка и бамбуковый хлыст. Никаких телескопических удилищ в те времена у нас никто не видел. Никогда не видел и спиннингов. Мы радовались, когда находили на берегу леску с крючком. Поплавки были у всех самодельные: или из гусяного пера, или из пробки. Иногда пацаны шли на рыбалку, имея с собой только леску с крючком. Удилище срезали на месте, а поплавком служил кусочек сухого тростника или кусочек древесной коры. Червей находили возле родника, под камнями.

Первые года отец и мама ходили с нами на Ишим. Отец купался и учил меня ловить рыбу, а мама отдыхала на берегу. Потом уже не помню, чтобы отец купался.

Когда еще жили в заготзерно, часто на машине привозили рыбу с Володарского озера, теперь это Саумалколь. Красивое, голубое, большое и глубокое озеро находилось между сопками и изобиловало рыбой. В годы войны отсюда подводами везли рыбу в Кокчетав и Петропавловск в зимний период. В годы правления Хрущева это замечательное озеро будет загублено. Никита провозгласил курс на химизацию сельского хозяйства, и бездумное применение гербицидов привело к отравлению этого озера, и рыба погибла, а озеро начало заболачиваться.

Где-то к 1961 году было закончено строительство моста через Ишим, и мы переходили по нему на другую сторону, если

вброд было неохота. С этим мостом связана одна история. Я сам не слышал, а ее рассказывал отец, который постоянно слушал радио.

В то время на эстраде страны выступали два юмориста: Березин и Тимошенко, под псевдонимами Штепсель и Тарапунька. Их остроумие и юмор вызывали восхищение у всех. У них были даже конфликты с руководством страны.

В тот период Хрущев в приказном порядке заставлял сеять везде кукурузу, чуть ли не до полярного круга, и по радио только и транслировали передачи на эту тему.

И вот в одной из своих миниатюр они обыграли эту тему, как-будто люди слушают поцарапанную пластинку и только и слышно: «Кукуруза, молоко, кукуруза, молоко...». А потом Тарапунька советует: «А ты, Штепсель смени пластинку!». Хрущев очень рассердился и одно время даже запретил им выступать.

Так вот, в одном из выступлений Тарапунька спрашивает: «А ты, Штепсель, хорошо географию знаешь?». Березин всегда играл роль интеллигентного человека с правильной речью, и на этот вопрос отвечает утвердительно. Тогда Тарапунька задает еще вопрос: «А скажи, какая река самая широкая в мире?». И Штепсель начинает перечислять все крупнейшие реки мира: Амазонка, Нил, Миссисипи, Енисей, Обь, Волга, - но Тарапунька отрицает все. Наконец, Штепсель сдается и Тарапунька говорит: «Есть в Казахстане река Ишим, так там уже восемь лет мост строят и все никак берега не соединят. Вот это ширина!».

Хорошо помню 12 апреля 1961 года. Мы работали на поле, готовились к посадке картофеля. Я пошел в дом напиться воды, а динамики были постоянно включены: тогда в каждом доме, в каждой квартире была радиолиния и радиоточка.

И вот тогда я услышал, что в космос полетел первый человек Земли, наш, советский! Юрий Гагарин! Такая радость меня охватила, как-будто это кто-то из моих родных полетел туда, такой восторг поднялся, что я заорал во все горло, и, вопя, побежал на поле. Мама потом вспоминала, что страшно испугалась, подумала, что пожар, видя меня бегущего и орущего. Все бросили работу, и пошли слушать радио, а я побежал к соседу – другу, Алику Хамзину, и переполошил всех и там.

Разве можно забыть тяжелый карибский кризис, когда Америка и СССР были в одном шаге от войны, и мир не знал, после второй мировой, более критического состояния, чем тогда. Отец, постоянно слушавший «Голос Америки», острее всех нас чувствовал ситуацию в мире и очень переживал. Были закуплены продукты, соль, спички, мука, хозяйственное мыло, керосин.

Реальнейшая угроза страшной ядерной войны нависла над планетой.

Но у Кеннеди и Хрущева хватило благоразумия понять, что победителей в этой схватке не будет, потому что оставшиеся живых просто вымрут.

Ценой взаимных уступок одной и другой стороны мир был спасен, но холодная война продолжалась. От тех времен у нас в доме постоянно имелась соль и коробок пятьдесят спичек.

Примерно, в 1960-1961 годах, у меня появилось новое увлечение, вернее у нас – мальчишек.

Почему-то все стали собирать кто марки, кто значки, кто спичечные этикетки. Пошел слух, что за 1000 или за 2000 собранных можно получить большие деньги. Я начал собирать этикетки, благо, что их и купить можно было за 1 копейку, столько стоил спичечный коробок, в котором находилось ровно 60 спичек. Собрать-то я начал, а вот как их отделять от

фанеры коробка, никто не научил, как их хранить правильно, тоже никто не знал.

Мы заметили, что на старых коробках, которые пролежали на улице, этикетки отделялись легко. Мы постоянно обшаривали свалки, придорожные кюветы в их поисках. Сразу начался взаимный обмен. Я сначала хранил этикетки просто в коробке, потом ребята некоторые стали хранить в специальных альбомах. А альбомы стоили денег, да их еще и найти надо было, и я за неимением альбомов, начал приклеивать этикетки в простую тетрадь. Собираю я их года два, пока не заметил, что приклеенные этикетки начали портиться. Клеил я их силикатным клеем, больше никаких клеев не было, резиновым клеем клеили камеры на велосипедах, а из бумажных клеев был только силикатный, со временем он высыхал, а потом начинал кристаллизоваться и на этикетках стал появляться белый налет, который разъедал бумагу.

Я уж и не помню, сколько тетрадей я успел собрать, но этикеток было больше тысячи. Так это увлечение и прошло.

Появились более интересные занятия: летом – футбол, сражение на шпагах и другие, а зимой – катание на санках и самокатах. Сейчас о самокатах уже никто и не помнит и никто их не делает, а тогда у каждого пацана он был, тем более что изготовить его можно было с помощью друзей, был бы металлический прут подлиннее.

Санки у нас были большие, крепкие, отец делал, чтобы возить тяжести. На наши санки садились, сколько влезет, и летели мы с горки метров триста. Горка была недалеко от дома, и нам с Зоей было очень удобно после школы, пока никто не видит, уйти и покататься.

Отец часто говорил, что это место как-будто предназначено для церкви, но тогда там был маслозавод и мы частенько там брали пахту.

В 1961 году в СССР была произведена денежная реформа. Вместо больших бумажных банкнот появились маленькие бумажные деньги, более удобные. Помню, как дядя Володя Осипов ходил и у всех спрашивал копейки, говоря, что новая копейка будет как старые десять копеек, но что-то он на этом не разбогател. Нас пацанов, эта реформа коснулась только ценой за бутылку. Раньше пустую бутылку принимали за 1 рубль 20 копеек, а теперь, за 12 копеек. Сберегательных книжек у нас никогда не было, поэтому реформа для нашей семьи прошла безболезненно.

В эти годы началось строительство завода ЖБК, элеватора, и строительство пятиэтажек ЖБК и элеватора.

Примерно к 1962 году разъехались наши все квартиранты, закончилась целинная эпопея, заканчивалось и мое детство: «исчезли юные забавы как сон, как утренний туман». Скоро Ашанино начнет быстро разрастаться, у меня появятся новые друзья: Сашка Стрельников и Славка Горин. Соседи-казахи продадут свой дом, и мы подружимся с новыми соседями – Никитиными. Через много лет, в 1992 году, Клавдия Матвеевна Никитина станет мне крестной матерью.

Заканчивая описание целинного периода, мне хочется отметить одну неприятную вещь. Не знаю, как в будущих учебниках истории будет оцениваться целинная эпопея, но вижу, что есть тенденция к скорее отрицательной оценке, чем к положительной. Но это не так.

Да, конечно, были пыльные бури, была эрозия почвы, но это происходило потому, что научная работа отставала от трудового энтузиазма и героизма первоцелинников.

Целина дала столько хлеба, столько зерна, что его не успевали перерабатывать, и он пропадал, но это происходит и сей-

час, спустя 60 лет, несмотря на современные технологии обработки земли и мощную технику.

Одну такую пыльную бурю я хорошо помню.

Отец пришел на обед. Жара была страшная и ни малейшего дуновения ветерка. И вот, на горизонте показалась странная туча, которая быстро приближалась и заняла полнеба. Верх ее был черным, как у обычной тучи, а нижний слой какой-то серо-коричневый, и как бы кипел. Туча закрыла солнце, и полдень превратился в вечерние сумерки. Налетел первый, слабый порыв ветра, потом другой, порывы стали сильнее и на глазах природа взбесилась.

Начался настоящий ураган, дождя не было, были отдельные, крупные капли и только сейчас стало понятно, почему у тучи был такой странный цвет: в воздухе неслись тысячи тонн земляной пыли, не песка, а именно земли.

Минут через 20 все закончилось. Туча прошла. Выглянуло солнце. Мы вышли на улицу. Забор палисадника выдержал, но перед ним лежал бархан чистой земли высотой до 30 сантиметров. Отец пошел на работу, а мы стали носить эту, унесенную с полей почву, на свой огород.

Старая технология обработки земли совершенно не годилась для целинных просторов. Не соответствовала масштабам целины и техника. Вместо слабых, гусеничных тракторов ДТ-54, нужны были более мощные и более производительные трактора. Урожай перевозился маленькими 2-х - 3-х – тонными грузовиками и очередь автомобилей на ХПП растягивалась более чем в километр.

Для решения проблемы эрозии почвы в Целинограде будет создан НИИ земледелия под руководством академика ВАСХ-НИЛ Бараева, потом он будет носить его имя. Будет проделана

огромная научно-техническая работа и про пыльные бури скоро забудут.

Летом 1960 года в гости к нам приехал дядя Яша, которого мы никогда не видели. Он работал на шахте в Тульской области. Приехал он с сыном Витей, который был примерно одних лет со мной, может быть, на год младше. Он показал нам новые уличные забавы, и мы с ним быстро подружились.

У дяди Яши был еще старший сын – Володя, но мы никогда не встречались.

Отец рассказывал, почему решил назвать меня Владимиром. Когда я родился, он сказал маме: «У Федора есть Володя, у Якова есть Володя, у Сони есть Володя, пусть будет и у меня Володя». Так получается, что я должен благодарить своих дядек и тетку за свое имя. Гости уехали и больше мы никогда не виделись. Попробую разыскать их по Интернету, если Оля поможет.

У меня сохранилось одно из последних писем дяди Яши к отцу, написанное за два года до смерти отца, в июле 1982 года. Вообще, в те времена письма писали регулярно и отец, и мама, да и все люди. Переговоры по телефону заказывали заранее, да и то, в экстренных случаях. Почтальоны ходили постоянно с набитыми сумками, потому что кроме писем, люди много выписывали газет и журналов.

Когда я женился, то у нас получалось больше десяти экземпляров выписки. Первый телевизор купили в то же время. Так вот о письме дяди Яши. Оно интересно тем, что братья сохранили теплые и очень доверительные отношения, несмотря на суровую и нелегкую судьбу, выпавшую обоим. Дядя Федя постоянно переписывался с отцом, и он тоже, любовно и тепло, на правах старшего, называл его «братик», «браток». Дядя

Паша присылал письма и фотографии, но не так регулярно, как дядя Федя. Принимая во внимание, что письмо может исчезнуть со временем, хочу оставить его потомкам, как простой образец братских отношений и привожу его полностью, сохраняя все в оригинале, и надеюсь, что отыщутся или Володя с Витей, или их дети, но было бы очень хорошо, чтобы оно было ими прочитано.

В 1961-1962 годах тоже ездили в гости. Мама, Николай, Зоя и я побывали в Донецке, где жили мамины братья и сестры. Мама при встрече очень плакала, то ли от радости, то ли потому, что время сильно изменило их.

Приняли нас очень хорошо, приехал даже дядя Петя из Таганрога. Он работал на заводе «Красный котельщик» и занимал какой-то высокий пост.

За праздничным столом все веселились и смеялись, вспоминая, как увидели маму с кучей детей и Николая, с мешком за плечами, в котором был гостинец – килограммов 15-20 сала, которое от жары прошло через мешок, и вся спина у него была жирная.

В Донецке я впервые увидел шахтные терриконы. Это был первый крупный город в моей жизни. Здесь я впервые увидел зоопарк наяву, а не в кино. Там в это время гастролировал Московский зоопарк, и животных было много. Больше всего толпилось народу у клеток с обезьянами: они выделяли такое, что мужики хохотали, а женщины отводили глаза.

Возле клетки львов народа было мало, потому что они спали. Наверное, кому-то из посетителей надоело ждать, когда они проснутся, и в них что-то бросили. Раздался громоподобный рык и все бросились ко льву, который рассержено ходил по клетке и хлестал себя хвостом.

Я тоже хотел подойти поближе, но не смог – собралась большая толпа. А львица ходила-ходила, потом повернулась к

толпе задом и испустила мощную, длинную, желтую струю!

Боже, что тут началось! Возле клетки мгновенно стала пусто, те, кому повезло, со смехом наблюдали за теми, кому досталось, а последние отмывались газировкой и минералкой. Один толстяк, стоявший ближе всех к клетке и снимавший львов на фотоаппарат, пострадал больше всех. Он молча держал в одной руке заливный фотоаппарат, а в другой – мокрый пиджак.

Что запомнилось еще в Донецке – это мороженое! Какого только мы не перепробовали, но мне больше всего понравилось простое фруктовое, самое дешевое, всего за 5 копеек. Никогда и нигде я больше не встречал такого.

Потом отец, Зоя и я ездили в Белоруссию. Когда подошли к дому дяди Федя, отец и Зоя спрятались за углом, а я пошел в дом. На стук вышел дядя Федя, я прошу, как учил отец:

- Дяденька, дайте водички попить.

Дядька выносит воды и спрашивает:

- Ты чей? Соседский? Так у соседей таких нет.

А я уже не могу сдерживаться и улыбаюсь до ушей. Не выдерживает и отец и выходит из-за угла. Радости было!

Во дворе у них росла большая, высокая вишня, а я то думал, что вишня – это кустарник, как в Казахстане. Они собирали, что могли достать, а те, что высоко, так и пропадали. Дядя Федя разрешил залезть на нее, но только не ломать ветки. Ох, и вкусно было!

Разница по времени между нами тогда была 3 часа, и я, на второй или третий день, стал раньше всех. Во дворе стоял красивый дамский велосипед, и я решил покататься, тем более что рядом проходила прекрасная автомагистраль Москва-Варшава.

Велосипед был хороший, и я накручивал километры. Проехав 12 километров, я развернулся и поехал назад. Когда я за-

пыхавшийся, но довольный, подъехал к дому, меня там уже ждали. Оказывается, на велосипеде Катя ездила на работу, а я тут все испортил, и она ушла пешком. В общем, маленько поругали. Дядька спрашивает,

- А куда ты ездил?

Я назвал деревню, где развернулся, а он аж глаза раскрыл:

- Так ты в соседний район заехал!

А я то мерил по казахстанским меркам – подумаешь, расстояние!

Потом дядя Федя свозил нас в Ляховичи, где жили и работали Оля и дядя Миша Альшаковы. Он был директор школы, а она учительница. Насколько я помню, жили они или рядом со школой, или в одном здании, но помню, что жили прямо в лесу.

Дядя Миша, когда узнал, что я хочу стать археологом, подарил мне полный набор царских бумажных денег. Это было для меня тогда настоящим сокровищем! Правда, через год он исчезнет из школьного музея.

В Ляховичах, произошел один разговор, который потом долго вспоминали отец с дядей Федей.

Мы шли по улице к автобусной остановке. Отец с дядей Федей шли немного впереди, а я глаzel по сторонам. С левой стороны дорожки стоял забор, из-за которого свешивались ветви яблонь. И вдруг, я увидел на земле штук десять прекрасных яблок, которые сами просились в руки. Я остановился и начал собирать их в свой чемоданчик, и в этот момент над головой раздалось,

- Ты пачаму яблaки бярэш?

От испуга я онемел и только смотрел на дядьку, который уставился на меня через забор. Потом испуг прошел и я начал ему объяснять, что я никуда не лазил, а подобрал их с земли, по эту сторону забора.

В это время ко мне подошли отец и дядя Федя, вернувшись назад. Они поздоровались с мужиком и дядя Федя, который, как мне показалось, был знаком с этим белорусом, начал объяснять ему, что он провожает гостей с Казахстана, а мужик махнул рукой,

- Да не в тым рэч, я гавару, зачэ́м ё́н с зямлі бярэ́ць, зайшо́в бы і на́рвав с дрэ́ва, мы пада́лки то́кі свиння́м са́бираем.

Получив такое неожиданное предложение, мы зашли в сад, и пока отец наполнял яблоками все свободные уголки в сумках и чемодане, я отвечал на вопросы щедрого белоруса, поедая одно яблоко за другим. Он расспрашивал про Казахстан, про климат и землю, про урожай и бульбу.

Дядя Федя с отцом тоже прислушивались к нашей беседе. Отец набил яблоками все, что можно было, и уже закрывал чемодан, когда белорус спросил меня,

- А ты мяне скажы, где лепше – у вас или у нас?

Я начал расхваливать Белоруссию за ее яблоки, вишни, груши, сливы, растущие прямо вдоль дорог, за ее леса, где полно грибов и ягод, за ее землю, где картошка растет сама, без полива, а довольный дядька улыбался и поглаживал свою бороду, и тут черт, который у всех сидит на левом плече, дернул меня за язык, я очень дипломатично закончил:

- У вас очень хорошо, но у нас лучше!!

Белорус съехался, как-будто его облили холодной водой, отец молча смотрел на меня широко открытыми глазами, а дядя Федя схватил чемодан с яблоками и сказал отцу,

- Ну что, пошли?

Я понял, что сказал что-то не то, но я ведь сказал правду, а что хорошо!

Они поблагодарили хозяина за яблоки, который ошалело молчал из-за моего нахальства, и мы пошли дальше. По дороге

отец с дядей Федей посмеивались над моей простотой, и все вспоминали лицо мужика после моих слов.

Это была моя последняя встреча с дядей Федей, тетей Лизой и двоюродной сестрой Катей. Сегодня только Ольга Федорова помнит, как она сказала мне по телефону, «маленького мальчика».

В эту поездку мы встретились и с семьей дядя Паши. Он занимал тогда какую-то высокую должность, насколько я помню. Он повез нас показать озеро Свитязь. Озеро очень красивое, но вот дно его не очень, белая глина, но берега и вода прекрасные. Галя показала, что она отлично плавает, но я не рискнул тягаться с ней – свежа была память о происшедшем со мной на Ишиме, когда я тонул.

Встретился я тогда и с друзьями детства: Толиком Кравец и Гутырчиком. Кравцы были когда-то нашими соседями, и они жили немного получше нас. У Толика велосипед был уже с моторчиком, и он быстро научил меня ездить на нем.

В эту поездку мы побывали и в парке в Барановичах. Множество аттракционов, колес обозрения тогда еще не было, но я потащил отца туда, где стояла деревянная наковальня, и нужно было большой деревянной кувалдой ударить по ней. По планке, высотой примерно метров пять, взлетал при ударе боёк, который сбивал на самом верху конфету или шоколадку.

И я пробовал, и дядя Федя, но сбить не могли, а отец только смеялся, потом он взял и ударил сам, вроде сильно и не размахивался, но боёк взлетел как-будто им выстрелили, и приз упал к нашим ногам.

Походив по парку, мы снова подошли к этой игре и снова отец сбил приз. На третий раз мужчина, обслуживающий аттракцион, сказал отцу:

- Вы бы, дядька, гуляли в других местах,- а дядя Федя улыбался, -

- Пошли, пошли, пока не поздно, пиво лучше попьем.

Что еще запомнилось от поездок – это Волга. Мы ее пересекали в Куйбышеве, теперь это Самара, и там она была, действительно, великой русской рекой!

Могучая, широкая – она несла на себе множество теплоходов, барж и катеров, а человеческий труд и ум соединил ее берега такими же, как она, сильными, большими мостами. Ее громадность и мощь поражают воображение, особенно, когда видишь ее впервые.

Действительно, Волга-матушка!

Но вот на ее берегах увидел такое, что никак не ожидал. С высоты железнодорожной насыпи хорошо было видно, как много десятков женщин жали хлеб серпами и складывали в снопы. Их движения были слажены, ритмичны и отработаны до автоматизма. Все были в белых платочках, так как стояла жара. Я никогда ничего подобного не видел, думал, что все это осталось в далеком прошлом и вдруг, такое! Как-то это абсолютно не вязалось со спутниками и космонавтами, но это было так, и от этого никуда не деться.

Был в моей жизни и один сезон пионерского лагеря. Лагерь располагался в небольших лесках, между Рузаевкой и Ишимом, недалеко от Стерлитамака. Несколько фотографий в пионерлагере напоминают мне о том интересном и беззаботном времени.

Лесной земляники было море, нас ругали, если мы ее ели, потому что летал самолет и опылял все дустом, попадало и на ягоды.

Жили в палатках, кормили хорошо, дисциплина была хорошая, но информация уличного характера имела место быть,

несмотря на пионерские костры, печеную картошку, и другие атрибуты пионерского воспитания.

Теперь же считаю, что каждому ребенку необходимо хоть один раз побыть одному, без родителей, один месяц. Этот важный жизненный опыт пригодится в будущем.

В 1962 году я закончил 6 классов, перешел в 7. Через два года должен был получать свидетельство о восьмилетнем образовании, а в метриках у меня было записано, что я Молчанов, так как брак отца и мамы не был зарегистрирован. Поэтому родителям пришлось идти в ЗАГС и узаконивать свои отношения, жениться значит, потому что дети поджимали.

Примерно в эти годы, я начал очень активно заниматься чтением книг.

Телевидения не было, всю информацию получали по радио, через газеты и журналы. Мама выписывала для себя белорусский журнал, где были вышивки, для меня выписывался «Юный техник», позже журнал «Техника – молодежи», ну и газета «Пионерская правда». Выписывались районные и областная газеты.

Отец постоянно слушал «Голос Америки» по радио. Прислушивался к нему и я. Интерес для меня состоял в том, что то, что в советских СМИ называлось враждебной и антисоветской деятельностью, для Запада представляло борьбу за права человека и свободу слова.

Между СССР и Западом шла настоящая, непримиримая идеологическая война. Первые зерна сомнения, что не все, что говорится и пишется в Советском Союзе правда, заронила во мне история с генералом Червоненко, но это тема особая.

А тогда я стал запоем читать книги. Особенно мне полюбилась фантастика. Она открыла для меня совершенно новое

мироощущение, заставила по-новому, по-другому взглянуть на человека и общество, и их место и роль в мироздании.

Я записался в районную библиотеку, в школьной я был записан давно, и глотал книги десятками. Тогда же меня страшно заинтересовал вопрос происхождения жизни на земле, ответа на него не знаю до сих пор.

Как-то невольно услышал разговор отца и мамы. Отец предупреждал маму:

- Ты смотри за ним, а то он с этими книгами совсем какой-то стал.

А фантастика стала для меня как наркотик, я уже не мог без нее. Я машинально делал домашнюю работу, а сам думал:

- Зачем это? Через 30-40 лет не будет ни этих печек, ни навоза, ни огорода. Бессмысленная работа.

Я искренне верил, что через 20 лет все будут делать роботы. Успехи советской науки и техники выставлялись как самые передовые в мире, о японских технологиях тогда и помина не было.

Если бы мне, кто-нибудь тогда сказал, что через 50 лет я буду топить печку и иметь сарай, я бы посмотрел на этого человека как на идиота.

С высочайшей трибуны было на весь мир провозглашено, что к 1980 году будет построена материально-техническая база коммунизма, и нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Однажды мне на глаза попала газета, кажется, «Комсомольская правда», или «Ленинская смена», где сообщалось о том, какие есть в мире прогнозы на будущее, каким виделся и представлялся мир в 2000 году. Это сейчас появились футурологи, футурология, а тогда я не знал таких слов, и такая информация была для меня очень интересна.

В конце статьи предлагалось всем желающим, вырезать эту статью, запечатать в конверт, а на нем написать: «Вскрыть в 2000 году», что я и сделал. Конверт пришлось клеить самодельный, большой, потому что статья была большая, а советские конверты были все одинаковые.

Было это примерно, в 1964-1965 годах, т.е., за 35 лет до 2000 года, но он, этот год, уже тогда был каким-то пределом, какой-то исторической вехой не только для предсказателей. но и для политиков.

Я уже писал выше, что в СССР с 2000 года должна была начаться коммунистическая эра, и советские люди должны были по воле партии, начать жить при коммунизме, главным принципом которого должен был стать принцип «От каждого – по способностям, каждому - по потребностям», т.е., если перевести эту фразу на простой человеческий язык, то каждый должен был работать по своим умственным и физическим возможностям, а вот получать и жить, каждый мог по своим потребностям. Если представить себе, что потребности каждого удовлетворены полностью на 100%, то такое место люди уже знали давно – это рай!

Но дело не в этом. Я вырезал статью, положил ее в самодельный большой конверт, написал на нем, «Не вскрывать! Опасно! Вскрыть в 2000 году!», и спрятал, как мне казалось, в самое тайное и надежное место.

Через год или два, я проверил конверт, но он оказался вскрытым и снова запечатанным. Думаю, что это моя добрая мама, выполняя желание бдительного и осторожного отца, жившего по сталинскому принципу:

«Здоровое недоверие – хорошее основа для совместной работы», нашла конверт, прочитала и снова запечатала.

Пройдет много лет, я выброшу конверт, который начнет рассыпаться, потому что склеен был силикатным клеем, а в 2000 году, я отнесу эту пожелтевшую вырезку в редакцию районной газеты «Вперед», и люди снова прочтут ее, как и предполагалось, в 2000 году, вместе с моей статьей. Правда, надо сказать, что редактор мне назад ее не вернул.

Но я читал не только фантастику. Приключенческая и историческая, научно-популярная и военная литература, редкие советские детективы – все переваривалось и запоминалось.

Как-то мама принесла с работы книгу А. Моравиа «Чочара». Ей дали на несколько дней почитать. Когда я попросил почитать, мама сказала: «Рано еще». Я не понял – как это рано?! «Войну и мир» читать значит не рано, а какую-то «Чочару» рано? Мама читала в основном по вечерам, в свободную минуту и перед сном. Поэтому я имел возможность проглотить ее за три дня, скрываясь от всех, и даже брал ее в школу. Книга была зачитана до дыр, определенные места были обязательно подчеркнуты, такие подчеркнутые страницы встречались потом во многих книгах такого плана. Что поделать – до сексуальной революции было еще очень и очень далеко!

Но не только это было интересно. В книге я впервые встретил описание войны в другой стране. Изучать историю по учебникам – это одно, а почувствовать эту историю как-бы изнутри – это другое. Конечно, ужасы войны на территории СССР несравнимы с войной в Италии, но боль и страдания человека не зависят от границ и одинаковы везде. Книга мне очень понравилась, но больше я ее никогда не встречал.

Примерно такое же ощущение я испытал, когда прочитал через много лет «Сто лет одиночества» Г. Маркеса, конечно, это не то направление, что в «Чочаре», но этот роман нечто новое в литературе.

Вообще же я считаю, что меня наполовину сделали книги. Когда я учился на рабфаке, преподаватель по литературе и русскому сказала мне, что я совершаю ошибку, поступая в технический вуз, и что мне надо в литературный. Так что считаю, что не будь в моей жизни книг, не было бы и этих строк. Семена, посеянные книгами, проросли и дали, пусть скромные, но плоды. И сегодня мне не стыдно выглядеть старомодным, но книга и сейчас для меня действительно является лучшим подарком, не смотря на компьютеры и Интернет.

В 1964 году, закончив 8 классов, я с отцом поехал в Петропавловск, поступать в железнодорожное ГПТУ, которое все местные называли «жучка» от прежнего названия ЖУ – железнодорожное училище. Я уже начал проходить медкомиссию, но походив по училищу и поговорив с преподавателями, отец отказался от этой идеи и мы возвратились домой. Потом отец смеялся: «Анализы оставили и поехали домой».

Мне училище напомнило колонию Макаренко. Преподаватели сами советовали отцу не оставлять меня, а дать возможность закончить 10 классов, т.е. получить нормальное среднее образование.

Но так сложилась жизнь, что в дальнейшем, я буду связан с железной дорогой почти 20 лет, как и хотел отец. А пока я вернулся в школу и пошел в 9-й класс.

Осенью этого года у брата Николая была свадьба с Лизой. Больше свадеб в нашей семье не было. Гуляли три дня. Маме очень хотелось, чтоб все было как у людей, поэтому отец и мама ни сил, ни денег, ничего не жалели, ведь это была первая свадьба в их жизни, но как оказалось, и последняя.

Когда начали делать подарки молодым, мама была очень расстроена одним подарком. Какой-то начальник из автобазы,

где Лиза работала диспетчером, подарил большую коробку, перевязанную красивым большим бантом. Подвыпившие гости потребовали коробку вскрыть и посмотреть. В коробке было что-то большое, завернутое в газеты. Начали снимать одну газету за другой. Сняли несколько десятков газет, и в последней оказался завернут маленький пупс-голыш. Вот и весь свадебный подарок! Мама была очень расстроена. Она говорила: «Ладно бы какой-нибудь бедняк подарил бы, я бы не переживала, а то ведь богатеи-начальники! Как ему не стыдно!»

Из всех подарков, до сих пор стоит у Николая трельяж, который вскладчину купили его друзья-товарищи.

В нашу семью вошла Лиза – Елизавета Васильевна Басаман, теперь уже Дударенко. Простая сельская украинская девушка из Саврани, Одесской области, приехавшая на целину к брату, который сам работал в автобазе и ее устроил, да она так на всю жизнь и прикипела там.

Выросла без отца, который погиб в войну. Ее мать, Домна Романовна Шарапановская всю жизнь работала в колхозе, ничего в жизни, кроме труда, не видела. Потом Лиза заберет ее к себе, и она сильно будет скучать по ридной Украине, плакать, да так, от тоски, наверное, и умрет, вспоминая свои кучугуры.

Хорошо помню кремлевский переворот, когда сняли Хрущева. Отец тогда не отходил от радиоприемника.

- Сковырнули, наконец-то! – так прокомментировал он.

Не любил отец Хрущева за его непредсказуемые шараханья во внутренней политике и в сельском хозяйстве особенно. Красивый, представительный Брежнев, даже внешне соответствовал высшей партийной, а затем и государственной должности.

С девятого класса я начал больше времени уделять спорту, особенно штанге и гимнастике.

Организовалась группа одноклассников, договорились с физруком, он давал ключ от спортзала, и мы собирались там по вечерам и тренировались, кто на чем хотел.

Дома, под кроватью, стояла ось от вагонетки, похожая на штангу весом до 50 кг. Мама, когда мыла пол, говорила мне: «Убери свою дуру». Во дворе соорудил перекладину, ее же использовали потом как качели.

В спортзале качали пресс, пробовали себя на кольцах, много работали на перекладине, а больше всего я любил брусья. Большую часть занятий отводили штанге. В то время, рекорды в штанге еще регистрировались в трех движениях. Ребята искали литературу по штанге и помогали друг другу освоить правильную технику выполнения движения. У всех нас кумиром и образцом был Юрий Власов, который одерживал в то время выдающиеся победы, особенно над американцами, которые превосходили его в мышечной массе. Его книга «Себя преодолеть» долго была у меня, пока не пошла по рукам и ее не зачитали.

Много времени я уделял усилению левой руки. Я заметил, что даже у самых сильных ребят, левая рука намного слабее чем правая, и я стал качать ее больше, чем правую и это мне потом хорошо помогало.

В конце занятий, обычно в виде отдыха, занимались борьбой. Учили приемы друг на друге, а под занавес просто боролись. Борьба в стойке у меня получалась не так как в партере. В партере я смело боролся с двумя. Все эти занятия здорово мне помогли в армии, где сержанты поручали мне тренировать ребят на перекладине и брусьях, а сами отдыхали. Командиры в армии не верили, что я из простой сельской школы.

В 1964 году отцу в августе исполнилось 55 лет и его прово-

дили на пенсию. Особых торжеств не помню, а с работы ему подарили небольшие, красивые, настольные часы в деревянном корпусе. Часы хорошие, точные, но их надо было часто заводить. Отец сначала следил за ними, потом бросил и они стояли как украшение.

Пенсию по тому времени получил неплохую: если максимальная пенсия не превышала 120 рублей, то он заработал 66 рублей. Тогда это было достойно для рабочего. Размер моей пенсии сегодня, я считаю в два раза меньше, чем отцовская, по покупательной возможности. По крайней мере, я не слышал, чтобы отец жаловался на маленькую пенсию.

Новый, 1966 год, я учусь в 10 классе.

Новогодний праздник омрачился для меня самым неожиданным образом. Родители купили мне к празднику новые брюки. Но надо знать то время, и как мне показалось, что фасон этих брюк был одинаков и в 1946, и в 1956, и дожил до 1966 года, и был одинаков, что для 16-летних, что для 36-летних – фасон в СССР был единым. А у ребят уже появлялись расклешённые. Я уже собирался идти на новогодний вечер в школу, надел старые брюки и тут вмешался отец. Штаны новые – значит хорошие, а если не одеваешь – значит выпендриваешься. Он в последний раз спросил: «Будешь одевать?» - «Нет» - ответил я, и отец снял свой ремень.

Хлестал от души, а мама хватала его за руки, досталось и ей.

Это сейчас я улыбаюсь, а тогда было не так больно, как обидно, и я кричал:

- Бей, бей, всех не перебьёшь! – ну, прям как Космодемьянская. Отец плюнул и вышел. А я пошел в школу, но не заходил, а смотрел на праздник через окна. Это было последнее «благословение» отца перед взрослой жизнью. Думаю, что и тогда, а

тем более теперь, редко кто может таким благословением похвастаться, но, наверное, в том, что так произошло, виноват и мой характер.

Вот и пошел 1966 год. Приближались выпускные экзамены, нужно было определяться, кем быть, куда идти учиться. Наверное, физрук нас «сосватал», но всех нас кто тренировался в спортзале, капитан из военкомата стал уговаривать пойти в военные училища.

Еще везде трудились и служили участники войны. В военкоматах сидели майоры и подполковники с боевыми орденами. Армия была в СССР в почете, и стать ее офицером было очень даже заманчиво и престижно.

Мы все также продолжали тренировки в спортзале, но к нам присоединились и несколько девчонок из наших классов. И хотя они приходили в трико, но сидели больше в сторонке, наблюдали за нами и разговаривали о своем, девичьем. А потом их нужно было провожать по домам, собственно ради этого они, наверное, и приходили к нам.

Однажды Саша Стрельников, который не любил, чтоб ему мешали на тренировках, взял и выключил незаметно свет, надеясь, что они разойдутся, но получилось обратное. Все стали хохотать и веселиться, потом и девчата и спортсмены притихли. Постепенно тренировки становились не только полезными, но и приятными.

С Зоей стали возникать проблемы и мама иногда сама, иногда меня просила проследить, где она и чем занимается. На все расспросы у Зои был один ответ: «Была на репетиции», но мама несколько раз видела ее прогуливающейся с такими же девчонками по гейдеру.

Что поделаешь — мы выросли, у меня были тренировки, у Зои были репетиции.

Вся наша спортгруппа подала заявления в военные училища. Я написал в Ачинское летное, а другие – кто в летное, кто в ВМФ, в общевойсковые никто не захотел. Из нашей спортивной группы только один я не был комсомольцем и меня в военкомате предупредили, чтобы я к концу учебного года вступил в ряды ВЛКСМ, иначе маловероятно, чтобы я прошел отбор. Написал заявление, дали рекомендации, начал учить Устав, и к концу года мне вручили комсомольский билет.

Через 25 лет, я положу его на стол секретаря райкома и уйду. Напишу заявление и о выходе из профсоюза.

И вот, наконец, позади выпускные экзамены, выпускной вечер, вся нервотрепка закончилась, впереди ждало училище.

Районную медкомиссию в Рузаевке я прошел нормально, а вот на областной меня «зарезали» из-за того, что у меня нет зуба.

- Поймите, - сказали мне, - в летные училища столько желающих, что нам хватает кандидатов зубастых, а вы перепишите заявление в другое училище, там требования ниже...

Таких неудачников оказалось много, очень многие не прошли по зрению, кого забраковали по вестибулярке. Тут же переписывались заявления в другие училища. Я написал в Ташкентское высшее военное танковое училище имени дважды Героя Советского Союза, Маршала Советского Союза Рыбалко.

Нам сказали ехать по домам и ждать вызова. Приехал. Жду. Ребята, которые подавали заявления со мной, уже разъехались, а меня не вызывают. Где-то через неделю вызывают, вручают документы и отправляют в Кокчетав. Там, в облвоенкомате, я не встретил ни одного знакомого лица, все почему-то поступали в средние училища.

Я потребовал объяснить, почему меня направляют в среднее училище. Мне показали мое заявление, где слово «высшее» было зачеркнуто. Потом, по секрету, женщина-делопро-

изводитель, мне объяснила, что такое у них случается, когда какому-нибудь начальнику нужно срочно устроить сыночка или родственника.

Берется кандидат из села, из глубинки, и вместо него оформляется нужный им человек, а парень из села идет в училище пониже. Так мне не повезло вторично.

Один капитан мне посоветовал:

- Ты езжай, а там, на месте бывают отказники или не сдавшие первый экзамен, и у тебя есть шанс поступить.

В общем, в Ташкент я поехал совсем без настроения.

Надо сказать, что весной 1966 года в Ташкенте произошло очень сильное землетрясение. Проезжая по улицам Ташкента, я видел много разрушенных домов, много пятиэтажек стояло с большими трещинами. Дома пониже разрушались танками. Наш сопровождающий объяснил, что это работают курсанты танкового училища, куда мы едем поступать. Само училище находилось не в Ташкенте, а в Чирчике – пригороде Ташкента, километрах в тридцати от него.

Сказать, что в Ташкенте жарко – это ничего не сказать.

Жаром дышит все: и небо, и земля, и воздух. Пекло везде. На солнце вообще находиться долго нельзя. И я представил себе, что чувствуют курсанты внутри танка.

Распределили нас по палаткам. Вместо пола в палатках лежала кошма или войлок. Сразу всех предупредили, чтобы были внимательными, так как кругом много скорпионов. И правда, каждый день, кто-нибудь находил скорпиона около палаток. Сначала все сбегались посмотреть, а потом надоело – кто находил, молча давил и все.

Встретился с ребятами, вместе с которыми подавал заявление в высшее училище. Они жили в соседних палатках и уже сдали первый экзамен. Рассказывали, что на экзамене сильно

не придирались и школьные экзамены были тяжелее, потому что конкурс был небольшой, человека 2-2,5 на место.

В канцелярии училища, куда я сразу пошел с объяснениями, мне разъяснили, что разбираться не будут, почему мне в заявлении зачеркнули слово «высшее», и что офицером я стану, закончив и среднее военное училище, но это мне абсолютно не нравилось.

С первого же дня приезда к нам в палатки стали заходить курсанты старших курсов и брать то, что им понравится. А те, кто получал погоны лейтенанта, целыми днями слонялись возле бассейна, и с утра до вечера плескались в нем, куда нам вход был запрещен. Нам дали 4 или 5 дней на подготовку к первому экзамену. На третий день из поилок и кранов почему-то перестала идти вода, и жидкость мы могли пить только в столовой, три раза в день. Старшекурсники объяснили нам, что это такой карантин испытательный для новичков.

Рядом находилось Ташкентское общевойсковое высшее пехотное училище и оттуда нам кричали, чтобы мы шли к ним, у них там большой недобор, и экзамены, - это просто формальная процедура. Но вот выйти за пределы училища до сдачи экзаменов было нельзя. Выйти можно было, если подал рапорт об отказе от заявления.

И вот некоторые стали писать рапорта: кто испугался экзаменов и захотел в пехотное, кто сильно страдал от жары и нехватки воды, а я написал все как было. Потом еще дня два ходил офицер и уговаривал всех, кто написал рапорта, забрать их, но таких не оказалось. Пока шли разборки, возле бассейна с меня сняли красивый, наборный брючный ремень — попросили посмотреть, и не вернули.

Потом нас построили, вручили нам наши личные дела с документами, проездные, и сказали, чтобы по прибытию мы

явились в военкомат, с нас будут высчитывать за проезд туда и обратно. Вот так закончилась моя «офицерская» история.

Приехал домой, рассказал все как получилось, мама посмеялась,

- Зато полгода готовился, козырять учился!

Отец просто спросил, что буду делать, на что я чистосердечно ответил, что не знаю, а пока отдохну.

Приходили раза два из военкомата, но отец отвечал, что не знает, где я, а когда они начали наседать, он сказал:

- Вы его забрали, вы его и ищите.

Недели две я бесцельно слонялся по дому, элементарно не знал, что делать.

Идти работать куда-то простым рабочим, после десятилетки, как-то было стыдно, да на этом варианте родители и не настаивали, а в ВУЗы поступать все сроки прошли. А тут еще мама приболела и у отца совсем настроение испортилось. И вот недели через три после приезда, в конце августа, он дает мне газетную вырезку из областной газеты.

Это было объявление, что ГПГУ-27 связи города Семипалатинска объявляет набор на учебу. Там было много специальностей, и была специальность «радиотелемеханик» на базе 10 классов, 2 года обучения, по ремонту телерадиоаппаратуры.

С радиотехникой дальше детекторного приемника я знаком не был. И поэтому, когда отец спросил, что я думаю по этому поводу, я сказал, что еще не определился. Нервов у отца хватило на три дня. Маме немного стало лучше, она стала вставать, и отец на четвертый день сказал ей:

- Собери ему чемодан...

У нас дома был послевоенный фанерный, черный чемоданчик, очень удобный, если на вокзале не было мест, на нем можно было сидеть, а если его перевернуть, то можно было

использовать вместо подушки. Закрывался он навесным замочком.

Когда все вещи и документы были готовы, отец дал мне денег, мама обняла на дорогу и сказала: «Счастья тебе!». Потом мы с отцом вышли за ворота, и он легонько подтолкнул меня и сказал:

- Чеши, паря, пока автобусы ходят!

И я пошел. Впереди была длинная дорога жизни, впереди была новая, взрослая жизнь со всеми ее радостями, горестями и трудностями, впереди была армия, учеба, впереди был более чем сорокашестилетний стаж трудовой деятельности.

Впереди было все!

Послесловие

Эти воспоминания я написал для тех любознательных и любезных сердцу потомков, которые не будут равнодушно перебирать старые фотографии, не зная, что с ними делать, а будут с уважением передавать своим детям то небольшое, что успел сохранить я для них, рассказывая о самом жестоком веке в истории не только нашего государства, но и вообще в истории человечества.

В 2009 году исполнилось 100 лет со дня рождения отца, мне исполнилось 60. Я угощал простых элеваторских рабочих парней, потому что и он, и я, были такими же простыми рабочими. Думаю, что отец не будет на меня в обиде, потому что я старался сделать все, что я мог сделать для него, после его жизни, как сын: сам сконструировал и сделал, и поставил оградку на могиле, имя его, фотография, наградная грамота Верховного Главнокомандующего и некоторые другие документы хранятся в музее в Новоишимке, когда создавалась книга Памяти к 65-летию Победы, тоже постарался – и статья о нем, и фотография есть и в этой книге.

Я убедил и брата Николая продать дом, который построили родители, потому что дом мог развалиться, если в нем не будут жить люди. И сегодня дом жив, и мои дети и внуки ходят смотреть на него, т.е. по сути, он стал памятником нашим родителям.

Все что я мог, я сделал!

И эти воспоминания – это как последнее «Простите», перед памятью отца и мамы.

Хочу добавить сюда и воспоминания Ольги Федоровны Альшаковой – старшей дочери дяди Феди, с которой я веду большую переписку. Вот что она запомнила:

«Мой отец самый старший из детей Трофима Николаевича.

Ко времени раскулачивания он был уже женат и жил отдельно в своем доме и на своей земле (5 гектаров). Ночью, когда пришли его арестовывать, он успел убежать и спрятаться на огороде в ботве картофеля. На следующий день погрузили свой скarb в телегу и навсегда покинули Писаревку. Уехали куда глаза глядят и очутились в России. Какой это был год, точно не знаю. Но я родилась уже в России под возом.

Слабенькая, хиленькая, меня долго не ставили на учет, думали, не выживу. Родилась летом, в июле 1934 года, но прошло лето, осень, зима, а я все живу. И вот отец решил-таки записать меня. 9 марта 1935 года он пошел в ЗАГС и сказал, что родилась дочь пятого марта. Так меня и записали в г. Дмитриев Курской области.

Что помню, часто переезжали с одного места в другое, жили под возом, в палатке, зимой просились на квартиру. Отец работал на строительстве железной дороги. Мама помогала ему. Возили землю, песок и строили железнодорожный путь. Помню, в одной вшивой избе (хозяева были такие нечистоплотные) покоя не было от вшей, не только на голове, но и в одежде. Голову керосином мама мыла, но спасу не было, переехали на другую квартиру. Помню, болела там куриной слепотой.

Летом 1941 года переехали в город Барановичи, на строительство железной дороги. Жили в товарном вагоне. Через несколько дней началась Великая Отечественная война. Недалеко было озеро, и во время бомбежек бежали туда, и прятались в камышах. Бомбежки были страшные, и мы быстро из Барановичей уехали за 10 километров в деревню Столовичи. Поселились там, у одинокой бабушки, вблизи от церкви.

Помню, есть нечего, иду на мельницу, сгребая с подоконника, со ступенек муку, а мама печет из них коржи. Но это было недолго.

Брат Володя пошел пасти коров, а папа помогать людям молотить хлеб. И у нас появился хлеб и молоко. Радости не было конца.

На следующий год переехали в деревню Малое Гатище. Там жил до войны пан, у него был дворец и три избы для прислуги. Дворец был разрушен, а вот в избах поселились беженцы, по четыре семьи в каждой. Там и прожили мы до 1948 года. Туда приехали к нам все Дударенки: бабушка Екатерина Терентьевна, дядя Вася, дядя Паша, тетя Соня.

Началась коллективизация и отец устроился на работу в Барановичи, потом купил в деревне хатку, перевез ее на торф-завод Новая-Мышь и туда переехала вся наша семья и дядя Вася. Там он женился, и появились на свет Божий и Вы.

Все остальное о себе, своих детях и внуках и правнуках я написала в прошлом письме.

Вот добавлю о войне и партизанах.

Да, когда мы жили в д. М.Гатище, к нам ночью приходили партизаны, а днем немцы. С партизанами мы делились всем, что было у нас, но они ничего не грабили и ничего насильно не забирали у нас. Немцы спрашивали: «матко», «курки», «яйко» есть, что было, мы давали, и они тоже нас не трогали.

Отца в армию, в 1944 году, не взяли, у него болела спина, он не мог нагнуться, застудил, когда прятались от бомбежек на болоте».

Вот такие воспоминания прислала Ольга Федоровна. Замечательная и очень существенная информация!

Прежде чем написать воспоминания сестры Зои о родителях, хочу сказать, что об этом конкретно и подробно, ни отец, ни мама, со мной не говорили, особенно отец, который видел во мне истинного и убежденного пионера и комсомольца, а когда я однажды стал настойчиво приставать к отцу рассказать какие, они были кулаки, он в сердцах рубанул:

- Какие там кулаки! Не кулаки мы были, а дураки!

И больше он со мной на эту тему не разговаривал, тем более не хотел рассказывать о своем побеге.

И сегодня я должен сказать, что полностью согласен с сестрой, и все что происходило в жизни отца в этот период, именно так и было, просто к ее фактам хочу добавить немного своих мыслей.

Через 80 с лишним лет трудно сказать, как это все было и происходило, но из ссылки отец бежал.

Когда возникло это решение, благословили ли его отец с матерью, что толкнуло его на этот отчаянный шаг, ведь расплата за побег в то время была одна – расстрел, ответить на это невозможно. Сегодня я все более и более склоняюсь к версии о том, что такое решение было принято на семейном совете, потому что не мог отец просто так бросить родителей и младших братьев с сестрой. Когда это произошло: до смерти деда или после, уже никто не скажет.

Вот, наверное, поэтому, все мои архивные поиски в Бурятии и оказались безрезультатными, отец оказался там, потому что бежал из Иркутской области и все архивы Бурятии не имеют данных о семье деда именно поэтому.

Нашими общими с сестрой воспоминаниями и появилось это дополнение к главе «Сибирь».

Совершив побег, отец естественно, скрывался, перебивался случайными заработками и часто менял место проживания. Отец рассказывал, что в своих скитаниях ему иногда помогал его голос. Он вспоминал, как однажды железнодорожник, машинист паровоза накормил, напоил, дал ночлег, а потом и подвез за песню, которую он ему спел.

Пел отец эту песню и нам под гитару. Начинается она такими словами:

«Вот мчится поезд по уклону,
Сибирской дальней стороной,
И машинисту молодому
Кричит кондуктор тормозной»...

Песня поется на мотив «Вот мчится тройка почтовая».

Потом, я только однажды слышал ее по радио, не знаю как называлась эта передача, по-моему «Встреча с песней», В. Татарского, там исполнялись любые песни, которые помнили люди.

Добывать кусок хлеба помогали и шахматы, да и в церквях за пение иногда кормили, но так было не всегда, это были лишь эпизоды в его скитаниях, на протяжении которых отец ни на минуту не забывал, кто он, и почему находится в этих местах.

Так он оказался в Забайкалье, в Бурятии. Поскольку отец призывался Кяхтинским РВК, то можно предположить, что где-то в этом районе он и прижился до мобилизации.

Найдя какой-то забытый и нищий колхоз, он попросился у председателя на работу, но тот отказал, сославшись на отсутствие документов.

Когда опухший от голода, ослабевший и смирившийся с судьбой, готовый ко всему и на все, отец пришел к нему вторично – председатель спросил:

- А не боишься, что я тебя сдам куда надо?

На что отец ответил:

- Мне уже все равно, делайте как знаете.

Тогда председатель показал ему стоящую на пригорке полуразрушенную хибарку и сказал:

- Раз ты кузнец, то сделай из нее кузнецу и работай там, а документы потом выправим.

Со своим ящиком с инструментом отец никогда не расставался и он снова его вынул.

Кроме наковальни, стоящей на колоде, порванных кузнечных мехов да горна – в кузнеце ничего не было, даже дверей. Председатель дал ему в помощники молчаливого крепкого мужика с телегой, запряженной низенькой косматой лошадкой, совсем не такой породы как в родной деревне, у отца.

Вдвоем они недели за две привели кузницу в рабочий вид, отремонтировали меха, нажгли угля, и только когда в горне отец увидел раскалённый металл, ему стало легче дышать, а жизнь снова обрела смысл и появилась надежда, пусть далекая, призрачная, но надежда о лучшей жизни, пусть даже не на родной сердцу Украине, но человеческой жизни!

Отец быстро сходилcя с людьми, он находил общие темы с любым человеком и скоро стал своим не только в этом колхозе, но и в округе. А кругом жил по тайге разный народ, со своим жизненным укладом, и со своими принципами, и где правил один закон – закон тайги!

Чалдоны, кержаки, старообрядцы, а то и просто постаревшие и уцелевшие белогвардейцы – семеновцы, метра под два ростом и кулаками размером с голову ребенка, встречались часто, и мужики обращались друг к другу просто: «Паря». Это слово прочно вошло в речь отца, и он вспоминал его всю жизнь.

Председателю колхоза нравилось то, что отец никогда на работе не был выпивший и выходил на работу в любое время дня и ночи, да и кузнечным мастерством он заметно отличался от других кузнецов-самоучек. Крепкая наука в хозяйской кузнице окупилась сторицей, и отец в душе благодарил тех суровых мастеров молота, которые без жалости передавали ему свое умение и мастерство.

Все кузнечные работы ему были знакомы: лошадь ли подковать, шину на колесо наложить, железа сварить в горне, цепи разные сделать, игрушки детям смастерить – на все руки мастер был.

Здесь я сделаю маленькое отступление от темы, чтобы рассказать об одном случае из воспоминаний отца о том времени.

Отец, тихо улыбаясь, вспоминал, как однажды в кузницу пришел бурят и попросил или вырвать, или вылечить зуб. Он уже третий день мучился от боли и был согласен на все, лишь бы избавиться от нее.

Отец начал ему объяснять, что он кузнец, а не лекарь, но оказывается, у бурятков кузнец – это почти что шаман, т.е. человек, обладающий тайными знаниями и общающийся с духами, повелитель огня.

В конце концов, отцу стало просто жалко человека, и он спросил, не боится ли он боли и согласен ли немного потерпеть. Бедный бурят замахал руками - делай что хочешь!

Отец усадил его на пенек возле кузни, рассказал что делать, принес пузырек с паяльной кислотой и, намочив проволочку, капнул в больной зуб.

Бурята как пружиной подбросило с пенька, и он начал бегать вокруг кузницы, крича что-то на своем языке! Обезав 10 раз кузню, как ему и было сказано, он остановился. Отец подал ему кружку с чаем, и он прополоскал рот. Успокоившись, бурят допил чай и закурил трубку. Через полчаса боль прошла, и радостный бурят начал хвалить отца и пообещал всем рассказать, какой большой шаман кузнец.

Дня через три отец встретил его случайно, и поинтересовался его зубом...

- Однако зуба нет – ответил бурят.

- Как нет? – удивился отец..

Оказывается, зуб раскрошился полностью и бурят был этим очень доволен. И он пригласил отца на чай.

Бурятские юрты находились на окраине поселка и отец там никогда не был. Многочисленные собаки встретили их еще на

подходе, но услышав окрик бурята, они успокоились, и внимание на чужака больше не обращали.

Дело было поздней осенью, уже выпал первый снежок, но больших морозов еще не было. Хозяин снял у входа обувь, его примеру последовал и отец, но так как он был в сапогах и ноги были в портянках, то он остался босиком. Бурят подал ему большие меховые галоши и эта проблема разрешилась.

В центре горел небольшой костерчик, на котором что-то варилось. Возле очага сидела на корточках маленькая старая бурятка с трубкой во рту.

Бурят сказал несколько слов, и она сняла варево с огня и поставила котелок с водой для чая.

«Баба моя» - познакомил он отца с ней. Отец поздоровался, но хозяйка только кивнула в ответ головой. Она вообще молчала все то время, что отец был в юрте, наверное, разговаривать с чужим мужчиной ей не полагалось.

В юрте под ногами лежали штук пять медвежьих шкур. Хозяин уселся на одну из многочисленных подушек, поближе к огоньку, и предложил отцу сделать то же. Шкуры заинтересовали отца сразу – он впервые в жизни видел их. Поглаживая длинную густую шерсть, отец спросил:

- Сам добыл?

Бурят, довольный тем, что гость сразу обратил на них внимание, улыбнулся и сказал:

- Это не я, это она мишек валила, - и он показал головой на жену.

- Да как она может? – удивился отец, - или она лучше тебя стреляет?

- Нет, кузнец, всех этих мишек, она без пули завалила...

- Так она же меньше тебя, и силы то в ней никакой! – продолжал удивляться отец. А довольный бурят поднялся, подо-

шел к небольшому сундучку, стоявшему у стены, достал оттуда что-то завернутое и снова сел на свое место.

- Всех их она вот этим добыла, - и он развернул холстину.

Перед отцом на шкуре лежали два одинаковых, небольших размеров топорика.

- Посмотри, кузнец, как инструмент – предложил хозяин.

Отец взял один топорик и сразу обратил внимание на необычную остроту лезвия. Сразу видно было, что они не для того, чтобы дровишки колоть. Надежные, крепкие топорища, были сделаны явно не на мужскую руку.

- Бриться можно, – похвалил отец, - а вот топорища не по руке.

- Так они на женскую руку и сделаны – пояснил бурят, - они ей от бабки достались, а той – от ее бабки, эти вещи старинные, видишь, клейма какие, сейчас таких давно нет – и он показал отцу полустертые изображения какого-то животного.

- Это соболев, - пояснил хозяин, догадавшись, что отец не понял, кто на клейме.

- Увидишь где такие клейма – бери смело, сталь крепкая!

- Согласен, топоры хорошие – отец положил топорик и продолжал...

- Но вот я, молодой, здоровый мужик, я с ними на медведя не пойду, как же она могла? Или ты ей помогал?

- Нет, кузнец, я ей не помогал. Она сама этого не хочет. Она из такого рода, где женщины не боятся медведей и ищут их сами. Это сейчас она такая, а двадцать лет назад она шустрая была, однако. Я ее и в жены взял поэтому, хоть она и на пять зим старше меня. Последнего мишку она семь зим назад взяла и больше я ее не пускаю.

Вот из этих пяти шкур, троих она сама нашла, а двое ее встретили случайно, и, как видишь, им не повезло.

- Но как, - отец хотел было прервать бурята, но тот только поднял руку и продолжал:

- Ей на такой охоте ошибаться нельзя, с мишкой она разговаривает как мы с тобой. Она по тайге ходит и смотрит, где деревья потолще, вот и старается идти от дерева к дереву. Хорошо, если она первая его увидела и дерево рядом, а если он ее увидел первой и дерева рядом нет, тогда надо шибко бегать. Всякое бывало! Потом она за дерево прячется, а мишка ее достать хочет и обнимает дерево, вот тогда она топориком и рубит ему лапы, только быстро надо обе лапы сразу, иначе на трех он уйдет.

- А зачем второй топорик? – спросил отец.

Но бурят промолчал, он наблюдал, как хозяйка разливала свежесваренный чай.

Пока они разговаривали, она поставила небольшой столик, и расставляла на нем кружки, ложечки, молоко, чайник, две пилушки с чем-то белым, похожим на сахар, и желтым, похожим на масло.

Накрыв на стол, она села на свою подушку и стала что-то зашивать.

А бурят положил в обе кружки по ложке масла, налил немного молока, и чуть-чуть сахара.

«Мог бы и побольше» - подумал отец, он с интересом наблюдал за всей этой чайной процедурой. Потом хозяин подал кружку отцу и сказал:

- Вот, попробуй наш чай, по-бурятски.

Первый же глоток заставил отца вздрогнуть: то, что казалось сахаром – было солью, а то, что казалось маслом – было каким-то жиром, с довольно необычным запахом. Теперь отец понял, почему бурят положил мало «сахара», чай был чуть-

чуть солоноватым, как обычное домашнее масло. Заметив его движение, хозяин спросил:

- Ну, как чай?...

- Да с чаем все понятно, а вот с маслом ничего не пойму...

- Это вы, русские, с маслом пьете, а мы пьем с жиром. Вот этот топленный лошадиный жир, но пьем с любим.

Откуда же отцу было догадаться, если лошадей никто у них никогда не ел!

- Так ты спрашиваешь, зачем второй топорик, - вспомнил бурят, и тут же ответил вопросом на вопрос:

- А ты с одним патроном на медведя пойдешь?

И он начал рассказывать о самых невероятных случаях, происшедших с охотниками. Отец слушал его и незаметно выпил вторую кружку. То ли от чая, то ли от меховой обуви ему стало сначала тепло, а потом жарко, и он расстегнул ворот рубахи...

- Что, кузнец, жарко стало? – поинтересовался хозяин и засмеялся, -

- С нашим чаем и на морозе согреешься, вот так!

Отец поблагодарил за чай, за рассказы, обулся, оделся, и хотел выйти, да вспомнил про собак.

- Иди, иди спокойно, они тебя не тронут, потому-что ты со мной пришел – успокоил его бурят, и отец пошел к себе, довольный необычным знакомством.

А теперь вернусь к тому моменту, где я прервался в жизнеописании отцовской судьбы.

В застольях он был желанным гостем, и поддержать мог любую компанию, даже самую-разсамую, и мужикам было это любо.

Старообрядцам нравилось то, что отец не курил и вел себя не так, как другие местные таежники, и они стали незаметно, исподволь, потихоньку, как бы агитировать его в свою веру, но отец быстро смекнул, что от него хотя, и дальше философских разговоров на религиозные темы дело не пошло.

Но знакомство со старообрядцами не прошло просто так.

Когда нужно было сделать какую-нибудь большую работу в кузнице, то председатель колхоза постоянно давал отцу в помощники того мужика, что помогал ему восстанавливать кузницу. Этот мужик был из старообрядцев, и жили они особняком от всех, но колхозные работы выполняли исправно, чтобы не иметь конфликтов с властями.

Михаил, так звали помощника, помогал хорошо, но, как говорится, без души, без огонька. Премудрости кузнечного дела его не интересовали абсолютно, и отец на него махнул рукой: плохо, когда не умеет, а еще хуже, когда не хочет уметь, но зато тайгу Михаил любил и знал ее как никто другой. Охотник был заядлый и иногда приносил и угощал отца мясом.

Однажды, выполняя какую-то срочную работу, они не прервались даже на обед, и Михаилу обед принесла его сестра. Она года два назад овдовела – пропал ее муж в тайге без следа. Михаил говорил, что подозревает одного несостоявшегося жениха, но доказательств никаких нет.

Так отец познакомился с одинокой женщиной из их общины.

Она жила с матерью и сестрой, а дом и хозяйство требовало мужских рук. Думаю, что самое малое, лет восемь они прожили вместе, поддерживая и помогая друг другу.

Мама, рассказывая скупой об этой жизни отца, качала головой:
- Не дал им Бог счастья.

Эта женщина не хотела детей от человека не их веры и делала аборт. Потом отца мобилизовали, и сама жизнь расставила все на свои места. Нам осталась старая, желтая фотография, где запечатлена эта женщина со своими родными.

Эта фотография – единственная, что напоминает нам о том периоде жизни отца, про который он нам сам не говорил ничего.

В 1943 году отца мобилизовали в армию, и об этом времени я уже рассказывал выше.

В августе 2013 года, получил, наконец, ответ из архива МВД Житомира. На мой первый запрос ответ они выслали еще в мае этого года, но я его не получил и послал вторичный запрос, ответ такой:

«Уважаемый Владимир Васильевич!

Информируем, что Ваше обращение в отношении семьи Дударенко Трофима Николаевича, отосланное ранее, исполнено работниками отдела режимно-секретного и документального обеспечения УМВД Украины в Житомирской области, и отправлен ответ (исходящий от 31.05.2013 №20/д-612), по указанному адресу.

В связи с тем, что ответ не получен, информируем Вас повторно: Дударенко Трофим Николаевич 1875 года рождения, житель с.Писаревка Чоповичского района Коростенского округа по социальному положению кулак в соответствии с постановлением Коростенского окружного ОГПУ от 25.03.1930 №1385 выслан из Коростенского пограничного округа на Север как социально опасный элемент.

К сожалению, какие-либо сведения в отношении Дударенко Василия Трофимовича 1909 г.р., Дударенко Павла Трофимовича 1917 г.р., а также других членов семьи Вашего деда в архиве УМВД Украины в Житомирской области отсутствуют.

С уважением начальник Н.Ю. Арапова».

Только после этого стало ясно, что ошибался отец, когда отмечал столетие Трофима Николаевич в 1964-1965 годах, забыл даже он, а дед с 1875 года оказался, и в ссылку он попал в возрасте 55 лет, а отцу было тогда 21 год.

Мама

Рассказывая свою семейную историю, я непременно хочу поведать то небольшое, что знаю о маме.

Если отец думал и говорил о том, чтобы кто-нибудь написал о его прожитом и пережитом, то мама никогда даже слова об этом не произносила. Когда-то давно она впервые рассказала о своем деревенском прошлом, и я вслух обобщил: «Значит, ты у нас деревенская, дерёвня, значит». На что мама сразу согласилась: «Да, я дерёвня!». И потом уже не забывала это слово и говорила, если что-то было не так:

- А я дерёвня, мне скидка...

Этот разговор происходил, когда я учился в классе 5 или 6 и, помню, задал тогда чисто детский вопрос;

- А тебя в детстве били, или как-то наказывали?

На что мама, с какой-то нежной грустью, ответила:

- Да, досталось мне один раз, да ладно бы отец отшлепал, а то мама, да еще и хворостиной! Я запомнила это на всю жизнь, была не жалеючи!

- А что ты могла такое сделать, чтобы твоя мама и так тебя наказала?

И мама рассказала, что было ей тогда года четыре, бегала во дворе, на улице, с другими детишками игралась.

Когда надоело бегать просто так, решили играть в прятки.

- Ну, вот – рассказывает мама дальше, - я спряталась на чердаке. Сажу, жду, а меня все не могут найти. И тут мне как приспичило, а выйти-то нельзя, сразу застукают! А потолок, по-моему, глиной был насыпан, ну, я и решила, что ничего страшного не будет, если я помочусь и здесь, вот я и присела! И надо же было так угадать!

В это время, отец пришел на обед, и мама налила ему в миску борща с мясом, и только он одну ложку зачерпнул, как в миску что-то капнуло сверху, потом еще и еще.

Отец спрашивает маму, что она такое на чердак поставила? Та отвечает, что ничего не ставила! Бросив ложку, отец полез на чердак, а за ним и мама.

Пройдет много лет, но мама с отцом всегда будут с улыбкой вспоминать, как увидели на чердаке меня и мокрое пятно глины. Отец молчал, он вообще на нас детей не ругался, да и на маму никогда голоса не повышал, единственным ругательным словом было, когда он с мамой не ладил – это «Дура-баба».

- Ну, так вот – продолжает мама, - допрашивать меня стала мать.

- А это что, - показывает она на пятно, - это откуда взялось? И она, чтобы я быстрее все вспомнила и рассказала, стеганула меня березовой хворостиной, которую вытащила из веника.

Поняв, что родители все знают и это только начало моей казни, я завопила:

- Мамачка, дараженькая, гэта не я!

Мать от удивления опешила:

- А кто? Тут же някого ням, тольки ты!?

- Мамачка, дараженькая, гэта не я – продолжала вопить я, надеясь на чудо, - гэта блачынка нашла!!

Мать свободной рукой ухватило меня за ухо, и потащила с чердака на крышу дровяника, пристройку к дому, где хранились дрова.

- Пакажи пальцем, где блачынка?

А на небе, как назло, не было ни одного облачка, не то, что тучки!

Поняв, что это все, я заревела еще сильнее, но уже от своего бессилия что-либо изменить и еще потому, что именно мама занимается моим наказанием. А мать хлестала меня хворостиной, задрав мне платье, и приговаривала:

- Гэта табе за борщ! А гэта табе за мясо! А гэта табе за блачынку! А вот за то, что брэшаш!

Спас меня папа. Он вырвал меня у матери и, взяв на руки, спустился по лестнице вниз.

- Долго потом, - вспоминает мама, - отец за обедом, когда собиралась вся семья, иногда выглядывал в окно и спрашивал:

- Ну, як там, блачынкі няма? Можна абедаць?

Дорогая моя, милая, хорошая «дерёвня»! Спасибо тебе за твое терпение, за твой бесконечный домашний труд.

Родилась мама в Витебской области, Дубровенском районе, в деревне Жарневка, Кияковского сельсовета, 24 июля 1923 года, в большой семье деревенского фельдшера, который, отслужив в царской армии, вернулся домой, и стал работать фельдшером. Как он мог там стать им — непонятно.

О своем отце, Молчанове Дмитрие Потаповиче, мама всегда вспоминала с уважением и гордостью. Люди приходили к нему не только за медицинской помощью, но и просто по житейским вопросам, он один в деревне выписывал газету.

Мать, Молчанова (Дударева) Параскева Федосовна, была простой крестьянкой-колхозницей, и она во всем слушалась своего мужа.

Семья была большая, детей было семеро: Анна, Петр, Ольга, Зина, Нина, Николай, Виктор.

Жизнь так сложилась, что они все, кроме мамы, прожили свои жизни близко друг от друга.

Военный период и история рождения в 1943 году брата Николая — эти и другие вопросы для меня и сейчас являются белым пятном в маминой жизни. Было бегство от немцев, были бомбежки, была жизнь в оккупации, был голод и смерть родителей от рук фашистов в концлагере. Об этом мама не любила и не хотела говорить, а я, глупый, и не расспрашивал.

Историю маминой жизни я откладывал в написание, надеясь, что сестра и брат к моим воспоминаниям добавят и свои, но

встретившись с братом 13 октября 2013 года на его семидесятилетии, я понял, что от него воспоминаний не будет.

А сестра написала информации буквально полстранички, но по телефону, в разговорах она оказалась более информированной, и я понял, что Зое легче на словах мне все рассказать, чем выразить свои мысли на бумаге, вот такие мы разные. Вот так и получилась история маминой жизни: кирпичики Зоины, а строил я.

Из воспоминаний сестры Зои

1941 год. Бегство от немцев не удалось, они продвигались вперед быстрее, чем беженцы. Пришлось возвращаться домой. Лето и зиму продержались на старых запасах. Деревня была небольшая, затерянная в густых белорусских лесах и опасных болотах. Партизанское движение только зарождалось, а немецко-фашистские войска, опьяненные первыми победами, рвались вперед на Москву и Ленинград, оставив захваченную территорию тыловым частям, для которых бедная деревня не представляла особого интереса. То, что не успели забрать передовые части, подчистили тыловики.

Поэтому все в деревне жили ожиданием, когда же Красная Армия погонит захватчиков назад?

Но сорок второй год показал, что жить под немцем придется долго, а на усиливающееся партизанское движение и просто массовое сопротивление населения Белоруссии гитлеровцы применили тактику тотального уничтожения всего населения.

В 1942 году начался угон молодого и здорового населения в Германию, а стариков, и тех, кто неспособен был работать, сгоняли в концлагеря и уничтожали.

В одном из таких лагерей и погибли мамы родители: Молчанов Дмитрий Потапович и Молчанова Параскева Федосовна.

Мама рассказывала, что старшая сестра Аня работала в этом лагере на кухне, но ничем не могла помочь им. А сама мама по совету родителей, чтобы не угнали в Германию, срочно вышла замуж за мужчину, который был старше ее намного. Он был из бронированных, по состоянию здоровья его на фронт не взяли.

Немцы постоянно гоняли население на работы: то партизаны что-то сожгут или взорвут, то советские летчики что-нибудь разбомбят. При больших объемах работы сгонялось все трудо-

способное население всех ближних деревень. А партизаны не давали немцам покоя ни днем, ни ночью.

Жили в основном картошкой и тем, что выросло на огороде, да сад и лес хорошо помогали, заготавливали грибы, сушили ягоды и фрукты.

13 октября 1943 года, при очередной облаве, маму с мужем выгнали на улицу в общую колонну. Мама успела на ходу схватить наволочку и простыню, так как чувствовала, что скоро роды.

Только вышли за деревню, и налетели наши самолеты. Они бомбили проходящую по шляху немецкую технику. А бомбы ложились и вдоль дороги. Конвоиры попрятались по старым окопам, которые остались от оборонявшихся в 1941 году советских солдат. В такой окоп спрятались и мама с мужем. Мама вспоминает, что страх был жуткий, бомбы, наверное, были зажигательные, потому что горело не только дерево, но и металл и сама земля!

И возможно, от страха, у нее начались роды, муж как мог, так и помог.

Отбомбившись, самолеты улетели, а колонну начали собирать. Раненых пристреливали на глазах у всех.

Мама рассказывает, что подняться она поднялась, но вот идти прежним темпом она не могла. Она отставала все больше и больше. Показались избы соседней деревни.

Немолодой немецкий солдат, которому надоело плестись за слабой женщиной с младенцем на руках, мог бы просто застрелить ее и все, но вот вид только что родившегося ребенка, длинная окровавленная юбка этой двадцатилетней русской фрей, напомнили ему, наверное, картину Божьей матери, Девы Марии, которая ступая по облакам, несет на смерть людям свое

Божественное Дитя, что-то дрогнуло, наверное, в его душе, и солдат подтолкнул прикладом маму в бок, направляя ее к калитке первой избы.

Оглянувшись, мама увидела, как муж только махнул ей рукой!

Испытывая одновременно физическую боль и ужас от всего пережитого, и не веря в свое спасение, она благодарила в душе Бога за сына, которому она полчаса назад дала жизнь, и который, как ангел, тут же спас ее от смерти.

Чуть ли не на коленях она подползла к двери и постучалась. Хозяин впустил ее сразу, они наблюдали все в окно, но вот в комнату проходить не разрешил:

- А можа ты тифозная? Или ящэ яку заразу маешь, я не ведаю – буркнул он, и разрешил занять одну половицу возле самого порога, но мама была рада и этому. Тогда тифа боялись и свои, и немцы.

Хозяева, поначалу показавшиеся злыми и мрачными, оказались верующими людьми, и неделю мама прожила хоть на половице, но имела тепло, еду, которой они делились со своего стола.

Через неделю хозяин дал ей в руки полбулки хлеба и сказал:

- Иди с Богом!

Хозяйка поделилась старой одеждой. А на улице стоял октябрь 1943 года.

Вот примерно так рассказывала мама историю рождения Николая, к которому всю свою жизнь относилась с особой жалостью и сочувствием, с нескрываемой нежностью и любовью.

В Жарневку мама пробиралась незаметно, чтобы не наткнуться на немцев.

В родительском доме ее не ждали. Сестры и братья обрадовались, когда увидели ее живой, да еще с ребенком.

Но радость встречи омрачилась, когда Петр – старший брат, и Николай – средний брат, показали свои ноги.

В ту облаву, когда угнали маму, охотились и за ними. Виктору, брату младшему, было тогда 7 лет, и он ходил по деревне хоть и с опаской, но свободно. А вот Петр и Николай подлежали угону в Германию, и когда немцы их заметили, они бросились бежать, и у обоих были ранения в ноги, так они и прятались до самого освобождения.

Начались самые тяжелые времена. Если с холодом можно было справиться, то с голодом, который напоминал о себе и днем и ночью, справиться было невозможно, он направлял все мысли только в одно: где достать еду?

Ели все, что придется: на полях собирали колоски, на огородах – мороженую картошку, которая в тепле оттаивала, и мякоть под нажимом истекала с таким звуком и имела такой вид, что эту еду все называли по-белорусски, «пярдуны». В лесу и на болоте искали засохшие и мороженные ягоды, а если парням удавалось подбить ворону или сороку, то варили кашу из лебеды и тушили ее там.

Но голод одолевал: стали опухать ноги, а у мамы, кормившей Николая, появилась «куриная слепота».

Виктор бродил вдоль дорог, по которым проезжали немцы, и искал пустые консервные банки, где оставались иногда крохи.

Помогали иногда и родственники мужа: когда свеклу дадут, когда пяток картофелин, а иногда и кружечку муки.

Пережив тяжелейшую зиму, они встретили весну с радостью и надеждой. Мама говорила, что вторую такую зиму они не выжили бы.

В конце весны у мамы пропало молоко, но маленького Николая это не интересовало – он требовал еды!

Мама просила у людей немного настоящего хлеба, потом делила его на маленькие кусочки и из них делала соску, предвительно завязав хлеб в тряпицу.

Мама вспоминает, что едва научившись говорить, маленький Коля всегда просил у нее:

- Мама, дай папы!

Так он называл хлеб, и что до 5 лет Коля любил хлеб просто так, и в карманах его штанишек всегда можно было найти кусочки сухарей.

На всю оставшуюся жизнь Николай сохранит эту любовь к твердому хлебу, которую, в буквальном смысле этого слова, впитал вместе с молоком матери, и мы видим, как за столом, он всегда старается взять хлебную корочку.

В июле 1944 года советские войска освободили Белоруссию, и можно было думать о мирной жизни. Сразу же после Победы брат Петр и три сестры, Аня, Зина и Нина, разъедутся искать лучшей жизни. Дядя Петя всю жизнь проживет в Таганроге, а тетя Аня и тетя Зина найдут свое счастье в Донецке, тогдашнем Сталино. Тетя Нина будет писать маме письма с Коротояка, Воронежской области.

Через год после их отъезда собралась и мама с детьми, и поехала на заработки, потому что в колхозе ничего не зарабатываешь. Ей добрые люди подсказали, что в Барановичах ведутся большие торфопроизводства и там нужны рабочие руки. Так, в 1946 году она оказалась на «Новой Мыши».

К воспоминаниям и рассказам сестры хочу добавить лишь маленький эпизод, который врезался мне в память, когда мама рассказывала о войне.

1941 год. Бегство от немцев, дорога на переправу через Днепр, под Оршей. Длинный поток беженцев, телеги, скотина, тачки с вещами, чемоданами и узлами. При налетах люди все бросали и бежали с дороги в разные стороны.

После бомбежки и пулеметного обстрела возвращались назад, освобождали дорогу от убитых людей и скота. Раненую

живность дорезывали и мясо тут же расходилось по рукам. Мама с другими деревенскими девочками гнали колхозное стадо на левый берег Днепра.

И вот после одной из бомбежек мама услышала плач ребенка.

Маленькая девочка, лет трех, в белой панамочке, громко плакала, тянула ручками и кричала:

- Мама, мама!

А мама с одной дамской сумочкой, по всем признакам городская, убегала от нее, петляя между телегами, тачками и машинами.

Чья-то сердобольная рука посадила девочку на телегу, и для нее началась новая жизнь – жизнь без мамы, короткая или длинная, одному Богу известная...

Дополнение к главе «Украина»

Неизвестные страницы

Ольга Федоровна вспомнила, как ее мама, тетя Лиза, рассказывала, что у Трофима Николаевича было 10 детей. В живых осталось шестеро: пять сыновей и дочь.

О пятом брате и его судьбе мой отец говорил одно и тоже: был брат, сбежал из дома, и никто о нем ничего не знает. Отец называл его «Есып», что, вероятно, по-русски должно быть «Осип».

Раздумывая об этом и сопоставляя даты рождения братьев, я пришел к выводу, что он мог родиться, в период с 1900 по 1909 год, между дядей Федей и моим отцом. Девять лет – большой промежуток времени и, возможно, что пятый брат был с 1904-1905 года. На момент раскулачивания, 1930 год, ему было 25-26 лет, и очень возможно, что он мог уже иметь семью, и жить отдельно от отца, как старший брат Федор, потому что в ссылку он не попал.

Но это все были мои предположения, и я не мог найти причины, из-за чего он сбежал.

Потом, когда мне стала известна правда, я понял, что отец не хотел, чтобы мы знали ее, и он придумал историю с побегом.

Он не хотел, чтобы мы знали о нем, чтобы у нас не было никаких проблем в будущем, из-за такого родственника.

Вероятно, по этой же причине не рассказывал своим девчатам правду и Павел Трофимович, который придумал историю со свиноматкой, принесшей восемь поросят и, как-будто, из-за этого семья попала в список кулаков, и была выслана в Сибирь. Об этом мне рассказала в письме Нина Павловна Дударенко, моя сестра из Минска. Наверное, подобные истории могли рассказывать своим детям и тетя Соня, и дядя Яша; я буду ждать ответов их детей на этот вопрос.

Ольга Федоровна неожиданно вспомнила, как ее мама еще говорила ей, что за этим братом приехал «черный ворон», и больше его никто не видел.

Вот этот факт, придавал всей этой запутанной и непонятной истории с братом какую-то логику: он мог совершить что-то такое, за что его арестовали, и не было никакого побега.

И вот, пока я пытался найти теоретически хоть какие-то причины его ареста, наступил день 30 ноября 2013 года. Это был день открытий.

Утром в Интернете, внук Владик нашел архивную справку с Житомирского ОГПУ, на Дударенко Осипа Трофимовича, 1904 года рождения, малограмотного, колхозника. Арестован 24 июня 1937 года, обвинение предъявлено по статье 54-10 часть 1. Киевским областным судом 14 августа 1937 года осужден к лишению свободы в ИТЛ на 8 лет с поражением в правах на 5 лет.

Реабилитирован в 1992 году.

Получается, что через 7 лет после ссылки семьи Трофима Николаевича, кто-то в Писаревке настойчиво продолжает выкорчевывать эту фамилию.

Осипу Трофимовичу было тогда 33 года, и очень вероятно, что у него уже могли быть дети. О дальнейшей его судьбе вряд ли можно что-то сказать определенное; через ад ГУЛАГа прошло более 20 миллионов человек, а через четыре года после ареста началась война.

Остается лишь по-христиански сказать:

- Мир праху твоему, далекий и неизвестный дядя Осип!

Дополнение к главе «Сибирь»

Вечером, 30 ноября 2013 года, мне позвонила Зоя и взволнованно сообщила, что ее подруга нашла в Интернете какую-то Ольгу Дударенко, с Таймыра, кажется, или что-то на «Т». Спрашиваю ее:

- Может с Тынды?

- Да, да, - отвечает Зоя, а я ей говорю, что брат Витя приехал к отцу своему с БАМа, а Тында – столица БАМа, - это точно, он!

Потом пришел с занятий Владик, и я попросил его поискать в Интернете эту Ольгу Дударенко. И вот он позвал меня к ноутбуку и показал мне фотографии на ее страничке, я увидел ее отца и сразу сказал:

- Это он, это Витя, это мой двоюродный брат, которого я так долго искал! Там был и контактный телефон. Конечно же, он изменился, прошло 53 года как мы виделись, но общие черты лица остались прежними.

Я был счастлив!

На следующий день с утра и днем телефон не отвечал, а вот вечером мне он ответил, и я успел только записать его почтовый адрес и место, где умер дед. Потом связь прервалась, кончились деньги, но я был на седьмом небе!

С Божьей помощью и благодаря нашим детям и внукам мы нашли друг друга.

Потом мой неутомимый внук показал мне размещенную в интернете брошюру «Лагерное прошлое Тайшета», авторы которой учителя истории Е.С. Селезнев и Т.А. Селезнева подробно рассказывают историю возникновения лагерей ГУЛАГа на территории Тайшетского района.

Дело в том, что брат Витя успел мне сказать, что наш дед, Трофим Николаевич Дударенко, находился и умер в лагере Квиток, Тайшетского района.

Мне очень хочется, чтобы и ты, мой уважаемый читатель, вместе со мной почувствовал хотя бы немного, что довелось пережить и вынести тем людям, а значит и моим родным.

Для этого я буду цитировать довольно большие отрывки из работы этих историков.

«... И если рассматривать насилие над человеком как характерную черту жизни, то отсчет лагерному прошлому Тайшета, надо начинать не с момента появления в нашем городе лагерей ГУЛАГа, а с времен сплошной, массовой коллективизации и раскулачивания крестьян-единоличников – конец 20-х – начало 30-х годов».

«В начале 30-х годов на территории Тайшетского района были созданы так называемые спецпоселки для раскулаченных и сосланных крестьян, признанных кулаками. Тайшет стал местом кулацкой ссылки. Жизнь в спецпоселках, конечно же, отличалась от условий содержания в ИТЛ, но она все же оставалась подневольной, лагерной, с постоянным насилием над Человеком!».

«... В Восточную Сибирь в 1930-1931 годах было выслано 26546 человек, а на 1 июля 1933 года в одной только Иркутской области в 42 трудпоселках находилось 32211 трудпоселенцев...».

«... В Тайшетском районе в 1933 году существовало 13 трудпоселков, среди них и Квиток. Эти сведения взяты из сводки Тайшетской районной комендатуры ОГПУ о ходе уборочных работ по неуставным сельхозартелям спецпереселенцев на 1 сентября 1933 года. Далее: «В глухой тайге, на участке Колочий, в д. Кондратьево, Петропавловка были созданы места для экспроприированных кулаков». Одним из источников сведений по истории кулацкой ссылки в Тайшетском районе являются воспоминания бывших с/п (спецпереселенцев).

«...Наш эшелон с/п из Ворошиловградской области прибыл на ст. Нижнеудинск ... Разгрузили где-то на окраине, а потом на лошадях, мобилизованных у местных жителей, несколько сот семей повезли в Тайшетский район на р. Топорок. На этом месте стояло несколько небольших избушек и больше ничего, здесь семьи распределили — кого на Новый путь. кого на Караул, Паренду... Комендатура собрала по окрестным селам топоры, лопаты. Этим инвентарем с/п стали копать землянки, расчищать дорогу на Новый путь, разрабатывать поля, готовить лес для домов. Питание было ужасным, меняли привезенные вещи на продукты у местных жителей, кололи им дрова, поллоли огороды, но за это комендатура наказывала переселенцев. Давали паек, но его не сразу стали давать. Пакет был мал: 0.5'литра масла, крупа. На детей выдавали и того меньше. Разрешили создать неуставную сельхозартель из с/п. Занимались промыслами: добывали живицу, мел, делали кирпич. После снятия Ежова, с/п написали в Москву о своей жизни. После этого стали выдавать паек продовольственный, а до этого никакого пайка не было. Многие умирали. Особенно страдали старики и дети от недоедания, так как на детей и неработавших выдавали по 200 гр. хлеба или муки. Уход из поселка был запрещен...».

В 1934 году К. М. Ермакова посетила своих родителей, раскулаченных и высланных в пос. Квиток. Вот как она описывает то, что увидела в поселке с/п: «... Встретились, поплакали и пошли в поселок или зону, не знаю даже как это назвать. Были длинные бараки, общие, без комнат, кроватей не было, только топчаны. У папы и мамы было два топчана, а у кого были семьи, они имели больше топчанов. Семьи отгораживались друг от друга половиками, кто чем мог, жильцов в бараке было око-

ло 40 человек, а то и больше. Одна печь — плита на всех, на ней готовили пищу. Мама толкла сушеные гороховые плети и лебеду, другие собирали очистки с помоек надзирателей. А лепешки пекли, кто из чего мог, прямо на плите, без сковородок. Люди умирали каждый день, очень много было опухших от голода...».

«...Затем нас перевели в Тайшет, точнее на Анинский участок, это недалеко от Байроновки. Местных жителей там не было, только спецпереселенцы. Здесь находилась свиноферма и мы стали выращивать свиней. Жили здесь недолго, месяца три, а потом нас перевели в Паренду. Там не было никаких домов, стоял только какой-то полуразрушенный ток. В нем и жили. Спали на каких-то ветках. Спим, а нас снегом засыпает. Мама сделала веник и им нас обметала. Потом отец надрал коры и сделал что-то вроде шалаша. Корчевали лес, расчищали поля. Подкапывали деревья глубоко, рубили корни, а потом привязывали за вершину веревку и все вместе тянули, пока дерево не упадет. Затем его распиливали, что могли уносили с поля, а что нет — сжигали. Потом лопатами копали целину, садили капусту, косили сено. Потом меня забрали в Квиток. Работала на строительстве, копали землю под фундаменты. Уходить из поселка запрещалось, за уход — в каталажку. Кормили нас в столовой два раза в день. Кормили плохо. Помню один раз, давали горох, а в нем белые черви. Но мы ели и это. Денег не выдавали, выдавали муки 7 кг., а стахановцам по 12 кг, иждивенцы получали по 2 кг. Отец стал совсем плох и умер в 1933 году. Потом меня перебросили в пос. Неожиданный — копать землю под капусту. Жили в избушках, спали на нарах, нас было человек 20. Условия были тяжелые, особенно нас мучали клопы, которых было много — просто ужас! Мама моя находилась

в Квитке, жила очень плохо, голодала, опухла от недоедания. Я просила отпустить меня к ней, но начальство не разрешало. Тогда я ночью бежала, до Квитка было 14 км. Меня в Квитке увидело начальство и вернуло назад. Работала на кирпичном заводе, резала кирпич. Норма — 800 штук. Глину месили ногами, от такой работы одежда всегда была мокрой, не успевала высохнуть. Затем работала на лесоповале, на расчистке полей. Позже мне удалось устроиться уборщицей в детдом. Платили 45 рублей. Летом вновь полевые работы. Старалась попасть на уборочные работы — там обещали по 200 гр. хлеба. Мы так голодали, что собирали в лесу съедобные травы — саранку, щавель, черемшу. От употребления травы в пищу болели часто. Муку с/п выдавали в Тайшете и нам приходилось за ней ходить пешком. Подмешивали в муку опилки. Мама собирала очистки по помойкам. Местным жителям запрещалось с нами общаться, не говоря уже о том, что бы жениться или выйти замуж...».

В докладной записке руководства ГУЛАГа от 3 июля 1933 года в ЦК ВКПб и РКИ говорилось, «... что с января 1933 года по распоряжению Союзнаркомснаба нормы для с/п снижены в два раза. Отмечалось о крайне тяжелой эпидемиологической обстановке, в бараках грязь, антисанитария, вшивость и т.п. В отдельных случаях проверочные комиссии прямо характеризуют отношение хозяйственных организаций к с/п как к животным...».

«... В лесозаготовительных организациях с/п выдается одна мука и все. Никакими промтоварами они не снабжаются, медобслуживание фактически нет. Это все привело к заболеваниям в целом ряде районов тифом, оспой, цингой, корью, скарлатиной. Смертность на почве заболеваний никем не учитывается. Никакой культурной работы, никаких школ для детей».

И далее авторы-историки делают такой вывод: «... Вдумчи-

вый читатель в отличии от равнодушного аналитика, заметит не только указанные факты, но поймет весь трагизм с/п».

Я специально так много цитировал тайшетских историков, чтобы вы поняли, что пришлось увидеть, испытать и пережить моим родным, в каких условиях оказались они, внезапно оторванные от родной земли.

Читать А. Солженицына, - это читать историю чужой судьбы, чужую боль, а здесь трагедия родного рода, отчаянная безвыходность положения родных и близких мне людей, документально и на основе воспоминаний очевидцев рассказывается, с каким ужасающим равнодушием государственная машина перемалывала и их судьбы и судьбы миллионов ни в чем не виноватых!

Сегодня они стали прахом, землей, но она стучит в мое сердце, а моя память и совесть вызывают и не успокоятся, пока я не расскажу все, что знаю об их судьбах и времени.

Это надо знать, об этом надо помнить и никогда не забывать вам, живущим в нашем Будущем!

Глава последняя

Время – это неизбежная непрерывность нашего бытия, заставляет меня ставить точку в своем повествовании, несмотря на то, что многое можно было еще найти и рассказать.

Хочется надеяться, что на нашем родовом древе появится любознательный человек, обладающий большим ресурсом этого самого времени, который сможет всех найти и рассказать о судьбе каждого. А это очень интересно!

Да что там судьба, даже один день жизни человека – это целая повесть, как смог это показать А.И. Солженицын.

У Нины Павловны интересно сложилась жизнь, не каждому доведется поработать во дворце президента, да еще и в Афганистане!

А письмо Виктора Яковлевича хочу привести полностью, потому что, если бы он захотел, то из его воспоминаний, вполне могла бы получиться целая книга.

А, пусть даже скромные, воспоминания Ольги Федоровны? Такого вы не прочтете ни в одном учебнике истории!

Я ничего не написал о судьбах Владимира Яковлевича, Николая Яковлевича и Нины Яковлевны, а ведь мы все внуки Трофима Николаевича. Плохо, конечно!

Пусть меня простят и Раиса Павловна, и Ольга Павловна! Мы хоть и общались немного по телефону, но я их все больше озадачивал своими вопросами, а об их жизни мало что знаю. Да и разве по телефону всю жизнь расскажешь! Спасибо им за помощь!

Хочу надеяться, что эту книгу прочтут и дети Екатерины Федоровны Петрико, Гена и Таня. Таню, теперь уже Татьяну Александровну и Галину Вячеславовну Гришенкову, старшую дочь Ольги Федоровны, этих современных бабушек, я видел только на фотографиях, сидящих на коленях родителей!

Наверное, прочитают ее и дети Галины Павловны Дударенко из Рязани. Пусть знают, что она всегда представлялась мне той Галей, которую украли и забрали с собой казаки, из старой украинской песни. Это, наверное, потому, что она была очень красивой!

А если вдруг случится невероятное чудо, и книга эта окажется на украинской земле, в Писаревке, то тем незнакомым родственникам хочу передать привет издалека и пусть они знают, что если бы я попал туда, то поклонился и поцеловал бы эту многострадальную землю, из которой мы все появились!

Не знаю как другие, а я горжусь тем, что в графе «национальность» у меня записано «украинец», да и сын мой решил сделать такой выбор! А имена детям моим — Ольга и Олег я дал не случайно: Ольга была первой христианкой в языческой Киевской Руси, а внук ее князь Владимир крестил эту Русь!

Князь Олег был варягом, но именно при нем Киевская Русь стала сильным государством, расширилась, и стала равной с другими европейскими государствами, и Олегу принадлежат слова: «Да будет Киев матерью городов российских!».

Верю, что Украина переживет и это лихо, и, как и прежде, достойно и честно, займет свое место среди славянских народов.

Ну, а теперь письмо Виктора:

Здравствуй, брат Володя.

Получил твоё письмо, которое шло 1,5 месяца. Рад был узнать, что ещё есть на свете продолжатели рода Дударенко. У меня две дочки, и фамилия потеряна. Старший брат Володя умер в 2008 году, и у него остались дочь и сын, есть сестра Нина — 1944 года рождения, у нее сын. Брат Николай — 1948 года, тоже есть сын и две дочери, а я остался без сыновей.

Нина и Николай живут в Московской области. В 1965 году мой отец, брат Николай и я ездили в Писаревку, были там, где родились наши отцы и дядьки. Жили мы у тетки, так ее называл отец, уже пожилой женщины, родственницы по бабушке Екатерины, и ее двоюродной сестры.

Недалеко от их дома проживал еще родственник, звали его Миша, и как я понимаю, - это был сын Иосифа или Осипа, было ему тогда годов 35. Была у наших отцов и сестра, к которой мы ходили на кладбище. Она умерла еще маленькой, и звали ее Олей.

В 1969 году к нам приезжал твой отец, и мы ездили на машине в г. Борисов, к тете Сони, а еще раньше, она была у нас, в Суходоле.

Потом ездили к дяде Паше и к дяде Феде. Помню девочек-сестер, но уже столько времени прошло. Хорошо помню дядю Федю – веселый был дядька!

Приезжал к нам и дядя Паша, много рассказывал про войну; он прошел ее до конца, воевал в полковой разведке. Он сам удивлялся, что всю войну прошел без серьезных ранений, а повидал и испытал он многое.

Мой отец был призван на войну, но как освободили Тульскую область от немцев, он получил бронь для работы на шахтах, где и проработал всю жизнь. Умер он в 1990 году. А попал в Тульскую область после лагерей, находился в Читинской и Амурской областях. Это недалеко, где и я проживаю, в 500 километрах.

После лагеря он приехал в Писаревку, но ему посоветовали уехать, иначе, сказали, пойдешь за своим отцом. Деда посадили по раскулачиванию, причину не указывали. Отец говорил, что уехал с Писаревки к своим братьям на земляные работы в Брянскую область, потом в Тульскую, отсыпали полотно под железную дорогу.

И вот он, вспоминая то время, рассказывал, что были на работах Федор и Осип – это было еще до войны. Потом отец

встретил мою мать, и он остается в Тульской области.

Про деда Трофима, он говорил, что он находился в Красноярском крае, поселок или станция. Квиток, так он там и остался.

По линии матери, деда также раскулачили и сослали в Котлас, он оттуда писал и спрашивал, узнайте, за что сижу.

Такие вот времена были. Отцы нам много не рассказывали, а может мы плохо спрашивали и слушали.

Время прошло. Сам на пенсии уже 8 лет. Приехал на БАМ в 1977 году, брат Володя позвал, а сам потом уехал на Кубу. Он работал в Министерстве транспортного строительства в Москве. После работал в Московской области, куда и переехали отец и мать в 1985 году. Там сейчас живет брат Николай.

Ездил к нему в гости в 2012 году, да на кладбище сходить. В 1997 году мать сбила электричка. Так они теперь втроем в одной оградке «живут»: отец мать и брат.

Живу в поселке, в 15 км. от г. Тында – столице БАМа. Дети живут в Тынде. Лена, 1976 г.р., у нее двое детей: сын Павлик в 11 классе, и дочь Полина – 5 лет. Вторая дочь, Оля, 1980 г.р., у нее две девочки: Даша в 8 классе, и Лиза – 1-ый класс.

Все думал уехать отсюда, да куда? А теперь дети тут, внуки, так и прижились. Климат тут неплохой, только зимы очень холодные, вот весь январь 38-42 мороза.

Работал водителем, экскаваторщиком, на плавбазе рыбу ловил во Владивостоке, Магадане, Камчатке. Работал в Узбекистане г. Уч-Кудук, добывали уран открытым способом.

В 1993 году получил машину «Жигули-06», так вот на ней до сих пор, иногда потакую, когда тепло.

Вот такие брат дела, мало что я тебе смог сообщить про наших.

До свидания. Твой брат Виктор.

**Дударенко Трофим Николаевич
(1875~1933)**

Молчанов Дмитрий Потапович
(Фотография 1930-1933 г.)

Мой отец 15 ноября 1943 г.

Дударенко Павел Трофимович
*На добрую и долгую память брату
Василию от брата Павла*

**1944 год 15 декабря Польша
Фотографировался 1947 год 27 июля, Барановичи.
*Я, вообще-то кузнец, а не урка!***

Октябрь 1953 г.
Наша первая семейная фотография.

**Примерно таким я пошёл в детсадик.
Октябрь 1955 г.**

Дядя Паша с женой тетей Шурой.
≈ 1955 г.

Нина и Галя 1957 г.
На обороте: «Вовке и Зойке».

**Сидят: д. Федя, т. Лиза, жена Володи.
Стоят: т. Соня, Володя с Аллочкой, Катя, Оля.**

На обороте: На память семье Дударенко,
от семьи Альшаковых. 1960г.

Дяди Пашины девчонки: Галя, Нина, Рая, Оля.
≈ 1963-1964 г. Городище.

Сестры через 50 лет
Нина, Рая, Оля, Галя.

Весна 1959 г.
Мы приехали.

Мы строим дом. Лето 1959 г. Отцу 50 лет.
Рядом с Николаем Ваня – литовец.

1° октября 1959 года.
Слева развалины землянки.
Сзади стоят квартиранты.

**Осень 1959.
С рождением, родное гнездо!**

**Мы стоим на супер-санках!
Мороз-ерунда, главное-погулять!
Вид от колодца во дворе на поселок ТЭЦ.**

Осень 1959г.

Абылкасов д.Саша, Горбатюк д.Володя.

Наш колодец во дворе. Вдали видны склады ХПП.

**Пескинское ХПП 1960 г.
Вот так всю жизнь!**

**Моя мама.
Моя «дерёвня».
1965 год.**

Дударенко Виктор Яковлевич, где ты?
1960 год.

**19/VIII-60. Приезд д.Яши с сыном Витей.
Фото в нашем огороде. День рождение отца.**

**1962г. г. Донецк. Машины братья и сёстры: т. Аня, д. Витя,
т. Зина. Рядом с д. Петей сидит т. Зина, жена д. Вити.
Внизу: Зоя, Надя и я.**

**Июль 1979 года.
Отцу 70 лет. Дед со всеми внуками.**

Вспомните день нашей встречи 15 июня 1969 года. Павел.

Сидят: справа налево Фёдор, Василий.

Стоят: Яков и Павел.

Последняя встреча братьев.

**Надпись: Папе и деду от доци и
Димочки. 14.9.1976 г.г. Джезказган.**

Последняя фотография отца.
(июль 1983 года)

Дударенко Виктор Яковлевич
Через 53 года.

2013 год.
Олег в одном из парков Лондона.

2005 год. Москва.

Моя дочь Оля
2010 год.

Оля с мужем и дочкой
2013 год

Мой самый первый читатель,
терпеливый помощник
и неутомимый искатель,
без которого эта книга
появилась бы не скоро –
мой внук, Дударенко Владислав
Владимирович,
Студент КарГТУ, 2013 год

Мои внуки и племянник

Дмитрий Николаевич Дударенко, Катя Горбунова,
Олег Владимирович Дударенко,
Руслан Дмитриевич Дударенко

К письму брата хочу добавить последнюю информацию, полученную от дочери Виктора, Лены, и получается такая картина: у дяди Яши родилось 4 детей: Володя с 1942 года, Нина с 1944 года, Николай с 1948 года и Виктор с 1951 года.

Владимир Яковлевич умер в 2008 году. У него старшая дочь Наташа 1967 г.р., работает в МИДе, в Москве, и сын Алексей с 1971 года.

У Николая старший сын Яков 1972 г.р. работает в охранной организации. Дочь Татьяна 1974 г.р., работает в детском садике. Младшая дочь Марина 1984 г.р., работает на АЗС. Про Нину Яковлевну, которая проживает в г. Пушкино, в Подмосковье, ничего не сообщили, а про своих детей Виктор Яковлевич забыл написать, поэтому делаю это я.

У Виктора две дочери: старшая Лена 1976 г.р., работает в полиции. У нее двое детей: Павел, 1996 г.р. и дочь Полина 2008 г.р.

У младшей дочери Ольги, 1980 г.р., тоже двое детей: Дарья, 1998 г.р. и Лиза 2006 г.р. Лена и Оля выходят на связь через Интернет, чего не могу сказать о детях Володи и Николая, может они и выходят, но мы не встречались. Ищите, может и встретитесь!

Вот в итоге и получается, что прямыми потомками Трофима Николаевича являются: Алексей Владимирович Дударенко, Яков Николаевич Дударенко, и мой сын, Олег Владимирович Дударенко. Есть ли сыновья у Алексея и Якова мне неизвестно.

И вот, буквально накануне сдачи книги в типографию, я позвонил Николаю Яковлевичу, и он рассказал, что у него есть внук Илья Яковлевич, 16 лет, и у ушедшего Владимира Яковлевича, тоже есть внук Павел Алексеевич, курсант кадетского училища.

Так что наша фамилия продолжается!!

Заканчивая свою работу, свои архивные поиски и перепи-

ску со всеми, кого нашел, я хочу кратко изложить, подвести итог всему, что узнал нового, что было неизвестно или известно немногим.

Мой дед, Дударенко Трофим Николаевич родился в 1875 году. Моя бабушка Дударенко Екатерина Терентьевна родилась в 1879 году. У них было 10 детей. В живых осталось шестеро: пять сыновей и дочь.

Старший сын Федор родился в 1900 году. До 1930 года на Украине, у него родилось двое детей – Николай и Мария, которые умерли. В 1930 году Федор Трофимович бежал в Россию, и последующая его жизнь известна неплохо, благодаря Ольге Федоровне.

В 1904 году родился Осип. В 1937 был репрессирован и реабилитирован посмертно в 1992 году. У Осипа Трофимовича в Писаревке остался сын Михаил, а может быть, и еще кто-нибудь. После событий на Украине никто мне оттуда не отвечает. Михаил, по письму Виктора Яковлевича, мог быть с 1925-1926 г.

В 1909 году родился Василий. Жизнь моего отца, Василия Трофимовича, оказалась, как это не грустно, самой неизвестной для нас, его детей.

Лена, дочь Виктора Яковлевича, написала мне, что ее дед рассказывал, что в 1933 году, первая жена моего отца, поссорившись с ним, написала заявление на него, и он был осужден, так как ему припомнили, что он сын кулака. В Сибири он бежал, скрывался. В 1943 году мобилизация помогла легализоваться, да и прошло 10 лет. Вся его последующая жизнь известна хорошо.

В 1911 году родился Яков. После раскулачивания отца, Яков Трофимович работал в колхозе. В 1933 году колхоз не выполнил план по зерну и он, как сын кулака оказался в числе виноватых. Был осужден и находился в лагере, который распо-

лагался между станциями Ксеновская и Ерофей Павлович – это на границе Амурской и Читинской областей. Тында находится немного северо-восточнее.

Где-то в 1943 году был мобилизован и после освобождения Тульской области работал на шахте. О его дальнейшей судьбе рассказал Виктор.

Павел Трофимович родился в 1917 году. Вместе с отцом, матерью и сестрой оказался в ссылке.

В 1941 году мобилизован и воевал до Победы. Награжден двумя орденами «Отечественной войны», медалью «За отвагу», и, как я смог разобрать на фотографии, по-моему, иностранными орденами. по крайней мере, Нина Павловна не отрицает того, что в военной судьбе Павел Трофимович имел контакты с союзниками.

Жалко, что не все награды сохранились, дом был обворован и награды некоторые пропали. Мой отец всегда с благодарностью вспоминал Павла за то, что после Победы, он написал прошение, и мать с сестрой освободили, и они приехали в Белоруссию.

В истории семьи Трофима Николаевича, я как-то упустил из виду Софью Трофимовну – сестру наших отцов, хотя ее судьба мало мне известна и помню я ее очень смутно. Но 15 лет ссылки, которые она пережила и вынесла, - это заслуживает того, чтобы рассказать и то небольшое, что я знаю о своей тетке.

В своих воспоминаниях, я упоминал выше о базаре в Барановичах, куда часто ходили дядя Федя и мой отец. Любили они посещать его по причине того, что тетя Соня работала в пивной, буфетчицей, и всегда угощала братьев бесплатно. Я ничего не знаю о ее личной жизни, что помню, так это то, что в Бара-

новичах она после войны жила с грузином-полковником, отец называл его «Бомбиком». Не знаю, или это сокращенное имя, или еще как-то, но именно так его звали и знали. После Баранович, тетя Соня уедет в Кобрин. Потом, наверное в Кобрине, она встретит Геннадия Толстихина и проживет с ним до конца, и закончит свои дни в г. Борисове, что рядом с Минском. Родилась она в 1922 году, а по нашим предположениям умерла в 1974 году.

Начав работу над книгой, я стал искать контакты с ее сыном, Володей. Когда Зоя жила в Калининграде, она съездила в Минск, нашла там всех сестер через 50 лет. Они на радостях позвонили в Борисов, к Володе, и сообщили ему, что приехала Зоя, дочка дяди Васи, на что он ответил, что 50 лет он ее знать не знал, а теперь уже и не стоит. Так они и не встретились. Надо отметить, что хотя расстояние от Минска до Борисова чуть больше 100 километров, но белорусские сестры также с Володей не встречались.

И вот я, в течении трех месяцев, постоянно отсылал письма и звонил Владимиру Геннадьевичу Толстихину, надеясь, что он поделится со мной своими воспоминаниями и ответит на мои вопросы. Звонила по моей просьбе и Ольга Федоровна, переговорила с его супругой. Его самого дома не было.

С его женой разговаривал и я. В течении 4 часов я звонил брату, но после первого звонка, после того как переговорил с его супругой, трубку перестали поднимать вовсе.

Вот такая получилась ложка дёгтя.

Не хочу заканчивать книгу на минорной ноте, поэтому скажу просто:

«Слава Тебе, Господи, что дал мне силы начать и закончить этот труд!».

Эпилог

Начиная работу над книгой, я не мог даже себе представить, к каким неожиданным результатам приведет она.

История одной семьи из маленькой деревни на Житомирщине, за сто лет охватила территорию всего бывшего СССР: Украина, Белоруссия, Краснодарский край, Воронеж, Рязань, Подмосковье, Тульская область, Курган, Казахстан, Омск, Красноярский край, Тында – вот где живем мы, наши дети и внуки, и уже пра-пра-правнуки Трофима Николаевича и Екатерины Терентьевны Дударенко. А кто может сказать, что будет через следующие сто лет?

Имеющиеся в настоящее время средства связи и информации позволяют общаться людям хоть каждый день, хотя они и появились всего 20 лет назад, а что придумают еще через 20-30 лет?

Поэтому, я думаю, что если у наших детей и внуков будет желание сохранить родственные чувства и интерес к своим корням, то это будет для них возможно без проблем и особых трудностей.

А зная, что во многих регионах страны, и в других странах, есть родственники – это позволит им не только иметь возможность съездить в отпуск отдохнуть, да и просто увидеться, но в наше беспокойное время, может быть, и иметь лишний шанс выжить. Как знать!

Я заканчиваю свою работу в такое время, когда на Украине происходят не просто волнения и выступления. К власти рвутся лица, для которых наши исторические корни не имеют никакого значения, а тысячи людей, недовольных продажной властью, коррумпированными чиновниками, бюрократами, милицейской несправедливостью, правовым беспределом и

беззаконием – эти тысячи обиженных людей скоро могут стать миллионами, и тогда Украина развалится!

И вот в такое время я хочу, чтобы мой голос, мое желание слышали и узнали все, кто имеет со мной не только одну фамилию, но и, пусть даже далекую, родственную связь.

Ищите друг друга! Не теряйтесь больше никогда! Берегите в себе и передавайте своим детям – это согревающее душу чувство родства!

В 2015 году исполнится 140 лет со дня рождения Трофима Николаевича, основателя нашего рода, и я прошу всех, кто знает это имя, помянуть его на Радуницу!

Как-то так получилось само, наверное, Господен промысел помог, но книга эта родилась весной 2014 года – в год 60-летия целины, в год 80-летия Ольги Федоровны и в год моего 65-летия. Когда мы будем провожать этот год, я хочу, чтобы все кто прочитает ее, подняли чарку за эти даты!

И пока она будет стоять на книжных полках наших детей и внуков, до тех пор мы все будем вместе, мы не потеряемся, мы будем Жить!

* * * *

Такими вы были, так вы говорили...

**Собирайте и берегите детские слова
и выражения – они вечно хранят
несравненный запах маленького
человечка, вашего ребенка.**

1). Мама, вставай! Видишь, уже белая ночь!

Оля. 3 года.

2). Я сильно загорел. Оля вечером залезла ко мне на кровать и давай меня хлопать по спине. Говорю ей: «Оленька, не надо, видишь, я обжёгся на солнце и мне больно». Оля удивленно: «А как ты туда залез?»

Оля. 3 года.

3). Утром разбудил и одеваю ее в садик. Она засунула палец в нос. Я ее пугаю: «Оленька, не ковыряй, а то нос будет как у деда Васи большой». Она задает моментально встречный вопрос: «А он что, ковыляется?».

Оля. 3г. 3мес.

4). Принес домой утят. Оля игралась с ними до тех пор, пока один из них не замарал ее. От неожиданности и обиды Оля разревелась и больше не брала их в руки. Вечером, перед сном, она все вспоминала этот эпизод, все не могла успокоиться. Я ей говорю: «Ничего, Оленька, ты была маленькой, тоже какала где попало, и на меня, и на маму, и на деда».

Оля спрашивает: «А на бабу?»

- Какую бабу, Оленька?-

- Ну, на дедову Васину?-

- Так ее тогда не было – отвечаю.
- А-а-а, глубокомысленно тянет она, я знаю, она после меня
родилась!».

1 апреля 1981 г.

5). Собираемся на дачу копать картошку и Оля спрашивает:
« А скоро мы на фобли поедим?» Вот ведь, слово какое придумала! Мотоцикл у нее – матаника.

4 года

6). Мы с Олей играли в шашки шахматными фигурами. У меня осталось много, а у Оли две шашки. Стоит мой конь, а рядом Олина шашка. Был Олин ход, и она думает вслух: «Если я пойду сюда, то твой осел срубит меня!».

20.1.1982 г.

7). Разговариваю с Олей за ужином. Говорю ей: «Ну вот, Оленька, когда папа старый будет, ты его тоже будешь петушками кормить?» Оля добавляет: «И жвачкой...».

12.1982 г.

8). По телевизору увидел суворовцев и говорю: «Вот, суворовцы идут», а Инна спрашивает удивленно: «А они что, суворовское печенье делают?».

1981 г.

9). Вечером Оля говорит: « Скоро кино будем смотреть» - а Инна спрашивает: «Какое?» Оля отвечает: « Свишня и пастух, кажется», а в программе написано «Свинарка и пастух».

12.10.1985 г.

10). Оля с мамой идет в больницу. Оля спрашивает:

- Мама, а тебе зубы железные сделают?

- Да, а что?

- Тогда ты сможешь кирпичи есть.

Мать стыдит: «Оля, ну разве можно так на маму?»

Оля поправляется: «Ну, и водичкой запивать!».

6 лет 4 месяца

11). Сегодня Олежка отличился. Инна посадила его на горшок. Он сидит и стучит крышкой горшка. Инна ему говорит: «Ты возьми и по лбу постучи». Олежка поднимает крышку и бьет Инну по лбу. А мать на улице говорит ему: «Закрой ротик». Олег закрывает ей рот варежкой.

3.4.86 г.

12). Все более сложными и неожиданными становятся словосочетания которыми владеет Олежка. Разговаривает сам с собой, и слушает сам себя внимательно. Становится интересным с каждым днем. Начинает понимать шутки, любит кружиться. Инну называет «Та-та», ходит, заложив руки за спину. Плохо говорит (или это мне кажется, хочу, чтобы он уже говорил со мной).

4.86 г.

13). Олежка стал говорить: «Папа Вова, мама Ана» и составляет слова из них, например: пана, анапа, папана, мамана и т.д.

8.4.86 г.

14). Сегодня долго гулял с Олежкой на улице. Я удивляться не перестаю, я уверен, что его умственное развитие опережает его физическое. Громадное любопытство, огромнейшие желание все попробовать самому, понимание всего, что я ему говорю, убеждает меня в этом. Я таким не был! Уже пробует играть в футбол, от велосипеда не оторвешь – удивительно, ну почему человеку эта тяга не остается на всю жизнь. Вчера Олежка взял меня за бороду и сказал: «Ба-да-да!»

18.5.86 г.

15). Олежа знает клятву. Он говорит:

- Чекана пинекана, что в переводе означает «честное пионерское».

26.10.86 г.

16). Сегодня Олежка рассмешил меня. Я одеваюсь, а он стоит рядом и смотрит. Потом говорит:

- И шарф надо.

- Нет, - говорю - папе шарф не надо. Он смотрит задумчиво и делает вывод:

- Конечно не надо, у папы борода есть!

В тот же день увидел фотографию, где я, Оля, и он. Говорит: «Хочу посмотреть». Я дал фотографию, он смотрит, и вслух говорит: «Вот папа, вот Оля, а вот мужик!»

14.11.86 г.

17). Олежка становится все смешнее и смешнее. Сегодня будит меня, а я вставать не хочу. Тогда приносит мне трико, затем майку, рубашку, тапочки, а когда видит, что и это не помогает, он приносит мне свою бутылку с соской и сует мне в рот. Он говорит

уже: Ма папа (Мой папа), баба, кака. Когда хочет на горшок, говорит – «Пуф!». На машину говорит – Ву-у-у. На собаку раньше говорил «Габа», потом «Гавка», а теперь – «Гаф». На мой вопрос: «А кто у нас золотой, дорогой, умный? А где мой мужичок?» - он тычет пальцем себе в голову.

15.03.86 г.

18). Олежка становится упрямее. На этой почве начинаются конфликты. Говорю: «Собери игрушки, - а он – сам собери! Все время болеет. По ночам стал бояться ковров, и гипсовую маску. Пришлось снять.

30.11.86 г.

19). Я шлепнул Олежку, когда он не хотел спать. Он разреvelся и мама легла рядом с ним, и начала его уговаривать, чтобы он слушал сказку и не плакал. Олежка перестал на несколько секунд, чтобы сказать:

- Подожди, сейчас допакаю!».

12.02.87 г.

20). Олежка лежит на кровати и вслух рассуждает: «Инна маму обнимает, Оля маму обнимает, Олежка маму обнимает, а папа никогда маму не обнимает - все время спит, и спит, и спит!».

21). Олежка сидит за столом и грызет булку хлеба. Говорю: «Не грызи, ты же не заяц». Он отвечает: « Нет, я заяц, - и добавляет – я заяц Дударенко!».

22). Сегодня утром, когда Олежку собирали в садик, он нас рассмешил. Спрашиваю его: «Ты куда собираешься?» Он отвечает: « Я уйду из стада» - это из песни Высоцкого, которого он любил слушать.

5 мая 1987 г.

23). Лежим все на балконе. Олежка хнычет: «Принеси водички». Мать принесла, напоила его. Он продолжает: «Принеси молочка». Мать снова ушла, а он ей вслед кричит: «Только воды не надо, а то ёпну!».

20.06.87 г.

24). Олежке два года. Подарили ему связанные будёновку и жилетку. Конфеты шоколадные он называет «косоладные», газ-плита – «гаступа». Оля готовила со мной частушки на школьную елку, и он слушал и все запомнил. Любит петь «Дуню». Конфеты стал любить. Сегодня мать заболела и все время высмаркивается, а он начал ей говорить: «На здоровье».

3.02.1987 г.

25). У Олега корова «мукает», а кошка «мимукает». Поставил на проигрыватель пластинку. Только началась песня – пропало электричество. Говорю: «Ой, что-то света нет». Олег подходит к окну и спрашивает: «А почему солнце тогда светит?».

7.12.87 г.

26). Олежка играет с лунником. Говорю ему: «ты же долго не играйся, а то батарейки сядут».

- А куда они сядут? – резонно спрашивает он.

9.01.88 г.

27). Папа – спрашивает Олег, - я тебя «теля» не называю? Нет – отвечаю я. Услышав мой ответ, Олег продолжает: «Вот и ты меня не называй».

7.04.88 г.

28). Олежка приходит поцарапанный из садика. На вопрос отвечает, что он сегодня со всеми дрался. Мать спрашивает: «Со всеми, со всеми?».

- Нет, отвечает Олег, - с воспитательницей не дрался!

июнь 1988 г.

29). Я о чем-то задумался, а Олежка игрался рядом, потом он стукнул меня и спрашивает: «Ну, почему ты такой глухой?» «Я не глухой, я задумчивый» - отвечаю я ему.

- А кого ты задумчиваешь? – следует второй вопрос.

30). Олег уже давно начал выговаривать букву «Р», и теперь вставляет ее куда надо и не надо. Особенно путает ее с буквой «Л». Говорит на меня – «Сиращ» (силач), тетя Валя присрара посылку и т.д.

апрель 1989 г.

31). Сидим с Олей и Олегом играем в детское домино. Я выиграл и захлопал в ладони. Олег тоже захлопал и закричал: «Папа – победильник!».

17.04.1988 г.

32). Олежка стал задавать множество бесконечных вопросов, на которые требует немедленного ответа, начинает мыслить логически и неожиданно. Ищу банку под пиво, а он спрашивает:

- Тебе какую, литровую или двухтрехтрёвую?

Инна будит его шепотом: «Олеженька, вставай!» А он спрашивает, не открывая глаз: «Что ты жёпотом разговариваешь?».

Приехали Зоя и Лариса, привезли сгущенку. Пьют чай. Зоя предлагает Олегу:

- Давай, с нашим молочком попьём – Олег попробовал сгущенку и спрашивает:

- А где у Вас такая корова?

8 сентября 1988 г.

33). Лежим с Олежкой на кровати. Он декоративным гвоздем вытаскивает у меня занозу. Мне и больно и смешно, как он смело ковыряет мне палец. Я его хвалю: «Молодец, Олеженька, вырастешь – врачом будешь, меня лечить будешь!» - Врачом будешь? – спрашиваю.

- Буду – говорит он – только надо еще ругаться научиться!

8 ноября 1988 г.

34). Олежка стал сильнее, гораздо сильнее, чем весной. Любит бороться со мной. Начал драться с Олей. Стал серьезнее, молчаливее.

10.1988 г.

35). Олегу понравилось спать втроем: со мной и с матерью,

что естественно, мне нравится не очень. Вот как-то мама и говорит ему: «Олеженька, папа придет с работы, и ему тесно будет спать». Олег тут же отвечает: «Ну, если ему тесно вдвоем, то пусть спит один!».

11.1988 г.

36). Купаемся на Ишиме: я, Олег, Дима и Оля. Олег видит очень полную женщину и удивленно мне говорит: «Папа, смотри, у нее морщинки!» - Это не морщинки, а складки – говорю ему я.

- А что она туда складывает?! – звучит великолепный вопрос.

июль 1989 г.

37). Лежим вдвоем на кровати. Олежка обнимает нас обоих. «Ты чей?» - спрашивает мать.

- Всехний – следует ответ.

- Ну, мы тогда тебя разрежем пополам: папе половина и мне половина.

- А-а, тянет Олег – я тогда умру, вы лучше другого сыночка еще купите.

- Так на другого денег нет, Олеженька.

- Ну, если на сыночка денег нет, то хоть на игрушки у Вас деньги есть?! – звучит неожиданный вопрос.

6.1989 г.

38). Олег рассуждает вслух: «Я против бабы-лев, против Оли-крокодил, против Инны-медведь, против мамы-лисица, а против папы-зайчик!»

Вот так.

10.04.90 г.

39). Олежка помогает мне ремонтировать мотоцикл. Я благодарю его в ходе работы, но что он замечает: «Хорошо, папа, когда есть помощник?» - Хорошо, соглашаюсь я, а Олежка добавляет: «И такой умный!» Вот мы какие!

6.1990 г.

40). Олежа лежит в постели и просит, чтобы я лег с ним, а я пришел с работы, и мне нужно было что-то писать. Я ему и говорю: «Мне писать надо».

- Но ты же не писатель, ты же мясокомбинатский, и собаки у тебя мясокомбинатские – следует солидное возражение.

14.10.90 г.

41). Олег отвечает на вопросы детского журнала «Трамвай». Как нарисовать невидимку? Ответ: надо нарисовать так, чтобы никто ничего не видел. Кто придумал неприятности? Ответ: придумал кто-то страшный.

Олег 6 лет.

42). Сегодня сидели все вместе за столом, а Олег все смеялся. Мать говорит: «Что ты все смеешься и смеешься?» Олег – «А у меня такая порода».

9.02.91 г.

43). Оля рассказывала какой-то фильм и употребила выражение «мужчины ходили стаями», но Олег перебил ее и поправил: «Не стаями, а стадами!».

10.02.91 г.

44). В детском садике Олег показывает мне деревянную расписную вазу и спрашивает:

- Как этот рисунок называется?

- Роспись – говорю.

- А какая?

Я стал вспоминать: - Гжель, палех...

- Нет, нет – отвечал Олег.

Меня осенило: - Хохлома!

- Да, да! – радостно воскликнул он, - Я помню, что слово какое-то украинское!

10.02.91 г.

45). Этим летом я стал учить Олежку играть в шахматы. За эти 3-4 месяца он очень продвинулся. Это говорит и его тренер. Правда, если вначале к проигрышам он относился спокойно, то теперь он начинает плакать. Я его успокаиваю и рассказываю, что когда меня дед Вася учил играть и выигрывал, то я тоже плакал, и что если я сейчас проиграю, то я обязательно зареву. И вот однажды, я одновременно смотрел телевизор и играл с Олегом, и вдруг он объявляет: «Тебе мат!». Тут же прыгает на меня и радостно кричит во весь голос: «Плачь, плачь, плачь!!». Летом 1995 года Олег перестал посещать шахматный кружок.

14.11.91 г.

46). Владику два года. Замучил меня фантиками от жевательных резинок, на которых автомобили. Ему страшно нравится, как я, удивляюсь каждому автомобилю и расхваливаю их. Драчун ужасный. Болтает много, но плохо. На сахар говорит: «Хэхель», на уху – «Охо», «Гаготку» - колготки, «Писька» - птичка,

спичка, «Газина» - грязная, «Бобобок» - колобок, «Ися» - лиса, «Деть ибаси» - дед не балуйся, «Деть гогоган» - дед хулиган.

Баба поцеловала Владика в попу и спросила:

- Можно Владика поцеловать в чистую попку?
- Мозно – ответил он, и добавил:
- А у бабы попа гадина! (т.е. грязная)

ноябрь 1995 г.

47). Владик лежит с бабушкой, и разговаривают:

- Хорошие у Вас шторы, - говорит он, - с цветами большими.

- А у Вас какие шторы? – спрашивает баба.
- А у нас они с тузами! – ответил Владик.

16.12.96 г.

48). Делаю вареники с творогом. Оля просит: «Можно, мама, есть творог?» Я ухожу и говорю: «Можно, три ложечки». Слышу, Оля считает: «Раз, два, три, мама, а я четыре съела!»

- Оля, я же тебе сказала три!

А Оля решила поправиться: «Ну, я сейчас три съем!».

49). Учу Олежку стихотворению к Новому году:

«Наша елка высока,
Наша елка велика,
Выше папы,

Выше мамы, достает до потолка».

Он уже вроде бы выучил и рассказывает:

«Наша елка высока,
Наша елка велика,

15.12.86 г.

50). Днем занимался с Инной делением. Вечером спрашиваю у нее: «Ты уже знаешь деление?». А Оля вдруг мне отвечает: «Нет, папа, она не умеет делить. Она конфеты никогда не делит!».

Вот так то! 4г. 6 мес.

51). Сегодня Олежке полтора года. Он повторяет незнакомые слова с первого или второго повтора. Проявляет характер. Какой? Конечно мой! Говорит: «каябуда» - халабуда, «бакон» - балкон. Сходили с утра сфотографировались с Олей и с ним. На руки уже не просится, хочет сам ходить. В общем, растем нормально.

Олежке 1 год и 8-ой месяц. Говорит уже все. Фамилию говорит так: «Ду-а-эн-ко». Если хочет сказать: «Возьми меня», то говорит: «Иди к тебе». Молока выпивает грамм по 300 за раз. На себя говорит: «Ти». Стал сильно любить конфеты. Говорит: «Папа, дай ка-хе-ту». Становится вреднее и интереснее.

1 августа 1986 г.

52). Сегодня Олежка целый день утверждает, что он носит папину рубашку. Спрашиваю: «Что, хочешь папой быть?».

- Да – отвечает.
- А кто у тебя мама будет?
- Девчонка – звучит ответ

8.09.96 г.

Сказка старого Машиниста

История эта случилась недавно, а может быть и давно, точно не знаю, знаю только, что было это не в наших местах, в одном очень маленьком королевстве, где и короля то настоящего не было. А королем там был каждый житель по одному дню.

Поэтому каждое утро на городской площади, солдаты-гвардейцы, из всех сил кричали: «Да здравствует король!», потому что каждое утро, королевскую корону надевал новый король. В отличие от других королевств, в этом жили люди и паровозы, тепловозы, электровозы и другие возы.

Люди работали и жили на станциях и в депо, а паровозы возили разные грузы по железной дороге. Люди и паровозы жили мирно и дружно, потому что не могли жить друг без друга. Люди не смогли бы быстро перевезти много угля, машин, арбузов, печенья, конфет и других грузов без паровозов, а паровозы не смогли бы долго ездить без людей, потому что их надо было ремонтировать и ухаживать за ними, чтобы они могли работать.

И был среди этих паровозов один самый маленький паровозик. Он был такой маленький, что ему не разрешали возить даже один вагон, но зато, он был самым красивым из всех паровозов.

У него была зеленая будка, синяя труба, красные колеса, а все остальное было желтым. Все железнодорожники любили этот паровозик, но больше всех его любил один маленький мальчик.

Он жил в Черемушках, а в детский садик ходил на станцию. И когда он утром, с папой или мамой шел в садик, то его ожидал маленький паровозик и весело свистел ему: «Я ту-у-у-ут, я ту-у-т, привет, привет!».

И мальчик махал ему рукой и радостно улыбался, потому что они были не просто знакомыми, они были большими друзьями, хотя и были еще оба маленькими.

А когда мальчик шел домой из садика, паровозик провожал его от станции до Черемушек и печально свистел: «Пока-а-а-а, до свида-а-а-а-нья», и мальчик посылал ему воздушные поцелуи и вздыхал глубоко-глубоко...

И был у паровозика дедушка-паровоз. Он был самым старым, самым сильным, самым большим и самым черным из всех паровозов. Он мог тащить 100 вагонов с углем, 100 вагонов с машинами, 100 вагонов с холодильниками и телевизорами и сахаром. У него был такой сильный гудок, что его слышали за 10 километров. Паровозик хвастался мальчику: «У меня дед – богатырь!».

Один раз он с мальчиком пришли к деду в гости и мальчик облазил его сверху донизу и старый паровоз довольно пыхтел и распускал белые усы пара.

Паровозик часто просил деда, чтобы он ему разрешил повезти хоть один вагон, но дедушка терпеливо объяснял ему, что он еще совсем маленький, что у него не хватает сил, но паровозик был очень упрямым и непослушным, и приставал к деду все чаще и чаще и старому паровозу пришлось даже отшлепать своего внука горячей водой и поставить его на целый день в угол, в дальний тупик, и только тогда маленький паровозик немного успокоился.

Но однажды вечером, когда дедушка потащил тяжелый поезд на дальнюю станцию, паровозик поехал туда, где стояли больные вагоны. Больными их называли потому, что у них что-то сломалось, и их надо было ремонтировать, лечить значит.

Такие вагоны ставили на дальние пути и там они стояли до тех пор, пока их не вылечат люди-вагонники.

Паровозик нашел три вагона и прицепился к ним.

«Я уже не совсем маленький» - думал он, - «Я им покажу, что у меня есть много силы». Сначала он легонько потянул вагоны, но они стояли. Это были тяжелые вагоны с углем. Тогда паровозик сильно дернул их. Вагоны задрожали, но продолжали стоять.

Бедный, глупый, маленький паровозик не знал, что даже один вагон он не смог бы сдвинуть с места, а он сразу три захотел.

Паровозик вспомнил, что дедушка, когда поезд был тяжелым, всегда сыпал песок под колеса.

Он тоже насыпал себе песок, набрал побольше пара и со всей силы закрутил колеса. Из его трубы повалил черный дым с огнем, а из-под колес посыпались искры.

Ему стало больно и жарко, но упрямый паровозик продолжал изо всех сил крутить колеса. Из-за большого огня в топке, дверки ее стали красными, а потом почти белыми, и его зеленая, деревянная будка вдруг сначала задымилась, а потом вспыхнула огнем, и только тогда паровозик опомнился и остановился, но было уже поздно – он уже горел!

Он горел, а рядом никого не было, так как наступила ночь. И тогда паровозик загудел, но не просто загудел, а так, как учил его дедушка. Один длинный гудок и три коротких, один длинный и три коротких. Это был сигнал беды, горя, и все кто его слышал, должны были немедленно прийти на помощь!

И люди услышали и прибежали, и начали тушить паровозик, и приехал пожарный поезд, и только тогда огонь был потушен.

Пожарники свернули свои пожарные рукава и уехали. Остальные люди, усталые и грязные, пошли мыться в душевые, и паровозик остался совсем один.

Но это был уже не тот красивый и нарядный паровозик. Будки не было совсем, она сгорела. Труба сломалась и валялась

на земле, все колеса были негодными, везде капала вода, и весь паровозик был черным и грязным.

А в это время на станцию прибыл поезд, который притащил дедушка-паровоз. Ему все рассказали, и он сразу же отцепился и поехал быстрее к внуку.

Тяжело и больно стало старому паровозу, когда он увидел сгоревший паровозик. Много видел старик на своей жизни паровозной: видел он и взорвавшиеся паровозы, видел и сгоревшие, видел паровозы и после крушения, но то были большие паровозы, а это был совсем маленький, да к тому же еще и родной внучек!

Поплакал старый паровоз, погоревал, да делать нечего: слезами горю не поможешь, тихонько подцепил он паровозик и потащил в депо. Поставил возле ворот и задремал рядом.

А утром пришли люди-ремонтники: слесаря и кузнецы, сварщики и токаря, механики и мастера. Пришел и самый Главный Инженер. Он посмотрел, помолчал, а потом сказал: «Много работы, легче выкинуть на металлолом».

Старик-паровоз, когда услышал эти слова, страшно рассердился. Он так сильно загудел, что все люди везде закрыли уши, а дед гудел: «Не позволю-у-у-у, не да-а-а-ам, не пушу-у-у-у!».

Из толпы людей вышел самый Старый Мастер. Ему было столько же лет, сколько и старому паровозу и они были всю жизнь друзьями.

Мастер поднял руку, и паровоз перестал гудеть. И Мастер сказал: «Люди! Послушайте меня, у моего друга, старого паровоза, горе, и я его в беде не брошу. Я буду бесплатно ремонтировать паровозик. Кто со мной?».

И люди все сказали: «Мы с тобой, мы согласны». И тогда самый Главный Начальник сказал: «Ну, тогда я не против, тогда ремонтируйте».

А Мастер подошел к старому паровозу, похлопал его по колесу, и сказал: «Ты, друг, не переживай, иди работай, а мы все сами сделаем как надо, ты мне веришь?». И старый паровоз довольно прогудел: «Верю-у-у-у!» - и поехал на станцию, на работу.

А люди затащили паровозик в депо и закрыли ворота, и когда дедушка-паровоз вечером подъехал к депо, он уже внука не увидел. И он уснул прямо на улице. И спал каждую ночь на этом месте.

Он ждал внучка.

Слесаря сняли сгоревшие и негодные колеса, и разобрали котел. Сначала они вычистили все, что осталось, а потом начали ремонт.

Люди поставили паровозику новые колеса, побольше, поставили новый котел-посильнее, поставили новую трубу и новую будку.

Потом начали красить.

Быстро говорится, да долго дело делается: немало ночей ждал старый паровоз у ворот, пока, наконец, они не открылись, и дед не поверил своим глазам: из ворот выехал паровозик, но теперь он повзрослел. Колеса стали побольше, труба повыше и гудок стал у него не детский, а почти как у настоящих, больших паровозов.

«Малыш мой дорогой – это ты?» - спросил дедушка.

«Да – ответил паровозик – это я, но я уже не малыш, я уже почти взрослый, и люди сказали, что я буду работать на станции».

А люди собрались у ворот и смотрели на радостного деда и довольного внука. И пришли самые главные Начальники и поблагодарили всех, кто ремонтировал паровозик, а дед-паровоз подъехал к старому Мастеру и тихонько прогудел: «Благодарю»

у-у-у!»). А Мастер сказал: «Все, друг, отработал я свое, ухожу на пенсию, отдыхать буду. Это был мой последний ремонт. А ты за внука не переживай, он стал не только сильнее, но и умнее.

Паровозы, как и люди – растут и становятся взрослыми, а значит, становятся умнее, теперь он не маленький Паровозик, а молодой Паровоз, и впереди у него большая, взрослая жизнь. Теперь будете работать вместе».

Вот моей сказке и конец, а кто слушал – молодец!

Пройдет немного времени и вы, дети, станете взрослыми, станете Папами и Мамами, и будут у Вас маленькие детки, и вы будете им рассказывать эту сказку, а потом, Ваши детки станут Папами и Мамами, а вы будете Дедушками и Бабушками и эту сказку расскажите своим внукам и внучкам, и вы все будете вспоминать старого Машиниста, который впервые рассказал эту историю своему маленькому внучку, Владику!

Конец.

Случай в Гороховке.

**Рассказ написан во времена
лигачёвской антиалкогольной
компании и, как-бы, в пику ей.**

Парефразируя знаменитые слова классика, мне тоже хочется воскликнуть:

– И какой же русский не любит грибы!

Лично я обязан этому увлечению многим, если не сказать больше. Детей приносит аист, их находят в капусте, а меня, по словам моей бабушки, нашли среди грибов, при этом она укоризненно смотрела на мать, которая в ответ отшучивалась. Как бы оно не было, но грибное я люблю с раннего детства.

В военное лихолетье, переболев многими болезнями, имея слабое зрение, я, все-таки, закончил десятилетку сразу после Победы, и подал документы в университет.

Отец, армейский политработник, погиб в начале войны и моя бедная мама, как ангел-хранитель, оберегала меня от всяких ненужных, по ее мнению, забот и житейских проблем, которые могли отвлечь меня от главного – учебы.

У нас была хорошая домашняя библиотека, которая помогала мне иметь знания, далеко выходящие за рамки школьной программы.

На биофак я попал не потому, что об этом мечтал, а просто поспорил с товарищем. Он утверждал, что гриб, который мы срываем и едим – это не гриб, а орган размножения гриба, и что сам гриб находится в земле. От такого объяснения мне становилось не по себе, когда я ел грибное, и чтобы доказать ему, а больше, чтобы успокоить себя, я и пошел на биофак. Когда я узнал правду, то выбирать другую профессию было поздно, да уже и не хотелось – нужно было защищать диплом.

С распределением мне не повезло, до ближайших грибочков было километров пятьдесят в любую сторону и поэтому все свое дальнейшее свободное время в Гороховке я тратил на то, чтобы добраться и собрать их.

Друзей на новом месте с транспортом у меня не было, да и вообще, друзей у меня года два не было, ввиду моего трезвого и домашнего образа жизни.

Впрочем, один друг появился сразу – это дед Трофим, у которого я жил, меня привел к нему председатель колхоза. Бабку свою он давно похоронил, вкус грибов забыл, и поэтому, когда мы сели впервые за стол ужинать и он попробовал баночку моих, как теперь говорят, «фирменных», то подумав немного, дед полез в погреб и достал фляжку. На мой отказ он заявил, что это для больших друзей, а я для него теперь больше чем друг, и что это не то, что я думаю, а это его лекарство, «взвар», и что оно очень помогает от «ломоты» и «нутряных болей», а так, как во мне, кроме кожи и костей ничего нет, то я должен обязательно лечиться.

Боясь обидеть старика и с первого дня испортить себе существование, я попробовал этот его «взвар». Это было что-то невероятное!

Дикая смесь самогона-первака, настоящего на перце, с удущающим ароматом парфюма!

Я хотел крикнуть, что так нельзя, что надо предупреждать, но вместо слов и крика у меня вырвалось какое-то дикое завывание, которое дед Трофим расценил как звуки восхищения, и налил мне снова пол стакана...

Это было последнее четкое воспоминание. Потом я шепотом кричал деду, что человек человеку друг, а не волк, и вообще, лучше грибов ничего нет, что гриб – это тоже мясо, только раститель-

ное и даже лучше мяса, на что дед удивленно открыл свои когда-то голубые глаза и по-детски спросил меня:

- А чего же его волк не ест?

- О, санта симплицитас! О, святая простота! – прошептал я, и сознание мое померкло.

Ощущение жизни вошло в меня чрез нос. Режущий запах аммиака проник мне в мозг, и я застонал. «Я мыслю, следовательно, существую», - прошептал я свое любимое на латыни, и открыл глаза. Головы не было – была сплошная боль. Без очков я видел не очень, и то, что услышал удивило меня, несмотря на мое ужасное состояние.

- Во гад, опять дает! – быстрый дедовский говорок, но еще больше его слова, возвращали мне способность осмысливать происходящее.

- Кто гад? И что он дает? – вяло думал я, стараясь в расплывчатых фигурах увидеть что-нибудь знакомое.

- Я его, змееныша, сразу раскусил, - продолжал дед кому-то рассказывать, - я их, чертовое семя, в последнюю войну остатним зубом давил, а он мне мелет, что человек человеку волк, и что гриб лучше мяса – сразу видно, что не нашего вкуса, чтоб я мясо на гриб менял, да ни в жизни! А потом, как выпил, так по-своему и зашипел.

- У-у, паскуда очкастая, и как он к нам добрался! – раздался звучный дедов плевок.

- Подожди, батя, - властный мужской голос прервал его, - дай человеку очки, а то он глаза открыл и ничего, наверно, не видит.

- Ему не очки, а цепи одеть надо, - продолжал ругаться дед.

«Это же обо мне говорят!» - дошло до меня, и я сделал движение, чтобы встать, и только тут почувствовал, что связан и

подо мной какая-то жердина, привязанная к ногам и рукам. Грубая дедовская рука, пахнувшая самосадом и лошадьё, толкнула мне на нос очки, и я увидел злющие глаза деда Трофима, сверкавшие из-под нахмуренных бровей.

- Ну ты, мухоморье племя, сей секунд говори, где русский выучил и чего делать приказано! – закричал дед, потрясая кнутом, - враз говори, а не то, я тебе без самбы такую допросу сделаю, что свой родной язык забудешь!

Нешуточные угрозы деда и громыхнувший вслед за этим бас, заставили меня вздрогнуть, и я снова сделал попытку встать...

- Ты замолчишь, или нет! – сказано тебе, подожди! Ты мне еще расскажешь, что это вы такое пили!

Бас принадлежал могучему человеку, стоящему с другой стороны.

- Опять фляжку доставал, клялся же, что в последний раз. Ну, батя, теперь все!

То ли от голоса, то ли от упоминания от фляжки, но дед Трофим вдруг съежился и отошел в сторонку. Богатырь наклонился ко мне и стал развязывать узлы, приговаривая: «Ах ты, старый вояка, ишь как завязал, как-будто языка взял!».

Дед с угла обронил: «Брал, и буду брать!».

Наконец-то я смог пошевелить руками и ногами, все тело болело, а в голове что-то перекатывалось и стучало, то в один висок, то в другой.

- Говорить можем? – строго спросил бородач.

- Да-а, - хрипло протянул я.

- Василий Трофимович, а Вас как? – он протянул мне руку, и мне пришлось протянуть в ответ свою:

- Иван Кузьмич Груздев, - ответил я, на что дед Трофим усмехнулся и съязвил:

- Вишь ты, Иван! Да еще Груздев!

- Ну и артист, опять грибы!

- А документы, какие есть у Вас? – бородач продолжал вежливый, но настойчивый допрос. Пока он спрашивал, я вдруг уловил какое-то сходство между дедом и им, и чем больше вглядывался, тем больше убеждался, что передо мной сын деда Трофима.

- Есть, они там, в чемодане, - отвечал я, растирая свою ладонь после рукопожатия.

- Тут он, тут – заговорил быстро дед.

- Сейчас я, Васенька, принесу. Я его под Графом спрятал – и выкатился из избы.

- Это ж надо, - усмехнулся Василий Трофимович, - собаке чемодан доверил. Дверь скрипнула, и дед с победоносным видом внес мой старый, деревянный чемодан, покрашенный красной краской.

- Товарищи! – начал я, доставая ключ и открывая чемодан, - никакой я не шпион и не иностранец. И это просто смешно и несерьезно, что вы вдруг так решили. Документы свои я уже председателю вашему показывал, посмотрите и вы.

Дед Трофим цеплялся за каждое мое слово:

- Подумаешь, председателю показывал, да он же молодой и зеленый! С Якова такой же председатель, как с меня паровоз – дыму много, а пару нет!

- Документы, - Василий Трофимович произносил это слово с ударением на втором слоге, - хорошие, и фото везде ваше, и печати в порядке, так что, батя, дал ты маху со своим «взваром» - и он повернулся к деду.

- Извиняйся перед человеком, и дело с концом! Но дед не сдавался:

- А слова-то, слова, а? Чего он такое шипел? Чеха видел, поляка видел, румына, немецкий дважды учил, а такое речи не слышал. Пусть скажет, чего это он такое говорил?

- Дедуня, - я наконец-то рассмеялся, - это же на латыни, вроде наших пословиц, ну разные там умные мысли и выражения.

- Выражения я тоже знаю, - протянул дед, задумчиво почесывая в бороде, - может я и не шибко умный, зато хитрый. Пойдем-ка, Груздев, - дед сознательно исковеркал мою фамилию, - пойдем-ка, сходим к Зое Васильевне! Пусть она твою латынь послушает, а потом вместе и посмеемся.

- И правда, сходите к фельдшеру, пусть старый успокоится, а мне в кузню пора, работать надо, - Василий Трофимович кивнул в сторону деда Трофима и встал с табуретки.

- Чуть какая, - подумал я вслух, - поймите, что все это че-пу-ха! Документы вы мои видели, я вам все объяснил, и вообще, мне спать охота, - закончил я чуть сердито.

Дед радостно завопил:

- Ага, чево я говорил! Боится идти, вот так!

Кузнец тяжело и задумчиво посмотрел на меня, на деда, и медленно произнес:

- Черт его голову знает, так оно или не так, гадать не будем, а сходить придется, - сказал он таким тоном, что я понял – словами тут не поможешь, и это предложение кузнеца равносильно приказу.

Одеваться мне не надо было – свою первую ночь в Гороховке я спал в пиджаке, в брюках и при галстукке.

Дед вытащил из-за голенища кнут, взял его наизготовку, и мы пошли.

Когда все, наконец-то, кончилось, и я, красный от стыда и смущения, выскочил от фельдшера, которая вытирала глаза от

смеха, дед и его сын, виновато молча, зашагали со мной рядом.

Василий Трофимович первым нарушил молчание:

- Так, батя, вечером зайду, отдашь мне свою фляжку. И сколько я уже этой гадости вылил из нее, наверное, бочки две, а она все не кончается.

Дед оправдывался:

- При чем тут моя фляжка, когда он сам виноват: ползает по чужим словам, как вошь по ж... , а ты догадывайся, чего он говорит!

Потом осознав, что его вина неизмеримо больше, он, заглядывая мне в глаза, затараторил:

- Вы, Иван Кузьмич, шибко на меня не обижайтесь, по пьяному делу, чего не покажется, а насчет грибочков не беспокойтесь, транспорт будет, и собирать обязательно будем вместе, потому как я, кроме груздя, ничего в грибах не знаю, - и дед прикусил язык.

Кузнец остановился, подал мне руку, извинился, и затем спросил:

- Вопросик можно?

- Можно.

- Вот там у вас в бумагах сказано было «... для наблюдения, и так далее, флоры и фауны», - так вы мне вечером объясните, кто это такие, а мне сейчас на работу бежать надо, - и он раз-машисто зашагал в проулок.

Дед Трофим закрутил головой:

- Ох и Васька, уж и седина в бороде, а ему все неймется!

- Вы о чем, деда? – спросил я.

- Как о чем, о бабах конечно, только у нас таких нет, а которых вас Васька спрашивал.

И дед принялся мне объяснять, что на «ф» у них в округе только две бабы: одна Фаина в Раисовке, продавцом в сельпо, а другая – бабка Фекла у них, в Гороховке.

Продавщица после войны как начала рожать, так у нее сейчас пятеро на лавках, и что Васька знает ее, как свои кувалды, а у бабки Феклы, кроме загнутого дугой пальца на правой ноге, ничего интересного нет, и что ни Фролы ни Фауны у них нет и близко, и изучать мне будет некого.

«Флоры» - мысленно поправил я деда, думая о том, что жизнь моя в Гороховке начинается необычно, и скучать мне здесь не дадут, что впереди меня ждала интересная и любимая работа, новые встречи, друзья, а может быть и любовь, которую я знал только по книжкам.

Так думал я, шагая по пыльной деревенской улице, и вдруг, нога моя скользнула вбок, и от неожиданности, я схватился за деда Трофима, который остановился, но поздно.

Свежая коровья лепешка, припорошенная дорожной пылью и раздавленная моим туфлем и дедовским сапогом, напомнила мне, что я не на городском тротуаре.

Мы смеялись, показывая друг на друга пальцами, и запрокинув головы вверх, откуда щедрое солнце обливало нас светом и теплом.

Жизнь моя в Гороховке началась!

ЛИРИЧЕСКОЕ

*«Прими с улыбкою, мой друг,
Свободной музы приношение...»
(А.С. Пушкин, посвящение Н.Н. Раевскому)*

Фотография

Когда-нибудь,
через десятки лет,
С улыбкою ты взглянешь на меня,
И вспомнишь может –
жил один поэт,
Один чужак,
что так любил тебя!

И прошлое, вдруг станет настоящим!
Незванный гость – к тебе приду я вдруг,
Но не волнуйся – голосом звенящим,
Я не скажу: «Привет,
мой милый друг!»

Ты мне прости,
и это откровенье,
И грустный, непонятный стих.
Отныне ты в моём воображении
В делах!
В стихах!
В мечтах моих!

(1970-1971 г.)

Элегия

Пусть всё останется во мне!
Твоя улыбка,
губы,
руки...
Приди ко мне,
хотя б во сне,
Дай испытать пленительные муки.

Листком осенним губ моих коснись,
Снежинкой нежной
ляг мне на ресницы,
Ты только, милая, приснись,
И мне, позволь,
тебе
присниться!

(11-13.10.1988 г.)

Вопрос

Мне как-то дочка задала вопрос:
А почему ты, папка, не седеешь?
Ответил я и в шутку, и всерьёз –
Мол, вырастает то, что ты посеешь...

И всё опять мне память возвращает
В воспоминаниях купаюсь и тону,
И как река ошибок не прощает,
Так память мне – простила ль?
Хоть одну?
Мне моя память – самый страшный суд.
Моя Фемида точно всё отмерит.
Воспоминания и вяжут, и несут,
И приговаривают –
к высшей мере!

Суди же меня память, так всегда,
За каждую ошибку – только к смерти!
И чтобы не прощали мне года,
Вы, люди, их амнистии
не верьте!

Мне сединою зла не искупить,
Что совершил я вольно иль невольно,
Осталось лишь прощения просить
у фотографий,
А на сердце больно!

Как я хочу,
чтобы на склоне лет,
Когда мне вечным холодом повеет,
Влепил внучок вопрос,
как пистолет, —
А почему
наш деда
не сидит?!

Река жизни

Ишим, Ишим – река степная,
Дружу с тобой я много лет,
Ты ласковый, как мать родная,
Ты в сердце оставляешь след.

Девятилетней босотой
Я окунулся в твои воды,
Ты стал мне первой высотой
В те исторические годы.

Каким же я счастливым был,
Когда сначала «по-собачьи»,
Потом «вразмашку» я поплыл –
Победы первые ребячьи.

Гранита скал твоих ступени
Ватагой смелой покоряли,
И в кровь разбитые колени
Твоей водою исцеляли.

Ты был спокойным и ручным,
Ты яростным и диким был,
Ты не прощал пловцам любым
Беспечность и азарта пыл...

Ты моя первая река,
Ты мне последней чуть не стала,
Но друга верного рука
В последний миг меня спасала!
Прошли года. Мы постарели
С тобой, Ишим, - и ты, и я,
Но как бы мы не ослабели,
Ещё журчит твоя струя.

К себе ты манишь, как и прежде,
Река просторов и степей,
И прихожу к тебе в надежде –
Окрепнуть вновь в воде твоей.

(1984-2012)

